

Министерство образования и науки Российской Федерации
Байкальский государственный университет экономики и права

**СИБИРСКИЕ
УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ
И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ
ЧТЕНИЯ**

Сборник научных трудов

Выпуск 2 (8)

Иркутск
Издательство БГУЭП
2015

УДК 343(06)
ББК 67.408
С34

Печатается по решению редакционно-издательского совета
Байкальского государственного университета экономики и права

Редакционная коллегия:

проф. А.А. Протасевич (отв. ред.), проф. И.В. Смолькова,
проф. И.Г. Смирнова (науч. ред.), доц. В.Н. Китаева (отв. ред. вып.),
доц. Р.В. Мазюк, доц. М.С. Дунаева

С34 Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистиче-
ские чтения : сб. науч. тр. – Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2015. –
Вып. 2 (8). – 282 с.

ISSN 2411-6122

Сборник подготовлен по материалам круглого стола, состоявшегося в Байкальском государственном университете экономики и права 14 декабря 2015 года и посвященного 90-летию со дня рождения выдающегося ученого-криминалиста, заслуженного юриста РФ, доктора юридических наук, профессора В.И. Шиканова. В него включены статьи ведущих российских ученых, а также аспирантов, магистрантов по уголовному процессу, прокурорскому надзору, криминалистике, судебной экспертизе, оперативно-розыскной деятельности.

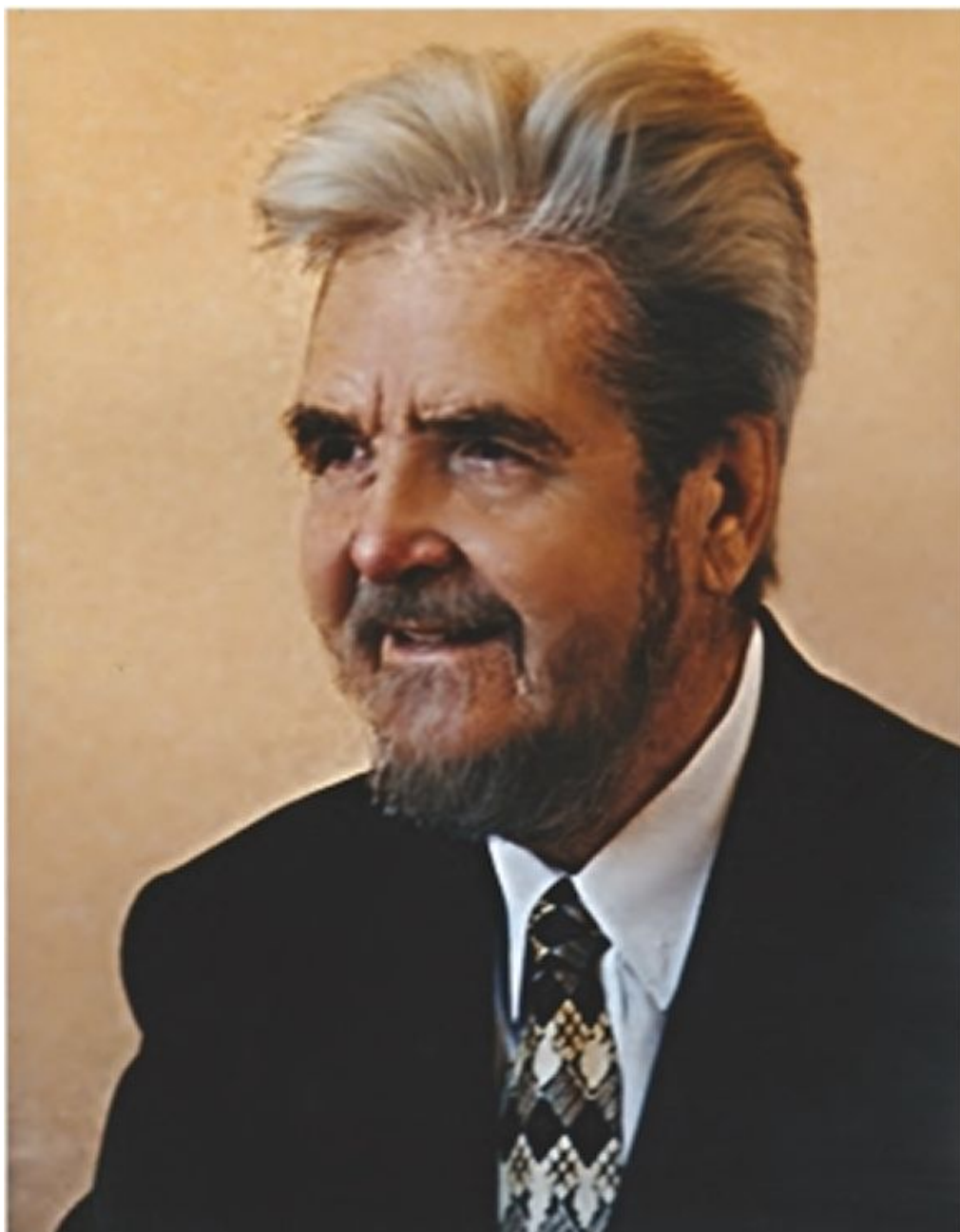
Предназначается для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов юридических факультетов.

УДК 343(06)
ББК 67.408

ISSN 2411-6122

© Издательство БГУЭП, 2015

*Посвящается 90-летию со дня рождения
доктора юридических наук, профессора
Владимира Ивановича Шиканова*

Владимир Иванович Шиканов
(29.12.1925–12.11.2008)
заслуженный юрист Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор

СОДЕРЖАНИЕ

ПАМЯТИ УЧЕНОГО

<i>Турчин Д.А.</i> Вхождение в науку В.И. Шиканова	8
<i>Степаненко Д.А.</i> О значении научной школы в формировании основной парадигмы научного познания	16

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

<i>Артамонова Е.А.</i> О волеизъявлении обвиняемого (подозреваемого) на изменение процессуальной формы	23
<i>Богатова Е.В.</i> Надзор за законностью приема и регистрации сообщений о преступлении	30
<i>Богачевская Е.А., Киселев А.В.</i> К вопросу об участии переводчика при расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств	36
<i>Буфетова М.Ш.</i> Тактика защиты в уголовном судопроизводстве	40
<i>Мазюк Р.В.</i> Процессуальный интерес следователя по взглядам профессора В.И. Шиканова	46
<i>Попова И.П.</i> Некоторые вопросы порядка постановления обвинительного приговора	56
<i>Реховский А.Ф.</i> Корейская модель суда присяжных	65
<i>Рукавишникова А.А.</i> Приостановление исполнения приговора, вступившего в законную силу, при его проверке в кассационном и надзорном порядках	74
<i>Смирнова И.Г.</i> Значение алиби по делам о преступлениях в сфере компьютерной информации: в развитие идей В.И. Шиканова	81
<i>Смолькова И.В.</i> Требуется ли признание вины обвиняемым при заключении им досудебного соглашения о сотрудничестве?	88

КРИМИНАЛИСТИКА. СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА. ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

<i>Александренко Е.В.</i> К проблемам изучения серийных сексуальных убийств	97
--	----

Асатрян Х.А. Особенности назначения и производства экспертиз при расследовании фальшивомонетничества.....	105
Баринов С.В. Криминалистическая характеристика личности преступника, совершающего преступные нарушения неприкосновенности частной жизни в киберпространстве	111
Дьяконова О.Г. К вопросу о признаках комплексной экспертизы	117
Егерев И.М. Учет психических процессов, задействованных в механизме формирования показаний, при допросе несовершеннолетних обвиняемых	125
Китаев Н.Н. О криминалистическом значении сновидений убийц	139
Китаева В.Н. В.И. Шиканов о комплексной судебной экспертизе	144
Коломинов В.В. Мошенничество в сфере компьютерной информации как объект криминалистического познания.....	153
Корнакова С.В., Сергеева О.С. О некоторых проблемных аспектах этики преподавателя высшего учебного заведения	160
Китаева В.Н. Проблемы формирования криминалистической характеристики преступлений террористической направленности	167
Машков С.А. Актуальные наименования технических оперативно-розыскных мероприятий.....	174
Протасевич А.А., Телешова Л.В. Особенности личности преступника в контексте криминалистической характеристики серийных убийств	181
Сибилькова А.В. Классификация источников информации о лице, совершившем преступление	193
Славгородская О.А. Тактическая операция «получение информации от свидетелей преступления»	200
Смахтин Е.В., Христинина Е.В. Тактические особенности производства допроса подозреваемого по делам о получении взятки в сфере высшего образования.....	208
Смолькова И.В., Ардашев Р.Г., Архипова А.Н. Проблемные вопросы обнаружения и предварительного исследования следов крови	216
Фойгель Е.И., Козулева А.А. Использование метода профайлинга в оперативной, следственной и экспертной деятельности.....	223

Трибуна молодых

Климова Я.А. Трансформация полномочий прокурора на стадии возбуждения уголовного дела	234
Раздрогоин А.В. Сравнительный анализ уголовно-процессуального законодательства стран СНГ, регулирующего предмет доказывания по уголовным делам о преступлениях несовершеннолетних, страдающих психическими расстройствами	243
Рогов А.Ю. О значении криминалистического изучения личности преступника в процессе расследования заказных убийств.....	249
Телешова Л.В. Взаимосвязь и взаимозависимость свойств личности с механизмом и способом совершения преступлений.....	257

Страницы истории

Шиканов В.И. «Простое» дело	268
--	-----

Рецензия

Ишигеев В.С. Рецензия на книгу Р.Г. Ардашева «Вопросы теории и практики расследования убийств, сопряженных с посткриминальным суицидом правонарушителя» (ИрГТУ, 2015)	278
--	-----

ПАМЯТИ УЧЕНОГО

УДК 343.98

Д.А. Турчин

ВХОЖДЕНИЕ В НАУКУ В.И. ШИКАНОВА

В статье рассматривается становление В.И. Шиканова как ученого-криминалиста. Отмечается его принципиальность, смелость в отстаивании научной точки зрения. Описана дискуссия по вопросу использования в уголовно-процессуальном доказывании запаховых следов человека. Изложена история защит диссертаций В.И. Шиканова. Названы направления научного поиска В.И.Шиканова.

Ключевые слова: В.И. Шиканов, ученый-криминалист, криминалистика, защита диссертации, одорология.

D.A. Turchin

INCLUDED IN SCIENCE OF V.I. SHIKANOV

In the article becoming of V.I. Shikanov is examined as a criminal scientist-lawyer. The his fundamentalness, boldness is marked in defending of scientific point of view. A discussion is described through question of the use in the criminal procedure proving of smell tracks of man. History of defence is expounded by a candidate and doctoral dissertations of V.I. Shikanov. The directions of scientific search of V. I. Shikanov are called.

Keywords: V.I. Shikanov, the criminal scientist-lawyer, criminalistics, defence of dissertation, odorologia.

Вхождение в науку Владимира Ивановича Шиканова ознаменовалось серьезными событиями в криминалистике, инициатором которых явился сам молодой ученый.

Он был одним из перспективных учеников у Ивана Филипповича Крылова. По счету тринадцатым аспирантом, а четырнадцатым оказался я, автор этих строк. Мне пришлось присутствовать на защи-

те его кандидатской диссертации в Ленинградском университете в 1968 году и помогать ему в некоторых технических предзащитных делах, что и послужило нашему сближению, в дальнейшем превратившемся в дружбу и научное содружество. Этому содействовало еще и то обстоятельство, что мы оба – выходцы из практических правоохранительных органов: он после службы в прокуратуре был избран членом Верховного суда Карело-Финской союзной республики, а я – после четырнадцатилетней работы в прокуратуре на различных должностях, в том числе и в качестве прокурора района.

Защита кандидатской диссертации на тему «Комплексная экспертиза в советском уголовном процессе» у В. И. Шиканова прошла блестяще. Все предсказывали ему надежную и спокойную перспективу в науке. Однако произошло по-другому. Он оказался настойчивым, принципиальным, смелым и честным ученым, не терпевшим никаких, даже малейших отступлений от истины и подлинно научных принципов и методов. Он преданно служил криминалистике, в ту пору еще окончательно не имеющей своего устойчивого понятия. Этому свидетельство то, что вскоре после защиты молодой ученый расстался со своей почетной высокой должностью верховного судьи, уехал в Сибирь и оказался доцентом кафедры Иркутского государственного университета, где при огромных возможностях возвратиться в центральные районы страны прожил до конца своей славной жизни. Вскоре заслужено был избран заведующим кафедрой уголовного процесса и криминалистики.

Так мы вдвоем: он в Иркутске, а я во Владивостоке оказались в невиданных просторах Восточной Сибири и Дальнего Востока, занимавших половину пространства нашего государства, где о проблемах науки криминалистики никто обстоятельно не пытался говорить. То, что существует сейчас – это великая заслуга Владимира Ивановича, энергичного и трудолюбивого, вечно искавшего чего-то нового, которым, в свете соблюдения процессуального закона, возможно усилить, дополнительно вооружить воинственную криминалистику.

Выйдя на обширные возможности своего личного научного потенциала, он создал организацию на уровне высоких достижений ее реализации. На базе своей и других кафедр он ежегодно организовывал научные и научно-практические конференции, поощрял и способствовал издавать монографии, учебные пособия и другие печатные работы. Лично сам он регулярно издавался. При этом каждое его издание являлось значимым вкладом в науку. Систематическое издание научных сборников было прочно налажено. Чего только стоит регуляр-

но выходящие сборники «Проблемы советского государства и права», в которых публиковались научные статьи не только ведущих ученых-криминалистов страны А. Н. Васильева, А. В. Дулова, А.М. Ларина, М. В. Салтевского и других, но и молодых практических и начинающих ученых, впервые пробовавших свое научное перо.

На фоне творческой деятельности В.И. Шиканова в вузах Сибири и Дальнего Востока стали появляться первые местные кандидаты наук в области криминалистики. Я имею в виду В.А. Оровера (Владивосток) и Н.В. Кручинину (Иркутск).

В данном случае нельзя не упомянуть о научной обстановке того времени в стране, касающейся состояния и перспектив дальнейшего развития науки криминалистики. Следует сказать, что складывались благоприятные условия для этого. Большое положительное влияние в этом отношении, считаю, оказало существование Всесоюзного координационного бюро по криминалистике под руководством талантливого ученого-криминалиста и организатора Николая Алексеевича Селиванова, руководителя сектора криминалистики Всесоюзного института по изучению причин и разработок мер по предупреждению преступности при Генеральной прокуратуре. Его глубокие научные знания и личная организационная привлекательность способствовала формированию вокруг него молодых кандидатов и доцентов – криминалистов, которые под его руководством и практически организационном обеспечении сестер Е. и Л. Викторовых в соответствии с планами Координационного бюро ежегодно съезжались для обсуждения и внедрения в следственную практику новейших методов борьбы с преступностью. В этой когорте были сегодняшние доктора и профессора В. С. Бурданова, В. П. Бахин, В. М. Быков, В. К. Гавло, И. Ф. Герасимов, Л. И. Драпкин, В. Д. Зеленский, Е. П. Ищенко, В. Е. Корноухов, В. А. Образцов, Н. И. Порубов, В. Т. Томин и другие, а так же, конечно, В. И. Шиканов, который был избран заместителем председателя Координационного бюро и вместе с Н. А. Селивановым успешно направили научную деятельность криминалистов. Наиболее высший состав ученых Р.С. Белкин, А.Н. Васильев, А.И. Винберг, А.Р. Ратинов, И.Ф. Крылов, И.Ф. Пантелеев и немногие остальные в принципе не касались основного состава криминалистического общества, состоявшего из кандидатов науки и доцентов. Большей частью они спорили между собою о предмете и методах криминалистики. Различие научных интересов между ними наиболее остро проявилось на всесоюзной научной конференции в городе Алма-Ата в 1974 году по проблемам совершенствования следст-

венных действий и оперативно-розыскных мероприятий... С начала конференции на сцене восседали доктора и профессоры. Мы из зала горячо приветствовали их в ожидании чего-то необыкновенного. Однако не прошло и часа как между ними возникли различные споры далекие от программной тематики. Сидящие в зале оказались только слушателями и свидетелями отсутствия единства в среде ведущих ученых.

Мне пришлось выступить. Назвав сидящих на сцене «отцами науки», я бросил им упрек за то, что мы уклонились от основной темы конференции из-за их спора по теме, которая имеет другое важное значение. Тут же оппонировал мне А.Р. Ратинов, сказав, что в споре рождается истина, и что криминалистическая тактика не способствует надлежащему развитию преступлений. Вслед за этим выступил И.Ф. Герасимов, обратив внимание на то, что действительно ведущие ученые замкнулись в самих себя и слабо продвигают науку и практику. Разгорелись общие споры, в которых среднее звено науки в сплоченном единстве заявило о себе в качестве значимой части ученых криминалистов.

На Алма-атинской конференции не было А.И. Винберга. Но все уже знали, что он в большой советской энциклопедии заявил об одорологии в качестве отрасли криминалистики. В его определении одорология характеризовалась примерно так же как она приводится Т.В. Аверьяновой и Е.Р. Россинской [1, с. 268]. В общих чертах криминалисты ничего против не имели насчет подобного криминалистического учения. О запаховых следах в науке давно было известно, хотя бы из практики использования при розыске преступников сыскной собаки. Проблема заключалась (впрочем, и сейчас заключается) в нахождении методов научной идентификации запаха. В связи с этим от сторонников одорологии ожидалось научные ответы на поставленный вопрос: каким образом одорологию реализовать в практической деятельности расследования преступлений? Очевидно Абрам Ильич чувствовал за собою логическую обязанность, хотя бы указать пути практического разрешения научной проблемы. И А.И. Винберг с товарищами выступил с изложением практической методической теорией идентификации личности по запаху при помощи так называемой выборки подозреваемого среди группы лиц сыскной собакой. Предлагалась процедура производства такой «выборки», содержание которой было оформлено в виде «Инструкции» под грифом «Для служебного пользования».

Подобное решение сложной криминалистической задачи никто не ожидал от известного и уважаемого ученого. Потому, понимая не-

состоятельность и невозможность практического применения предложенной методики, научная общественность на первых порах молчала. Никто не решался выступить против А.И. Винберга, который заслуженно пользовался в науке огромным авторитетом и уважением, тем более что были и сторонники инициаторов, поддерживающие подобного рода «идентификацию».

Но вскоре «гром грянул», когда В.И. Шиканов и прокурор Читинской области Н.Н. Тарнаев в отдельном издании выступили с жесткой критикой предложенных методов использования запаховых следов в следственной практике [7].

Кроме названного издания В.И. Шиканов организовал выпуск межвузовского сборника, посвященного в основном спорной проблеме использования запаховых следов в практической деятельности, в котором выступили многие авторы, составляющие основной состав криминалистов второго уровня страны. Все они негативно отнеслись к проблеме использования розыскных собак в качестве биологического детектора даже при оперативной идентификации лиц по одорологическим следам [5]. В науке образовалось две противоположных группировки, настойчиво отстаивающих свои взгляды. Первую, куда входили Р.С. Белкин, Г. Мудьюгин, И.М. Лузгин и др. возглавлял А. И. Винберг, другую, более многочисленную, возглавляли В.И. Шиканов и М.С. Строгович.

Борьба и соперничество были жестокими длительными, доходившими до обращения в ЦК КПСС и суд. Примечательно, что обе стороны изначально считали, что науке пока не известно каков механизм тонкого восприятия и различения запаха собакой. На этот счет со стороны А.И. Винберга высказывались различные даже нелепые предположения. Но никто из них не обратился к биологам и физиологам для уяснения данного основного вопроса. Уже несколько лет спустя, когда «спор века» утихал, автору этих строк, почти случайно попался двухтомник всемирно известного немецкого физиолога профессора Ранке, чьи труды Гитлер сжег на площади Берлина. Я обнаружил раздел об обонянии и слуховых органов, где автор приводит рисунок волокон нерва обоняния собаки [3, с. 609–613]. Оказывается, все это естественно и просто, о чем было известно давно. Из всего этого я сделал вывод, что и сейчас еще существует недостаточная связь криминалистов с естественно-техническими науками. Гуманитариям-юристам не под силу самостоятельное проникновение в естественные науки. Очевидно, надо создать специальный справочный раздел о естественно-технических возможно-

стях в криминалистической деятельности. Приведенный пример напоминает другую, но менее острую историю о фиксации и идентификации звука, о чем писал в своей докторской диссертации Н.А. Селиванов еще в 1967 году. Но сколько прошло времени и утрачено возможностей, прежде чем криминалисты решили эту проблему.

В.И. Шиканов остро чувствовал эти проблемные вопросы. В своей докторской диссертации на тему «Актуальные вопросы уголовного судопроизводства и криминалистики в условиях современного научно-технического прогресса» он охватил многие проблемы текущего периода активного научного развития криминалистики и уголовного процесса того времени. Он писал, что «в качестве важнейшего фактора совершенствования деятельности правоохранительных органов, признанных вести борьбу с преступностью в условиях современной научно-технической революции выступает внедрение в следственную практику криминалистической техники и научных методов расследования преступлений» [8, с. 7]. При этом В.И. Шиканов подчеркивал, что естественно-технические вопросы применения в практической криминалистике должны находить свое разрешение только с учетом положений, выработанных уголовно-процессуальной теорией, только в соответствии с принципами уголовного процесса [8, с. 17].

В докторском исследовании ученого нашли отражение применения в следственной практике новые научные возможности звукозаписи, автоматизирования систем и процессов, модификации техники симультанного опознания, использование микроследов, в систему которых он совершенно правильно относил одорологические следы, а так же многие другие важнейшие проблемы отношения судопроизводства к использованию научно-технических средств в целях установления истины при разбирательстве уголовных и гражданских дел.

Естественно, диссертант обратился к своему учителю И.Ф. Крылову с просьбой, чтобы он ознакомился с первым текстом диссертации и в роли неофициального оппонента высказал свои соображения о качестве результатов исследования. Трудно теперь сказать, что имел в виду известный ученый под сказанной им фразой: «Это одеяло из разноцветных лоскутков». Под этими словами можно понимать и положительную оценку достигнутых результатов исследования. Ведь в произнесенных словах отсутствует текст «не диссертация, а». Однако по стране недоброжелатели Владимира Ивановича стали говорить с включением приведенного текста «Это не диссертация, а одеяло из разноцветных лоскутков!».

Вновь в науке возникло напряжение. В.И. Шиканову, пока еще кандидату наук доценту, пришлось немало пережить. Но, несмотря ни на что, он, не останавливаясь, продвигал свое научное детище – докторскую диссертацию потому, что был уверен в своей правоте и подлинной научности своих трудов. Положительную роль сыграла поддержка его со стороны второго звена ученых-криминалистов.

Докторскую диссертацию к защите приняла кафедра криминалистики Всесоюзного Юридического Заочного института, возглавляемая доктором юридических наук, профессором И.Ф. Пантелеевым, одним из сторонников В.И. Шиканова. Находясь в Москве, мне удалось присутствовать на заседании кафедры. Людей было много. Были и считавшие невозможным принятие диссертации к защите. Но основных противников (А.И. Винберга, Р.С. Белкина и др.) не было. Поэтому краткие выступления заведующего кафедрой, а так же известного криминалиста профессора А.А. Эйсмана способствовали принятию решения об удовлетворении просьбы соискателя принять диссертацию к защите. Прошедшее заседание кафедры показало, что противники готовятся дать В.И. Шиканову решительный бой в процессе защиты, для чего послали своих представителей выявить наиболее слабые места исследования соискателя. Предстоящую ночь я и Владимир Иванович долго не спали: устраняли некоторые уязвимые места из текста работы, в отношении которых были наиболее серьезные замечания.

На защите диссертации, к сожалению, мне не пришлось присутствовать. Известно, что защита началась в 14 часов и с одним перерывом, закончилась в 2 часа ночи следующего дня. Можно представить – какое это было сражение между двумя противоположными группами. Причем, на одной из них, нападающей, были давно признанные выдающиеся ученые – Р.С. Белкин, А. И. Винберг, И.М. Лузгин, а так же многие их почитатели из академии МВД. А на другой стороне молодой ученый, дерзнувший выступить против ошибок и ненаучных методов следствия, предложивший свои, более научно обоснованные и допустимые для применения в уголовном процессе новации. Верно, его поддерживал член-корреспондент академии наук СССР М.С. Строгович. Как мне рассказывал В.И. Шиканов, были периоды, когда его противники уклонялись от непосредственной темы, активно нападая на М.С. Строговича. Это давало ему возможность отдохнуть и заодно обдумать предстоящее очередное выступление в качестве ответов на критику его диссертации.

По окончании жаркой дискуссии почти никто не ушел. Зал замер при выходе счетной комиссии. Невероятно! Ученый Совет единогласно присвоил Владимиру Ивановичу ученую степень доктора юридических наук.

Научная жизнь В.И. Шиканова и далее неоднократно ставила его в условия острой борьбы с людьми, попустительствующими небрежному или недобросовестному отношению к науке. Предъявляя к себе строжайшие требования высокого уровня научности, он этого требовал и от других [6, с. 4–6]. Малейшие отступления от подлинно научных позиций он подвергал глубокому анализу и оценке, беспощадно критикуя их создателей в случае отступления от научных требований [2, с. 80].

С образованием судебно-следственного факультета в Байкальском государственном университете экономики и права В.И. Шиканов перешел туда к своим ученикам и последователям. В этом творческом коллективе большой труженик в области криминалистики и уголовного процесса еще более чем прежде приложил свою научную энергию к организации создания многих известных научных трудов. Он руководил издательской и научной деятельностью. Здесь под его руководством созрели многие преподаватели криминалистических дисциплин и стали опытными учеными [4]. Долгое время он являлся заместителем председателя известного в стране Докторского совета, возглавляемого профессором А.А. Протасевичем.

Владимир Иванович преданно служил науке и немало совершил для ее закономерного, объективного развития.

Список использованной литературы

1. Аверьянова Т.В., Россинская Е.Р. Энциклопедия судебной экспертизы. М. : Юрист, 1999. 552 с.
2. Протасевич А.А., Шиканов В.И. Критический анализ так называемой «Криминалистической диагностики» // Проблемы криминалистического распознавания : материалы науч.-практ. конф., 23 апр. 1999 г., Иркутск – Москва. Иркутск, 1999. С. 63–80.
3. Ранке И. Человек. Развитие, строение и жизнь человеческого тела. СПб. : Тип. Товарищества «Просвещение», 1903. Т. 1. 688 с.
4. Смирнова И.Г., Китаева В.Н. Предпосылки, тенденции и перспективы развития криминалистической науки в Байкальском государственном университете экономики и права // Известия ИГЭА. 2015. Т. 25., № 2. С. 303–309.

5. Турчин Д.А. О возможности применения методов одорологии в уголовном судопроизводстве // Вопросы борьбы с преступностью на современном этапе. Ученые записки Дальневосточного государственного университета. 1973. Т. 66. С. 72–79.

6. Турчин Д.А. Рыцарь науки // Дальневосточные криминалистические чтения. ДВГУ, 2008. Вып. 15. С. 4–6.

7. Шиканов В.И., Тарнаев Н.Н. Применение служебно-розыскных собак при расследовании преступлений. Иркутск – Чита : [б.и.], 1973. 76 с.

8. Шиканов В.И. Актуальные вопросы уголовного судопроизводства и криминалистики в условиях современного научно-технического прогресса. Иркутск : ИГУ, 1978. 190 с.

Информация об авторе

Турчин Дмитрий Афанасьевич – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист России, почетный работник науки и техники РФ.

Information about the author

Turchin Dmitriy Afanasievich – Doctor of Law, Professor, deserved lawyer of Russia, honoured worker of science and technique of Russian Federation.

УДК 343.98

Д.А. Степаненко

О ЗНАЧЕНИИ НАУЧНОЙ ШКОЛЫ В ФОРМИРОВАНИИ ОСНОВНОЙ ПАРАДИГМЫ НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ*

Статья посвящена вопросам формирования научной школы В.И. Шиканова. В работе раскрываются тенденции развития отноше-

* Материал подготовлен в рамках выполнения проекта «Повышение эффективности уголовного судопроизводства по делам о киберпреступлениях для обеспечения национальной безопасности» в рамках гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых – докторов наук (Конкурс – МД-2014) на 2014–2015 годы (договор № 14.Z56.14.2691-МД).

ний научного руководителя и аспиранта. Автор подчеркивает необходимость развития научного знания, обязательность участия молодого ученого в научных мероприятиях (конференциях, круглых столах семинарах и т.п.), поддержание публикационной активности.

Ключевые слова: криминалистика, образование, научная школа.

D.A. Stepanenko

ABOUT VALUE OF SCIENCE'SCHOOL IN FORMATION OF THE MAIN PARADIGM OF SCIENTIFIC KNOWLEDGE

Article is devoted to questions of scientific school'sformation. This article includes the description of tendencies of development the relations of the research supervisor and the graduate student. The author emphasizes value of development of scientific knowledge, obligation of participation of the young scientist in scientific actions (conferences, seminars, etc.), maintenance of printing activity.

Keywords: criminalistics, education, school of sciences.

Если учитель имеет только любовь к делу,
он будет хороший учитель.
Если учитель имеет только любовь к ученику –
он будет лучше того учителя, который
прочел все книги, но не имеет любви ни к делу, ни к ученикам.
Если учитель соединяет в себе любовь к делу и к ученикам, он –
совершенный Учитель.
Л.Н. Толстой

Моё вхождение в криминалистику было в равной мере как случайным, так и закономерным явлением. Учеба на юридическом факультете Иркутского государственного университета (тогда единственного вуза региона, где можно было получить академическое юридическое образование) вызывала массу положительных эмоций и впечатлений от общения с интереснейшими преподавателями – настоящими мастерами лекторского искусства и обладателями колоссальной общей и профессиональной эрудиции.

Эти художники научного слова, читая свои лекции, давали нам новые знания, умело приглашая в научное пространство, в мир эмпирических поисков и теоретических абстракций.

Училась я, как и многие в нашей группе (а группа, надо заметить отличалась страстью к учебе и перманентным желанием поглощать всё новые и новые знания) отлично. А будучи ещё и обладателем стипендии им. Карла Маркса (да-да, была и такая, овеванная революционным духом строителей коммунизма, которая давалась за особые заслуги в учебе, общественной деятельности и **науке**), принимала активное участие в различного рода научных мероприятиях: олимпиадах, конкурсах, конференциях, круглых столах, писала статьи, выступала с докладами, посещала научные кружки, успевала проходить курс обучения по двум юридическим специализациям.

Во время подготовки к одному из научных мероприятий – конкурсу по разработке научно-методических пособий по предмету «Криминалистика» (инициатива его проведения принадлежала Ученому совету юридического факультета для активизации научно-исследовательской деятельности студентов и выявления талантливой научно ориентированной молодёжи. В рамках этого конкурса некоторым студентам было предложено войти в творческий коллектив кафедры и принять участие в составлении «Задачника по криминалистической тактике» и «Практикума по криминалистической технике»), я как-то незаметно увлеклась этой учебной дисциплиной, хотя до этого меня больше привлекало государственное право и основные научные статьи того периода были посвящены институту президента и его возможного появления в российском государстве (раздвоение интересов напоминало своеобразные научные качели, шел поиск себя, своего научного направления). После подведения итогов конкурса доктор юридических наук, профессор Владимир Иванович Шиканов – известный ученый-криминалист – предложил мне писать дипломное сочинение под его руководством и даже сформулировал будущую тему моего исследования.

Тема была необычная и мало разработанная – «Использование моделирования как метода познания в расследовании преступлений». Работа должна была носить теоретико-методологический характер, но не без прикладного аспекта. Задача для студента пятого курса непростая. Источниковая база исследования невелика, и это с одной стороны, конечно же, напрягало. Тогда не существовало Интернет-пространства и разнообразных поисковых систем, в распоряжении ученых были только библиотечные фонды и непосредственное общение с представителями той или иной науки. С другой стороны – стимулировало и интриговало самой возможностью написать нетипич-

ную научную работу и справиться с поставленной большим ученым задачей. Приходилось много проводить времени в библиотеках, отыскивая необходимую криминалистическую, философскую, психологическую литературу, работать с архивными документами прокуратур, судов, и склеивать из собранного материала «кирпич» будущей работы. Было увлекательно погружаться в новый для меня эмпирический и теоретический материал, овладевать языком криминалистики. В научный обиход моих первых статей стали входить термины: реконструкция события преступления, секцуссивный и симультанный режимы узнавания, модель познавательной деятельности, алгоритм решения задачи, версионность мышления, распознавание, познавательный «инструментарий» следователя, тактико-психологические криминалистические средства и т.д.

Если бы не мой научный руководитель и со временем шеф по работе – В. И. Шиканов, возможно я так и не смогла бы пробраться сквозь хитросплетенные научные дебри. Но профессор, как он позже не раз говорил, видел в молоденькой пытливой девчонке научный потенциал и, взяв надо мной научное руководство, терпеливо, мудро, поступательно прививал любовь к криминалистической науке, учил пользоваться научным познавательным инструментарием, раскрывая магию любимой им науки, показывая ценность таких понятий как научная добросовестность, принципиальная позиция, профессиональная эрудиция, уважение к тому, что создано до тебя... Дипломная работа была успешно защищена, и с красным дипломом выпускника юридического факультета ИГУ я пришла на кафедру криминалистики своей Альма-матер.

В дальнейшем тема дипломного сочинения переросла в тему кандидатской диссертации («Моделирование как метод научного исследования в приложении к решению задач уголовного судопроизводства: некоторые актуальные аспекты проблемы», которая успешно была защищена в Томском государственном университете в 1996 г.), а я, незаметно для себя, обрела престижный статус аспиранта Иркутского государственного университета, дерзающего под руководством основателя школы криминалистов Восточной Сибири.

Профессор был неумолим в научном поиске, въедлив и скрупулёзен. Его знали во всех библиотеках города, в отделах межбиблиотечного обмена, типографиях, и очень уважали. Своим ученикам он прививал бережное отношение к книге и слову.

Порою казалось, что научная планка, установленная им для себя и своих последователей, выше человеческих сил, так как каждая

страница текста должна была соответствовать высоким стандартам научности по содержанию и форме. Его перфекционизм, стремление к идеалу, заражал и был настоящей школой научного мастерства.

Владимир Иванович – педант и любитель порядка во всём (а в мыслях особенно), строго следил за соблюдением всех возможных требований к качественным и количественным показателям текста: количества строк, знаков в строке и на странице, языковой грамотности, аккуратности, топографии письма и т.п. В советское время вообще уделяли большое внимание и придавали значение всем этим тонкостям. Отстаивался принцип, что форма всенепременно должна соответствовать содержанию. А поскольку компьютеров тогда не было, то приходилось до бесконечности перепечатывать текст на печатной машинке «Ятрань», шлифуя написанное.

Иногда случались истерики и срывы, но терпение Учителя, его интеллигентный юмор, убежденность в том, что в научной работе мелочей не бывает, из них собственно и состоит совершенство (любимая фраза профессора), подбадривали, вселяли надежду и позволяли взять себя в руки и продолжить работу.

Про научное содержание написанного и/или сказанного вообще не приходилось говорить. Любимый Учитель приучал читать много, мыслить широко, вгрызаться в самую суть, формулировать умно и быть бесстрашным.

На страницах, которые ему приносили аспиранты, он мог изящной вязью вывести свою оценку в виде трех заглавных букв – БСК. Что однозначно свидетельствовало о научной несостоятельности некоторых выводов, положений автора. Каждый аспирант Владимира Ивановича знал расшифровку этой аббревиатуры: «Бред Сивой Кобылы».

Хоть и с трудом вначале, со временем пришло понимание, а с ним и удовольствие от научного поиска и познания, от самого процесса исследования.

Через непродолжительное время моей работы на кафедре Шиканов В.И. стал доверять читать отдельные лекции и настойчиво рекомендовал ездить на научные конференции по стране, выступать с докладами, печатать тезисы и статьи в научных журналах. Для своих аспирантов, под их статьи – первые пробы пера, им был задуман периодический сборник научных статей «Сибирские криминалистические чтения», первым техническим редактором которого посчастливилось быть мне, и, который до сих пор издается на судебно-следственном факультете Байкальского государственного универси-

тета экономики и права. Мы с Владимиром Ивановичем с большим энтузиазмом собирали материалы для выпусков, приглашали на страницы чтений ведущих ученых страны.

Было интересно наблюдать за профессором на научных конференциях, его всегда ждали и были рады его очному участию. Спокойная, интеллигентная манера ведения дискуссии, умение ухватить суть доклада выступающих, продуманные вопросы к оппонентам, мастерство оратора, его обстоятельные ответы, владение словом – всегда были образцом, примером для подражания. На этих конференциях, круглых столах мне довелось познакомиться и подружиться на всю жизнь с мэтрами криминалистической науки, его друзьями и коллегами: профессорами Л.Я. Драпкиным, Д.А. Турчиным, В.К. Гавло, В.Е. Корноуховым, В.А. Образцовым, Н.П. Яблоковым, В.Я. Колдиным и многими другими, значение и роль которых, для нашей науки сложно переоценить.

Так постепенно складывался альянс: профессор – аспирантка. Суть научной школы – оптимизация процесса обучения научной молодежи и воспроизводства научной культуры, передача опыта и мировоззрения своим апологетами не лекциями и нотациями, а собственным опытом и примером исследовательского, в том числе совместного, труда, формирование традиций научного общения, обмен мнениями в доброжелательной уважительной обстановке¹.

¹ Как известно, научные школы возникли в глубокой древности. Они объединяли последователей некоего ученого, которые следовали его идеям, сакрализовали их и позиционировали себя в обществе как их хранители. Начиная с XVI–XVII вв., основной функцией научной школы стало уже не просто хранение (что осуществлялось преимущественно с помощью книг), а дальнейшее развитие идей ученого.

В XIX в. научные школы приобрели новые функции: они позволяли решать задачи, которые отдельному ученому оказывались уже не под силу. Учитель стал выполнять роль авторитетного интеллектуального лидера и морального образца, позволяющего уравновесить амбиции своих талантливых учеников и поставить для них служение школе выше самолюбия и собственных личных интересов.

Рубеж XX–XI в.в. для научных школ ознаменовался превращением научного поиска в командную коллективную деятельность, с присущей ей кооперацией и разделением труда, деперсонификацией результатов, унификацией производимых процедур и пр. В этих условиях в подавляющем большинстве случаев научная школа превращалась фактически в научно-производственное объединение, в котором, помимо традиционных научных и идейных, значительную роль стали играть и организационно-управленческие функции.

Научная школа – это, когда со временем ты учишься говорить на языке Учителя, мыслить его категориями, смотреть на любую научную проблему с концептуально выверенных позиций.

Дорогого Владимира Ивановича Шиканова, к сожалению, давно уже нет, но его ученики частенько вспоминают советы и наставления профессора, неся частичку его научного мировоззрения и мировосприятия в себе.

Каждый из учеников Владимира Ивановича уверенно начал самостоятельное научное существование. И глядя на его портрет, осознаешь, что теперь ты держишь знамя научного знания, которое, когда-то бережно передал тебе твой Учитель, и пытаешься сохранить каждое воспоминание, каждое его слово, совет, урок.

Информация об авторе

Степаненко Диана Аркадьевна – профессор кафедры криминалистики, судебных экспертиз и юридической психологии, доктор юридических наук, профессор, Байкальский государственный университет экономики и права, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, д. 11; e-mail: diana-stepanenko@mail.ru.

Information about the author

Stepanenko Diana Arkadyevna – professor of department of criminalistics, judicial examinations and legal psychology, the doctor of jurisprudence, professor, the Baikal state university of economy and law, 664003, Irkutsk, Lenin St., 11; e-mail: diana-stepanenko@mail.ru.

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

УДК 343.121

Е.А. Артамонова

О ВОЛЕИЗЪЯВЛЕНИИ ОБВИНЯЕМОГО (ПОДОЗРЕВАЕМОГО) НА ИЗМЕНЕНИЕ ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ФОРМЫ

В статье делается попытка дать понятие юридически значимому волеизъявлению обвиняемого (подозреваемого) на изменение процессуальной формы. Волеизъявление обвиняемого (подозреваемого) рассматривается как процессуально-правовая форма выражения его воли. Раскрываются основные внутренние признаки волеизъявления, такие как реальность, добровольность, своевременность и конкретность.

Ключевые слова: обвиняемый, подозреваемый, ходатайство, волеизъявление обвиняемого (подозреваемого), особый порядок судебного разбирательства, досудебное соглашение о сотрудничестве, сокращённая форма дознания.

Е.А. Artamonova

THE WILL OF THE ACCUSED (THE SUSPECT) TO CHANGE PROCEDURAL FORMS

The article attempts to define the legally relevant will of the accused (suspect) to changes in procedural form. The will of the accused (suspect) is considered as a procedural and legal form of expression of his will. Describes the main internal signs of expression, such as reality, voluntary service, timeliness and specificity.

Keywords: the accused, the suspect, the petition, the will of the accused (suspect), a special procedure of judicial proceedings, pre-trial agreement on cooperation, a shortened form of inquiry.

Активная деятельность законодателя, направленная на дальнейшее совершенствование уголовного судопроизводства, привела к созданию и внедрению упрощённых форм судебного разбирательства и дознания. Их выбор сегодня зависит, в основе своей, от волеизъявления заинтересованного лица – обвиняемого (подозреваемого), который получает всё больше рычагов влияния на уголовно-процессуальную деятельность, включая участие в принятии отдельных процессуальных решений.

Сегодня известны три особые процедуры, «получающие жизнь» в зависимости от желания обвиняемого (подозреваемого). Это: 1) рассмотрение дела в особом порядке судебного разбирательства (гл. 40 УПК РФ); 2) заключение досудебного соглашения о сотрудничестве (гл. 40.1 УПК РФ); 3) производство дознания в сокращённой форме (гл. 32.1 УПК РФ).

Законодатель наделяет обвиняемого (подозреваемого) правом заявления ходатайств, которыми иницируется дальнейшее производство по уголовному делу в особом порядке. Сокращённое дознание проводится только «на основании ходатайства подозреваемого...» (ч. 2 ст. 226.1 УПК РФ); о рассмотрении уголовного дела в особом порядке судебного разбирательства обвиняемый «вправе ... ходатайствовать» (ч. 1 ст. 314 УПК РФ); о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве обвиняемым (подозреваемым) подаётся соответствующее ходатайство (ч. 1 ст. 317.1 УПК РФ).

Имея ввиду именно волеизъявление обвиняемого (подозреваемого), законодатель не употребляет этот термин. В уголовно-процессуальном законе слово «волеизъявление» употребляется лишь единожды, да и то применительно к потерпевшему (ч. 3 ст. 21 УПК РФ)¹.

В процессуальной литературе термин «волеизъявление обвиняемого (подозреваемого)» используется довольно широко [2; 6], но его понятие не даётся, содержание не раскрывается.

¹ Согласно ч. 3 ст. 21 УПК РФ производство по уголовному делу частного или частно-публичного обвинения начинается и уголовное преследование осуществляется независимо от волеизъявления потерпевшего в случаях, когда преступление, относящееся к указанным категориям, совершено в отношении лица, которое в силу зависимого или беспомощного состояния либо по иным причинам (включая случаи совершения преступления неизвестным для потерпевшего лицом) не может защищать свои права и законные интересы самостоятельно (ч. 4 ст. 20 УПК РФ).

Этимологически волеизъявление означает «обнаружение воли, выражение своего желания, согласия на что-нибудь» [11, с. 89]; «проявление воли, изъявление желания» [5]; «способность человека добиваться поставленных перед собой целей» [14, с. 57]; «данный человеку произвол действий, свобода, простор в поступках; отсутствие неволи, насилования, принуждения» [4, с. 238]; «обнаружение желания, воли¹» [13].

Обобщая данные толкования можно говорить о том, что волеизъявление – это определённое действие или поведенческий акт, направленный на изложение собственной воли во вне и нацеленный на её достижение. Это акт воли подозреваемого (обвиняемого), представляющий собой определённое конкретное действие, результат сознательной деятельности. По своей сути волеизъявление подозреваемого (обвиняемого) является юридическим актом, действием, которое им специально, осознанно совершается с намерением вызвать определённые юридические последствия. Принимая такое решение подозреваемый демонстрирует волевое поведение, которое в своей структуре «распадается на принятие решения и его реализацию» [3, с. 349]. Последнее как раз и выражается в заявлении соответствующего ходатайства.

Не будучи выраженным во вне, то есть чётко и ясно сформулированным и процессуально правильно оформленным, желание подозреваемого (обвиняемого) не может быть признано юридически значимым. По этому поводу писал ещё К. Маркс: «Лишь постольку, поскольку я проявляю себя, поскольку я вступаю в область действительности, – я вступаю в сферу, подвластную законодателю. Помимо своих действий я совершенно не существую для закона, совершенно не являюсь его объектом. Мои действия – это единственная область, где я сталкиваюсь с законом, ибо действие – это единственное, для чего я требую права существования, права действительности, и в силу чего я, таким образом, подпадаю под власть действующего права» [7, с. 14–15].

Пружиной, толчком для выражения волеизъявления является воля субъекта. Волеизъявление производно от воли. Чтобы стать юридически значимым оно должно отвечать ряду требований.

Этимологически ходатайство – это официальная просьба [11, с. 693]. В уголовном процессе ходатайство – это официальная просьба участника процесса, изложенная в письменной или устной форме,

¹ Древний корень слова «воля» отображён в латинском volo – «я хочу». Следовательно, первоначальное значение этого слова – «желание».

о совершении процессуальных действий или принятии процессуальных решений, обращённая к лицу, осуществляющему уголовно-процессуальную деятельность. Исходя из того, что просьба – это обращение, призывающее удовлетворить какие-нибудь нужды, желания [11, с. 504], а желание – это внутреннее стремление к осуществлению чего-нибудь; просьба [11, с. 165], в рассматриваемых случаях ходатайство отражает осмысленное желание и стремление к наступлению определённых правовых последствий.

В основе всех перечисленных ходатайств лежит согласие-разрешение (consent) обвиняемого (подозреваемого) на изменение процессуальной формы, то есть такое выражение его воли, при котором он принимает в какой-то степени на себя ответственность за последствия. Отсутствие такого согласия влечёт признание принятого решения незаконным.

Понятием «согласие» охватывается широкий спектр отношений: «от пассивного непротивления до восторженного согласия» [12]. В любом случае при выборе процессуальной формы желание обвиняемого (подозреваемого) должно быть выражено явно и чётко, облачено в законом установленную форму (ходатайство), иначе оно не будет иметь легитимирующую силу.

Волеизъявление обвиняемого (подозреваемого) как процессуально-правовая форма выражения его воли, имеет внешнее изъяснение (ходатайство, как акт изъяснения воли во вне) и внутреннее наполнение. Последнее определяется через систему внутренних признаков волеизъявления, к которым, прежде всего, относятся реальность, добровольность, своевременность и конкретность.

Реальность волеизъявления означает, что ходатайство обвиняемого (подозреваемого) по своему содержанию соответствует его воле и не преследует иных целей кроме тех, что в нём изложены. Обвиняемый (подозреваемый) осознаёт правовой характер, понимает и учитывает последствия заявленного им ходатайства, самостоятельно руководит своим поведением. Именно поэтому законодатель предоставляет право выбора процессуальной формы судебного разбирательства или предварительного расследования только совершеннолетним и процессуально дееспособным лицам. Так, ст. 226.2 УПК РФ содержит прямой запрет производства сокращённого дознания, если подозреваемый является несовершеннолетним или имеются основания для производства о применении принудительных мер медицинского характера. Запрет применения особого порядка судебного разбира-

тельства в отношении несовершеннолетних и невозможность заключения с ними досудебного соглашения о сотрудничестве вытекает из ч. 2 ст. 420 УПК РФ. О невозможности применения институтов, предусмотренных гл. 40 и гл. 40.1 УПК РФ, к несовершеннолетним указывает в своих разъяснениях и Верховный Суд РФ [8, п. 4; 9, п. 7].

Под добровольностью ходатайства понимается свободное волеизъявление обвиняемого (подозреваемого) по изъявлению своего желания, без принуждения, обмана, введения в заблуждение. Выбор процессуальной формы дальнейшего производства по уголовному делу в рассматриваемых случаях не может зависеть от возможных злоупотреблений со стороны правоприменителя. Законодатель устанавливает определённые гарантии, направленные на обеспечение права обвиняемого (подозреваемого) добровольно принимать решение. Прежде всего это участие защитника, консультации последнего о целесообразности и разумности принимаемого решения (ходатайство о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, а равно ходатайство о производстве дознания в сокращённой форме должны быть подписаны обязательно и защитником (ч. 1 ст. 317.1, ч. 2 ст. 226.4 УПК РФ); ходатайство о рассмотрении уголовного дела в особом порядке судебного разбирательства заявляется только в присутствии защитника и только после проведения консультации с ним (п. 2 ч. 2 ст. 314, ч. 1 ст. 315 УПК РФ)). Кроме этого, законом предусмотрена обязательность судебной проверки условия добровольности заявления ходатайства (ч. 4 ст. 316, п. 2 ч. 2 ст. 317.6 УПК РФ). Если у суда возникают сомнения относительно осознания подсудимым характера и последствий выбранной процедуры либо относительно добровольности ходатайства, упрощённая форма судебного разбирательства не применяется [1, с. 21].

Волеизъявление обвиняемого (подозреваемого) должно быть своевременным, то есть выраженным в отведённые законом сроки. Наиболее тщательно момент заявления ходатайства, а значит и выражения волеизъявления подозреваемого урегулирован применительно к выбору сокращённого дознания. Жёсткая законодательная регламентация требует от органов дознания неукоснительного выполнения предписаний ст. 226.4 УПК РФ о своевременном (до первого допроса) разъяснении подозреваемому его права на подачу ходатайства о производстве дознания в сокращённой форме; устанавливает предельный (двухсуточный) срок реализации подозреваемым своего права и отводит всего 24 часа дознавателю для разрешения поступившего ходатайства.

Причём рассмотрение поступившего ходатайства подозреваемого в срок более 24 часов с момента его поступления к дознавателю считается грубым нарушением уголовно-процессуального закона [10, п. 1.4].

Ходатайство о рассмотрении его дела в порядке гл. 40 УПК РФ обвиняемый вправе заявить или в момент ознакомления с материалами уголовного дела, или на предварительном слушании (ч. 2 ст. 315 УПК РФ), а о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве обвиняемый (подозреваемый) вправе заявить с момента начала уголовного преследования до объявления об окончании предварительного следствия (ч. 2 ст. 317.1 УПК РФ).

В любом случае выход за рамки установленных сроков влечёт за собой безусловный отказ в удовлетворении заявленного ходатайства и дальнейшее производство по делу в общем порядке.

Волеизъявление должно быть допустимым, то есть разрешительным, разрешённым законом; конкретным, то есть точно определённым, чётко выраженным, правильно сформулированным. Правовое волеизъявление должно быть выражено во вне в установленной законом форме – в виде самостоятельного письменного документа или записи в соответствующем протоколе. В двух здесь рассматриваемых случаях волеизъявление обвиняемого (подозреваемого) оформляется самостоятельным документом – письменным ходатайством, в третьем – устное ходатайство заносится в протокол (ознакомления с материалами уголовного дела или судебного разбирательства).

Таким образом, юридически значимое волеизъявление обвиняемого (подозреваемого) на изменение процессуальной формы может быть определено как добровольное, конкретное, допустимое, выраженное во вне посредством заявления соответствующего ходатайства изъятие воли (принятие решения и последующая его реализация).

Юридические последствия порождает только такое волеизъявление обвиняемого (подозреваемого), которое не только внешне оформлено надлежащим образом, но и полностью соответствует его субъективной воле.

Список использованной литературы

1. Артамонова Е.А. Ещё раз об особенностях упрощённого судебного производства по уголовным делам // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения : сб. науч. тр. Иркутск, 2009. № 1 (2). С. 16–21.

2. Артамонова Е.А. Значение волеизъявления обвиняемого и (или) подозреваемого для принятия решения о дальнейшем производстве по уголовному делу в особом порядке // Правовая политика и правовая жизнь. 2014. № 1. С. 118–125.

3. БСЭ : в 30 т. / Гл. ред. А.М. Прохоров. 3-е изд. М. : Сов. энцикл., 1971. Т. 5. 640 с.

4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М. : ТЕРРА, 1995. Т. 1. 800 с.

5. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка: Толково-словообразовательный [Электронный ресурс]. М. : Рус. яз., 2000. Режим доступа: <http://www.efremova.info/word/voleizjavlenie.html#.VggShZc76PY> (дата обращения: 09.09.2015).

6. Любишкин Д.Е. Проверка добровольности волеизъявления обвиняемого как условие применения особого порядка судебного разбирательства // Уголовный процесс. 2011. № 5 (77) С. 60–67.

7. Маркс К. Заметки о новейшей прусской цензурной инструкции // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2. М. : Гос. изд-во полит. лит., 1955. Т. 1. 699 с.

8. О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 16 [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс».

9. О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 5 декабря 2006 г. № 60 (ред. от 05.06.2012) [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс».

10. Об организации прокурорского надзора за исполнением законов при производстве дознания в сокращенной форме : приказ Генеральной прокуратуры РФ от 3 июля 2013 г. № 262 [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс».

11. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. 26-е изд., перераб. и доп. М. : Оникс : Мир и образование, 2008. 736 с.

12. Согласие // Политология: словарь [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/politology> (дата обращения: 09.09.2015).

13. Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.vseslova.ru/>

index.php?dictionary=ushakov&word=voleizyavlenie (дата обращения: 09.09.2015).

14. Толковый словарь русского языка : пособие для учащихся нац. школ. Л. : Просвещение, 1982. 384 с.

Информация об авторе

Артамонова Елена Александровна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и процесса, юридический институт Северо-Кавказского федерального университета, 355009, г. Ставрополь, ул. Пушкина, д. 1; e-mail: ea.artamonova@yandex.ru.

Information about the author

Artamonova Elena Alexandrovna – PhD in law, associate Professor of criminal law and procedure of law Institute, North Caucasus Federal University; 355009, Stavropol, Pushkin's street, d. 1; e-mail: ea.artamonova@yandex.ru.

УДК 343.163

Е.В. Богатова

НАДЗОР ЗА ЗАКОННОСТЬЮ ПРИЕМА И РЕГИСТРАЦИИ СООБЩЕНИЙ О ПРЕСТУПЛЕНИИ

В данной статье рассматривается деятельность прокурора по защите прав граждан в стадии возбуждения уголовного дела. Анализируется практика прокурорского надзора. Делается вывод о приоритетной роли прокурорского надзора среди других видов контроля и надзора в стадии возбуждения уголовного дела.

Ключевые слова: прокурорский надзор, регистрация преступлений, ведомственный контроль.

SUPERVISION OF LEGALITY RECEPTION AND REGISTRATION OF THE MESSAGE ON THE CRIME

This article reviews the activities of the public prosecutor to protect the rights of citizens in the stage of a criminal case. Analyzes the practice of prosecutorial supervision. It is concluded that the priority role of prosecutor's supervision, among other types of control and surveillance in the stage of a criminal case.

Keywords: public prosecutor's supervision, registration of communications, departmental control.

Конституция РФ в ст. 2 провозгласила права и свободы человека и гражданина высшей ценностью государства. Этот конституционный принцип лежит в основе концепции действующего УПК РФ и распространяется на все стадии уголовного процесса. Однако в стадии возбуждения уголовного дела защита прав граждан требует более пристального внимания, что не раз отмечалось учеными и практическими работниками [6, с. 58–62]. Дело в том, что только за 2014 год выявлено 3,6 миллионов нарушений, допущенных при приеме, регистрации и рассмотрении сообщений о преступлении, что на 3,2 % больше чем за аналогичный период прошлого года [2]. Нередко следственными органами сообщения о преступлениях длительное время не регистрируются. Следователи отказываются принимать по ним процессуальные решения, направляют по надуманным основаниям в другие органы. При наличии в материалах и уголовных делах иных признаков преступления соответствующие материалы не выделяются и по ним не принимаются решения. В связи с присутствием такого количества нарушений защиту прав граждан в стадии возбуждения уголовного дела должны обеспечивать ряд субъектов – прокурор, руководитель следственного органа, начальник органа (подразделения) дознания и суд. Однако не все из них в силу ряда причин способны оказать реальное воздействие на улучшение сложившейся ситуации.

Так, руководитель следственного органа, начальник органа (подразделения) дознания осуществляют ведомственный контроль и руководство деятельностью подчиненных им следователей. В силу заинтересованности в увеличении процента раскрытых дел, в ряде случаев они могут бездействовать при незаконном отказе в регистра-

ции сообщений или в возбуждении уголовных дел по неочевидным преступлениям. Суд, в свою очередь, несмотря на то, что является независимым органом, в силу существующих пределов рассмотрения жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ не всегда имеет возможность восстановить нарушенные права.

В отличие от указанных субъектов, прокурор обладает несколько более значительными возможностями по защите прав граждан в стадии возбуждения уголовного дела.

На основании п.1 ч. 2 ст. 37 УПК РФ прокурор уполномочен проверять исполнение требований федерального закона при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях. В дополнение этого положения издан Приказ Генерального прокурора от 5 сентября 2011 г. № 277 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях в органах дознания и предварительного следствия» [7], в котором прямо закрепляется обязанность тщательно и всесторонне проверять соблюдение установленного не только законодательством, но и межведомственными и ведомственными нормативными правовыми актами единого порядка приема, регистрации и разрешения сообщений о преступлениях, а также законность и обоснованность принимаемых по ним решений. На основании указанного приказа прокурор систематически, не реже одного раза в месяц, проверяет законность действий и решений следственных органов в ходе досудебного производства при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлении, а также принимает меры по устранению выявленных нарушений. Данное полномочие дает возможность прокурору выявить нарушение на самых ранних этапах, что позволяет вовремя принять меры реагирования по его устранению. В зависимости от криминогенной обстановки на поднадзорной территории, проверки могут проходить и значительно чаще, опрос прокурорских работников показал – на территории с высоким уровнем преступности надзор в данном направлении осуществляется до двух-трех раз в день. Например, в Саратовской области по распоряжению прокурора от 06.10.2011 г. № 94/16 [8, с. 16] проверки соблюдения закона при приеме, регистрации и разрешении заявлений и сообщений о преступлениях проводятся ежедневно.

По данным Генеральной прокуратуры РФ с 2011 года число неправомερных отказов следственных органов в приеме сообщений о преступлениях и случаев их нерегистрации возросло на 59 %. В под-

разделениях Следственного комитета России их количество за 2012 год увеличилось в 2,5 раза, в органах дознания ФСКН – в 4 раза, а в дознании Федеральной пожарной службы МЧС России – более чем в 10 раз [3]. Всего за 2012 год прокурорами было выявлено более трех миллионов нарушений допущенных при приеме регистрации и разрешении сообщений о преступлениях [1]. По сравнению с 2014 годом эта цифра увеличилась на 5 % [2].

В 2014 году прокурорами Саратовской области в ходе проведенных проверок выявлено 108 фактов несвоевременной регистрации (в нарушении требования Инструкции) сообщений о преступлениях, что свидетельствует о некачественном ведомственном контроле. Из практики прокуратур Саратовской области можно привести несколько примеров, характеризующих типичные нарушения, допускаемые при регистрации и разрешении сообщений о преступлении.

Так, 29.01.2014 г. от прокурора Краснопартизанского района в Пугачевский МСО СУ СК РФ по Саратовской области поступил материал по факту уклонения от призыва на военную службу гражданина П., однако зарегистрирован он был лишь 03.03.2014 г., т.е. через месяц после обнаружения признаков преступления.

Большую озабоченность вызывают выявленные прокурором г. Хвалынска и Аткарским межрайонным прокурором факты выделения материалов из уголовных дел, однако данные постановления не были зарегистрированы и не направлены для проведения проверок.

Прокурором г. Хвалынска при проверке уголовного дела в отношении несовершеннолетних К., М., Р. установлено, что 25.12.2013 г. следователем С. вынесено постановление о выделение в отдельное производство материалов в отношении П. по признакам состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 175 УК РФ, однако выделенный материал не был зарегистрирован и направлен по подследственности. Только после внесенного требования прокуратуры в апреле 2014 года он был зарегистрирован.

29.07.2014 г. и 27.08.2014 г. прокурором Татищевского района направлены заявления Б., однако, они в СО по Ленинскому району г. Саратова СУ СК РФ по Саратовской области так и не были зарегистрированы. По данному факту в адрес руководителя СО по Ленинскому району г. Саратова СУ СК по Саратовской области вынесено требование, после чего материалы зарегистрированы и по ним принято решение [4, с. 39].

Кроме того, прокурорами выявляются нарушения требований ст. 145 УПК РФ, допускаемые сотрудниками полиции при передаче сообщения о преступлениях по территориальной подследственности. Так, свыше 8 раз необоснованно направлялся материал из МО МВД России «Советский» в УМВД России по г. Самаре. Уголовное дело возбуждено ОД МО МВД России «Советский» только через 11 месяцев после поступления жалобы гражданина. По результатам проведенной проверки прокурором района начальнику ГУ МВД России по Саратовской области внесено представление об устранении выявленных нарушений и привлечении виновных лиц к ответственности [5].

Таким образом, рассмотренные примеры показывают существующие недостатки деятельности руководителя следственного органа, начальник органа (подразделения) дознания в стадии возбуждения уголовного дела, которые в силу ведомственной заинтересованности не всегда принимают меры к устранению нарушений. В свою очередь прокуратура в случае активного и своевременного надзора способна добиваться устранения нарушений, что свидетельствует о приоритетной роли прокурорского надзора в системе защиты прав граждан в стадии возбуждения уголовного дела.

Список использованной литературы

1. Генеральная прокуратура РФ: Сводный отчет по Российской Федерации по форме НСиД за январь – декабрь 2012 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://genproc.gov.ru/stat/data> (дата обращения: 21.03.2013).

2. Генеральная прокуратура РФ: Сводный отчет по Российской Федерации по форме НСиД за январь – декабрь 2014 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://genproc.gov.ru/stat/data> (дата обращения: 25.03.2015).

3. Генеральная прокуратура [Электронный ресурс]. Докл. на заседании Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации 27 апреля 2013. Режим доступа: http://genproc.gov.ru/smi/interview_and_appearances/appearances/82414 (дата обращения: 19.05.2013).

4. Информационный бюллетень Прокуратуры Саратовской области. 2015. № 2.

5. Информационный бюллетень Прокуратуры Саратовской области. 2015. № 6.

6. Исламова Э.Р. Проблемы обеспечения законности в стадии возбуждения уголовного дела // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения : сб. науч. тр. Иркутск, 2014. Вып. 2 (6). С. 58–64.

7. Об организации прокурорского надзора за исполнением законов при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях в органах дознания и предварительного следствия : приказ Генерального прокурора от 5 сентября 2011 г. № 277 // СПС «Консультант Плюс».

8. Об организации прокурорского надзора за исполнением законов при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях в органах дознания и предварительного следствия : Распоряжение Прокурора Саратовской области от 06.10.2011 г. № 94/16 // Бюллетень Прокуратуры Саратовской области. 2012. № 1.

Информация об авторе

Богатова Екатерина Владимировна – преподаватель кафедры прокурорского надзора и организации правоохранительной деятельности, Саратовская государственная юридическая академия, 410600, г. Саратов, ул. Вольская, 1; e-mail: Bogatovaev@yandex.ru.

Information about the author

Bogatova Ekaterina Vladimirovna – lecturer of the Department of Prosecutor's supervision and organization of law enforcement activities, Saratov State Academy of Law, 410600, Volskaya St. 1, Saratov; e-mail: Bogatovaev@yandex.ru.

**К ВОПРОСУ ОБ УЧАСТИИ ПЕРЕВОДЧИКА
ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ
С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ**

В статье освещаются отдельные вопросы расследования незаконного оборота наркотических средств на территории России. Внимание акцентируется на проблемах привлечения переводчика по уголовным делам с участием лиц цыганской этнической группы, а также предложены некоторые пути решения этих проблем.

Ключевые слова: переводчик, незаконный оборот наркотических средств, расследование преступлений, цыгане, этнические группы.

**Е.А. Bogachevskaya
A.V. Kiselev**

**TO THE QUESTION ABOUT THE INTERPRETER
IN THE INVESTIGATION OF CRIMES ILLEGAL TRAFFICKING
IN NARCOTIC DRUGS**

This article highlights some issues investigations illegal of trafficking in narcotic drugs on the territory of Russia. Focuses on the problems of an interpreter in criminal cases involving persons of the Roma ethnic group and also proposed some solutions to the problems.

Keywords: translator, illegal trafficking in narcotic drugs, the investigation of crimes, Roma, ethnic groups.

По данным Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, среди выявленных лиц, совершивших контрабанду наркотических средств, большинство составляют граждане России или лица без гражданства. Причем основная их часть – лица, не имеющие постоянного источника дохода [1, с. 154]. Россия – многонациональное государство, по своему составу не имеющее аналогов в мире и граничащее с множеством государств Европы и Азии. Это, в свою очередь, во многом способствует процветанию наркобизнеса в нашей стране. Причем наркокурьерами в большинстве случаев ста-

новятся представители этнических групп, не имеющих своей государственности, но имеющие многочисленную диаспору вне пределов Российской Федерации (например, курды, цыгане, уйгуры, саамы, эскимосы).

При расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, для следователей существует проблема обеспечения участия переводчика по уголовным делам с участием лиц указанных этнических групп, особенно цыганской. Так, по результатам проведенного А.В. Винниковым исследования в 2003–2011 гг. в органах наркоконтроля самыми востребованными были переводчики с цыганского языка различных диалектов (80 % от всех запросов на услуги переводчика). В цыганском языке существуют многочисленные диалекты, существенно различающиеся друг от друга: руска рома, влашский, ловарьский, крымский, кэлдерарский (котлярский) и др. Всего специалисты выделяют 33 разновидности цыганского языка. Так, в цыганском языке имеются заимствования из персидского (фарси), армянского, греческого, румынского, немецкого, польского, украинского, русского и ряда других языков. Таким образом, общего для всех цыган языка не существует. К этому добавляется еще одна проблема: убежденность цыган в том, что переводчик в уголовном процессе – это помощник враждебного им государства, который облегчает вынесение цыганам обвинительных заключений предварительного следствия и приговоров судов. В результате право обвиняемых и подсудимых цыган знать, в чем их обвиняют, может быть обеспечено наихудшим образом по сравнению с другими народами Российской Федерации [2, с. 31–32].

Известно, что у цыган нет своей письменности, нет официального языка и они свободно изъясняются на русском языке, однако в ходе участия в производстве по уголовному делу нередко заявляют ходатайства о необходимости привлечения переводчика, тем самым затягивая расследование, оказывая определенное противодействие. В этой ситуации перед следователем встает трудноразрешимая задача не просто поиска лица, свободно изъясняющегося на нужном языке, но и способного удовлетворить требования, предусмотренные уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации для данной категории субъектов: быть компетентным и незаинтересованным в исходе расследования.

Следователи выходят из этой сложной ситуации по-разному. Одни не привлекают переводчика вообще, обосновывая это решение

тем, что подозреваемый (обвиняемый) из числа цыган свободно владеет русским языком, а также тем, что официально цыганской народности и цыганского языка не существует, ссылаясь при этом на заключения компетентных органов и лиц. Другие следователи привлекают в качестве переводчиков самих цыган, чья незаинтересованность в исходе расследования вызывает, по нашему мнению, вполне очевидные сомнения.

Не менее важной проблемой являются и случаи заведомо неправильного перевода, однако доказать эти факты практически невозможно, прецеденты привлечения к уголовной ответственности лиц за заведомо неправильный перевод авторам статьи неизвестны. Как отмечает Р.В. Мазюк, наличие у переводчика диплома о высшем лингвистическом образовании, сертификатов об уровне владения иностранным языком свидетельствует о наличии у него специальных знаний в области соответствующего языка, но само по себе не является гарантией эффективного выполнения своей уголовно-процессуальной функции [3, с. 36]. В целях профилактики этого явления рекомендуем следователям применять при производстве следственных и процессуальных действий с участием переводчика аудио- или видеозапись. Это, во-первых, окажет дисциплинирующее воздействие на участников следственного действия и, во-вторых, предоставит следователю возможность при наличии сомнений проверить качество и правильность перевода и, в случае необходимости, использовать фонограммы в доказывании фактов заведомо неправильного перевода.

Пожалуй, самая важная проблема, которая встает перед следователями – где искать переводчиков? Анализ следственной практики позволяет выделить следующие группы лиц, из числа которых чаще всего привлекаются переводчики: 1) сотрудники посольств и представительств отдельных государств; 2) преподаватели и студенты учебных заведений города и региона; 3) сотрудники рынков и торговых центров; 4) иные представители той или иной диаспоры. Первая из названных групп максимально отвечает предъявляемым к переводчикам требованиям, однако при привлечении этих лиц в качестве переводчиков возникают трудности организационного характера, к тому же локально они располагаются преимущественно в мегаполисах и выполнять функции переводчика в удаленных регионах вряд ли смогут. В нашем случае, когда речь идет о цыганах, первую группу возможных переводчиков вообще можно исключить по описанным выше причинам. Что касается второй группы, также маловероятно

найти цыган среди преподавателей и студентов учебных заведений, хотя не стоит полностью исключать эту возможность. Лица, относящиеся к третьей группе, чаще всего являются заинтересованными в исходе расследования, а также в меньшей степени компетентны, нежели представители первых двух групп. Представители четвертой группы по очевидным причинам не отвечают по крайней мере одному из требований к переводчику – незаинтересованности в исходе расследования. По нашему мнению, наиболее предпочтительны и наилучшим образом удовлетворяют требованию компетентности и незаинтересованности в исходе расследования лица второй из обозначенных групп, однако с поиском таких переводчиков ввиду их многочисленности в указанной сфере возникают сложности.

Процесс поиска переводчика можно в некоторой степени оптимизировать, высвободив время для более качественного и эффективного проведения других следственных и процессуальных действий.

В качестве примера положительного разрешения обозначенных выше проблем можно привести опыт Министерства обороны, где в рамках Военного Университета осуществляется подготовка переводчиков по различным направлениям. Эти лица могут при необходимости выполнять функции переводчиков при расследовании военных преступлений.

Очевидно, что каждый следователь, столкнувшийся с проблемой поиска переводчика, вынужден решать ее самостоятельно. Полагаем, что частично разрешить названную проблему помогли бы создаваемые в рамках региона или города единые банки данных лиц, свободно владеющих каким-либо языком, которые потенциально могут быть привлечены в качестве переводчиков. Разумеется, эта деятельность должна быть четко организована и скоординирована в рамках таких ведомств как МВД, Следственный комитет РФ, ФСКН РФ и др.

Список использованной литературы

1. Борьба с криминальными рынками в России / под общ. ред. В.В. Меркурьева. М. : Проспект, 2015. 312 с.
2. Винников А.В. Проблематика и практика судебного перевода с цыганского языка уголовных дел о незаконном обороте наркотиков // Наркоконтроль. 2012. № 1. С. 31–33.
3. Мазюк Р.В. Перевод на язык уголовного судопроизводства как средство защиты прав и процессуальных интересов его участни-

ков // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения : сб. науч. тр. Иркутск, 2015. Вып. 1 (7). С. 27–40.

Информация об авторах

Богачевская Евгения Анатольевна – кандидат юридических наук, подполковник внутренней службы, старший преподаватель кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики, Владимирский юридический институт ФСИН России; e-mail: bogachevskaya@list.ru.

Киселев Алексей Васильевич – майор внутренней службы, преподаватель кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики, Владимирский юридический институт ФСИН России; e-mail: alexkicelev@yandex.ru.

Information about the authors

Bogachevskaya Evgenia Anatol'evna – the senior lecturer of the department of criminal justice and forensic science at Vladimir Law Institute of the Federal Penal Service the candidate of law; e-mail: bogachevskaya@list.ru.

Kiselev Alexey Vasil'evich – lecturer of the department of criminal justice and forensic science at Vladimir Law Institute of the Federal Penal Service; e-mail: alexkicelev@yandex.ru.

УДК 343.131.5

М.Ш. Буфетова

ТАКТИКА ЗАЩИТЫ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Статья изучает тактику защиты в уголовном судопроизводстве России. Рассмотрены как условия осуществления тактических действий, к одному из которых автор относит асимметрию уголовного процесса, так и даны конкретные тактические рекомендации.

Ключевые слова: уголовный процесс, адвокат, защита в уголовном судопроизводстве, тактика, тактика защиты.

TACTICS OF PROTECTION IN CRIMINAL PROCEEDINGS

The article examines the tactics of protection in criminal proceedings of Russia. Considered as conditions for the exercise tactical action, to one of which the author considers the asymmetry of the criminal process and given specific tactical recommendations.

Keywords: criminal, attorney, defense in criminal proceedings, tactics, defense tactics.

Законом установлена задача адвоката – защита интересов представляемого лица. Практически в каждом конкретном случае данная задача решается в контексте системного для стороны обвинения и суда условия: в кратчайший срок установить и подтвердить виновность обвиняемого.

Как отмечает Р.М. Жамиева, интересы клиента, несомненно, важны для адвоката, но если их реализация не выходит за пределы законодательных пределов. Применять законные способы выдвижения и отстаивания контраргументов со стороны защиты в интересах клиента никто не вправе запретить. Вопрос о допустимости тактических приемов защиты более чем актуален для адвоката-защитника, так как может повлиять на его дальнейшую профессиональную карьеру. Несовпадение целей защиты и обвинения нормально (они не должны совпадать по определению) в условиях конкурирующей деятельности. Обвинительный уклон не просто неизбежен, он закономерен в условиях уголовного преследования, а следователь – субъект уголовного преследования, как бы он ни стремился к установлению объективной истины. Речь идет о разных способах и средствах при выполнении профессиональных функций следователем и адвокатом-защитником, отсутствии властных полномочий, целей [3, с. 44].

Тактические сложности осуществления защиты в уголовном процессе начинаются с момента обращения потенциального клиента за защитой к адвокату. М.О. Баев отмечает возникающую этически и тактически весьма сложную проблему: должен ли вообще-то в таких ситуациях адвокат:

а) оказывать обратившемуся к нему лицу какую-либо юридическую помощь и, тем более,

б) заключать соглашение на его защиту от реального или потенциального уголовного преследования?

Отвечая на первую часть этого отнюдь не риторического вопроса, он исходит из гарантированного Конституцией РФ (ч. 1 ст. 48) права каждого на получение квалифицированной юридической помощи. А потому не дача консультаций любому официально обратившемуся к адвокату гражданину даже в подобных его жизненных ситуациях, а, напротив, отказ в даче таковых следует расценивать как если не злоупотребление адвокатом правами, то как невыполнение им своего профессионального долга в целом.

Иное дело – направленность и содержание даваемых им юридических советов. Представляется, что во всех этих ситуациях адвокат, как минимум, должен:

а) разъяснить обратившемуся к нему лицу весьма высокую вероятность выявления преступления и его участия в его совершении;

б) дать объективную юридическую оценку такому – совершенному или предполагаемому – преступлению, его уголовно-правовой квалификации и разъяснить предусмотренное соответствующей статьей УК РФ наказание за данное преступление.

Что же касается принятия в одной из этих ситуаций поручения на защиту, то решение этого вопроса – дело сугубо субъективное, всецело зависящее от личностных качеств и мотивации деятельности конкретного адвоката, в том числе и от его взаимоотношений с доверителем [1, с. 23].

Нельзя не отметить, что другим фактором, влияющим на построение тактики защиты в уголовном судопроизводстве является асимметрия последнего, об этом пишут многие исследователи (М.Е. Кравченко [4], А.С. Стройкова [6], В. Балакшин [2], Е.А. Ходжаева и Ю.В. Рабовски [9] и др.). Рассмотрим асимметрию уголовного судопроизводства с точки зрения осуществления функции защиты.

Сторона защиты в уголовном судопроизводстве оказывается в неравном положении, с этим связана сложность построения тактики защиты.

Как отмечают Е.А. Ходжаева, Ю.В. Рабовски, судья является основным субъектом стратегии, который реализует свое право контролировать помещение зала суда и всех, кто в нем находится. Именно судья воспроизводит правила и предписания, установленные законом, а иногда формирует свои собственные. Судья устанавливает право и очередность говорения, разрешает другим присутствие в зале

и т. д. На досудебной стадии уголовного преследования следователь/дознатель, прокурор, а также работники правоохранительных органов обладают по сравнению с адвокатом большей властью над делом и подозреваемым/обвиняемым. Адвокат участвует в уголовном процессе всегда на чужой и контролируемой представителем власти территории: в зале суда, в кабинете следователя или во время процессуальных действий [9, с. 147].

Неравенство сторон констатируется также и на уровне прописанных в законе процедур. Г. Сухарев отмечает, что согласно УПК РФ, следователь или дознаватель ведет уголовное дело, осуществляя предварительное расследование. Именно он отвечает за приобщение к материалам дела доказательств обвинения и защиты, а сторона защиты при этом оказывается в зависимой позиции просящего, вынужденного обосновывать необходимость включения материалов и тем самым раскрывать следователю свою позицию по делу [7]. Так, на стадии предварительного расследования у одного из противников в уголовном процессе – обвинителя – есть возможность ограничивать действия стороны защиты.

Как отмечают исследователи, многие следователи предпочитают отклонять любое ходатайство адвоката и не приобщать к делу доказательства защиты, в то время как практически каждое процессуальное действие следователя автоматически становится доказательством по делу. Отказывая, следователи обычно указывают адвокату на возможность повторить ходатайство о приобщении материалов защиты в суде, однако практика рассмотрения уголовных дел судом ставит защитника в неравное положение по сравнению со стороной обвинения. В глазах судьи материалы, подготовленные адвокатом, воспринимаются как менее весомые [9, с. 147].

Кроме того, в профессиональной среде признается тот факт, что некоторые адвокаты, участвуя в деле как предоставленные и оплаченные государством защитники (по назначению), выступают на стороне обвинения и склоняют подзащитного, например, к признательным показаниям или к выбору особого порядка рассмотрения уголовного дела (когда при признательных показаниях содержание дела не рассматривается на суде по существу, и задача суда состоит в основном в определении типа и размера наказания), что значительно сокращает сроки и облегчает работу судье и обвинителю [5, с. 93–94].

Но по справедливому замечанию М.О. Баева, осуществление адвокатом-защитником своих процессуальных функций в ходе досудеб-

ного производства по уголовному делу всегда связано с его противодействием уголовному преследованию своего подзащитного и взаимодействием его с лицом, осуществляющим таковое преследование, взаимодействие объективно и субъективно негативное, конфликтное по сущности и по диаметрально противоположной направленности выполняемых каждым из них процессуальных функций [1, с. 22–23].

В целом, можно рекомендовать следующие тактические приемы для адвокатов, осуществляющих защиту в уголовном судопроизводстве:

1. Не изменять правовую позицию стороны защиты. УПК РФ не содержит запрет на подобное изменение, однако смена правовой позиции, может быть с настороженностью воспринята следствием и судом и сыграть не в пользу подсудимого;

2. Необходимо представлять правовую позицию стороны защиты таким образом, чтобы вызвать доверие у участников уголовного судопроизводства. Адвокату необходимо обращать внимание на поведение подзащитного как на предварительном следствии, так и в суде;

3. Адвокат должен развивать в себе качества быстрой реакции, умения ориентироваться в быстро меняющейся ситуации, в частности, при неожиданных поворотах расследования не в пользу обвиняемого (подозреваемого). Отсюда немаловажной задачей для адвоката является развитие качества стрессоустойчивости [8, с. 222];

4. Учитывая публичность процесса, и в связи с этим, возможность присутствия в открытом судебном заседании посторонних лиц, включая представителей СМИ, адвокат должен быть выдержан и не поддаваться на возможные провокации;

5. Защитник может использовать своеобразные мягкие механизмы пробуждения интереса, который одновременно явится и поводом задуматься над тем, действительно ли в совершенном преступлении виновен подзащитный.

6. Необходимо приобрести важнейший профессиональный навык защитника – уметь формулировать точные частные вопросы об обстоятельствах предполагаемого совершенного деяния.

7. Необходимо правильно работать со свидетелем, т.е. использовать особую тактику при проведении его допроса. Следует представлять свидетеля в выгодном свете для защиты, создавать некий образ уверенности в правдивости его показаний. И наоборот, создавать все предпосылки для формирования образа ложности показаний свидетеля противоположной стороны. В указанных целях требуется научиться правильно задавать вопросы свидетелю. Если свидетель ответил на

вопрос таким образом, что это оказалось приемлемо относительно правовой позиции защиты, то не стоит задавать ему дополнительных уточняющих вопросов. Ответы на эти дополнительные вопросы могут поставить под сомнение все то, что говорил свидетель до ответа на них. Исправить данную ситуацию иногда возможно, но тем не менее впечатление от свидетеля будет испорчено, вера в его правдивость подорвана.

8. Использовать нестандартные, новаторские подходы к ведению защиты, развивать в себе умение импровизировать.

Список использованной литературы

1. Баев М.О. Тактические основы допустимого правового поведения защитника в отдельных защитных ситуациях и его отграничение от злоупотребления правом // Проблемы правоохранительной деятельности. 2015. № 2. С. 22–26.

2. Балакшин В. «Асимметрия» правил оценки допустимости доказательств // Законность. 2007. № 3. С. 2–5.

3. Жамиева Р.М. Тактика защиты по уголовным делам: к вопросу об объекте и предмете криминалистики // Вестник ЮУрГУ. 2007. № 28. С. 44–46.

4. Кравченко М.Е. Проблема асимметрии правил оценки допустимости доказательств в уголовном процессе // Закон и право. 2015. № 4. С. 103–107.

5. Моисеева Е.Н. Рабочие группы в судах Санкт-Петербурга // Журнал социологии и социальной антропологии. 2014. № 4. С. 86–100.

6. Стройкова А.С. Некоторые проблемные аспекты представления интересов в российском уголовном процессе // Право и практика. 2014. № 1. С. 18–23.

7. Сухарев Г. Превентивные меры на этапе предварительного расследования [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.advgazeta.ru/rubrics/12/1171> (дата обращения: 11.09.2015).

8. Сучкова А.Е., Оборон А.С. Особенности доказывания защитой в суде с участием присяжных заседателей // Территория права : сб. науч. ст. 2015. № 1. С. 221–224.

9. Ходжаева Е.А., Рабовски (Шестернина) Ю.В. Стратегии и тактики адвоката в условиях обвинительного уклона в России // Социология власти. 2015. Т. 27. № 2. С. 135–167.

Информация об авторе

Буфетова Марьям Шамильевна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора, Байкальский государственный университет экономики и права, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина 11, e-mail: maryamf@list.ru.

Information about the author

Bufetova Maryam Shamiliyevna – candidate of law science, associate professor of the chair of criminal procedure and criminalistics, Baikal State University of Economics and Law, Lenin st., 11, Irkutsk, 664003, e-mail: maryamf@list.ru.

УДК 343.162.1

Р.В. Мазюк

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ ИНТЕРЕС СЛЕДОВАТЕЛЯ ПО ВЗГЛЯДАМ ПРОФЕССОРА В.И. ШИКАНОВА*

В статье рассматриваются научные взгляды профессора Владимира Ивановича Шиканова на процессуальное положение следователя и его процессуальный интерес в российском уголовном судопроизводстве. С учетом этих взглядов предлагается система субинтересов следователя, на основе которой предлагается разработать уголовно-процессуальную модель деятельности следователя, которая бы позволила с высокой степенью вероятности определять риски возможных процессуальных ошибок, допускаемых следователями, а также возможных злоупотреблений ими своими правами и обязанностями.

Ключевые слова: функция следователя, уголовно-процессуальные интересы, субинтересы, истина, положение следователя.

* Издается при финансовой поддержке проекта «Пределы ограничения прав личности в уголовном судопроизводстве в целях обеспечения национальной безопасности государства: уголовно-процессуальный и криминалистический анализ», реализуемого в рамках проектной части государственного задания Минобрнауки РФ в 2014–2016 гг. в сфере научной деятельности (номер задания 29.1247.2014/К).

PROCEDURAL INTEREST OF THE INVESTIGATOR TO THE VIEWS OF PROFESSOR V.I. SHIKANOV

The article discusses the scientific views of professor Vladimir Ivanovich Shikanov on the procedural position of the investigator and his procedural interest in Russian criminal proceedings. Taking into account these views are proposed subinterests of the investigator, based on the development of a criminal procedure model activities of the investigator that will allow users with a high degree of probability to determine the risk of procedural errors made by investigators, as well as possible abuses of their rights and responsibilities.

Keywords: the function of the investigator, the criminal procedure interests, subinterests, the truth, the position of the investigator.

Мое знакомство с профессором В.И. Шикановым состоялось в сентябре 2002 года, когда я студентом 4 курса судебно-следственного факультета БГУЭП пришел на первую лекцию по криминалистике. Это был последний учебный год, когда Владимир Иванович читал лекции студентам. Неизменным атрибутом каждого занятия у профессора Шиканова был черный, выдавший виды «дипломат», из которого по ходу пары извлекались куски провода, фотографии с мест происшествий, напечатанные на пишущей машинке и пожелтевшие от времени протоколы следственных действий, раритетные монографии советских процессуалистов. Сейчас, будучи преподавателем, я понимаю, что все это использовалось лектором для активизации нашей памяти, для создания в наших студенческих, неокрепших умах ассоциативных связей сухого, теоретического материала с живой, может быть, уже далекой, но реальной следственной практикой. А тогда мне эти вещи казались «богатствами» Владимира Ивановича, накопленными на протяжении всей своей жизни, которыми он гордился и хотел поделиться с поколением будущих криминалистов. Так и произошло – среди моих однокурсников, записывавших тогда лекции профессора Шиканова, значительная часть продолжает его дело, работая следователями, прокурорами, судьями.

В связи с тем, что с 1 июля 2002 года вступил в действие новый на тот момент Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, В.И. Шиканов достаточно часто на лекциях проводил сравнение

предшествующего УПК РСФСР с УПК РФ. От УПК РФ у Владимира Ивановича были оптимистические ожидания, по этому поводу он писал: «Новый УПК РФ существенно приблизил наше уголовное судопроизводство к провозглашенным Конституцией РФ идеалам презумпции невиновности, осуществления судебного разбирательства на основе состязательности и подлинного равноправия сторон в условиях открытого и гласного суда присяжных» [6, с. 42].

Будучи широко известным как криминалист, В.И. Шиканов всегда активно интересовался проблемами уголовно-процессуального права. Так, еще в 1978 году он опубликовал монографию «Актуальные вопросы уголовного судопроизводства и криминалистики в условиях современного научно-технического прогресса. На материале процессуального и криминалистического исследования уголовных дел об убийстве». Анализ положений УПК РФ были посвящены и последние научные статьи В.И. Шиканова, в которых он так или иначе затрагивал самого важного, с его точки зрения, участника уголовного судопроизводства – следователя, его процессуальное положение и процессуальный интерес.

В своей статье «Опущенный следователь» В.И. Шиканов, положительно оценивал идеи о процессуальном положении следователя в Концепции судебной реформы РФ 1991 г., согласно которой следователь должен был стать «центральной фигурой в Следственном комитете», «существование руководителей всех уровней оправдано лишь в качестве организаторов его работы, осуществляющих ресурсное и методическое обеспечение расследования, начальствующих над техническим персоналом» (абз. 17 п. 7) [3]. Вместе с тем, по мнению Владимира Ивановича, «основная причина провалов в следственной работе – противоречие между статусом следователя по УПК и его фактическим положением. Записанная в законе независимость следователя – не более как пустой звук» [7, с. 10]. В частности, В.И. Шиканов, характеризуя процессуальную самостоятельность следователя, критически отзывался относительно действовавшего на тот период времени требования о получении следователем согласия прокурора на решение о возбуждении уголовного дела: «Отрицательные, а точнее пагубные для предварительного расследования последствия принятия этой нормы нетрудно себе представить. Любое бюрократическое «согласование вопросов» на первоначальном этапе расследования преступлений, когда дороги минуты, для уголовного дела смерти подобны. Принятая процедура не только вредна. С позиций практико-

логии она лишена здравого смысла. И раньше, и теперь, получая копию каждого постановления следователя о возбуждении уголовного дела, прокурор имел и имеет реальную возможность контролировать действия следователя, в частности, отменять его необоснованные постановления о возбуждении уголовного дела» [7, с. 11]. Как известно, указанное требование было исключено из УПК РФ на основании федерального закона от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ [5].

В другой своей статье «Состязательность и истина в уголовном процессе» В.И. Шикановым высказаны соображения относительно цели уголовного судопроизводства в условиях нового исторического типа уголовного процесса. В этой связи Владимир Иванович следующим образом характеризовал провозглашение российского уголовного судопроизводства состязательным: «если на судебных стадиях уголовного процесса принцип состязательности равноправных сторон (стороны обвинения и стороны защиты) на законодательном уровне обеспечен применительно к мировым стандартам достаточно полно, то в отношении предварительного расследования такая оценка была бы явно завышенной. На досудебных стадиях уголовного процесса введены и функционируют отдельные правовые блоки, позволяющие говорить о состязательности сторон как о некой тенденции. В целом же типология уголовного процесса на досудебных стадиях по-прежнему носит розыскной характер. Тем не менее, состязательность сторон и соответствующий дуализм их процессуального статуса проявляют себя в правоприменительной практике как реальность, которая в немалой степени влияет на процесс установления истины» [8, с. 21]. При этом, по мнению В.И. Шиканова, несмотря на то, что законодатель в тексте УПК РФ не использовал понятие «истина» и не закрепил требования о всестороннем, полном и объективном исследовании обстоятельств дела, ряд положений УПК РФ «ориентировано на установление объективной (материальной) истины», этот подход остался неизменным и в теории криминалистики [8, с. 22].

Не вдаваясь в дискуссию относительно понимания истины как цели уголовного судопроизводства, следует отметить, что взгляды профессора Шиканова не утратили своей актуальности, и в 2014 году это подтвердилось законопроектом № 440058-6, который был предложен депутатом Государственной Думы ФС РФ А.А. Ремезковым по инициативе Председателя Следственного комитета РФ А.И. Бастрыкина [2]. На основании данного законопроекта предлагается дополнить УПК РФ новым принципом уголовного судопроизводства «Ус-

тановление объективной истины по уголовному делу» следующего содержания: «Суд, прокурор, руководитель следственного органа, следователь, а также орган дознания, начальник подразделения дознания и дознаватель обязаны принять все предусмотренные настоящим Кодексом меры к всестороннему, полному и объективному выяснению обстоятельств, подлежащих доказыванию для установления объективной истины по уголовному делу». В свою очередь, под объективной истиной разработчиками законопроекта предлагается понимать «соответствие действительности установленных по уголовному делу обстоятельств, имеющих значение для его разрешения».

Данный законопроект был неоднозначно воспринят в научных кругах, а также в органах государственной власти. В частности, в официальном отзыве Правительства РФ отмечается, что «положения законопроекта об обязанности суда восполнять неполноту произведенного дознания или предварительного следствия, а также возвращать уголовное дело прокурору в случае неполноты предварительного расследования по ходатайству сторон (пункты 6 и 10 статьи 1 законопроекта) возлагают на суд не свойственные ему функции обвинения либо защиты и не учитывают правовую позицию Конституционного Суда Российской Федерации, выраженную в его постановлениях от 8 декабря 2003 г. № 18-П и от 27 июня 2005 г. № 7-П» [4]. По этой причине законопроект до сих пор не принят Государственной Думой РФ даже в первом чтении.

Таким образом, в науке уголовно-процессуального права возникла дилемма: если установление объективной истины как цель уголовно-процессуальной деятельности следователя мало кем ставится под сомнение, то отнесение к субъектам установления объективной истины суда вызывает вопросы. Главным вопросом при этом является вопрос, какая задача для инициаторов и разработчиков данного законопроекта является более приоритетной: научная, заключающаяся в закреплении методологической категории «истина» в тексте уголовно-процессуального закона, либо прагматическая, направленная на возрождение института дополнительного расследования? Думается, что при ответе на указанный вопрос немаловажным должен быть и процессуальный интерес следователя.

Не секрет, что в советский период институт дополнительного расследования обладал определенным дуализмом. С одной стороны, следователь надеялся на него в тех случаях, когда собранная им по делу доказательственная база не была убедительной, и он имел воз-

возможность исправить свои процессуальные упущения в рамках дополнительного расследования, что по сути расслабляло некоторых следователей, обладавших «вторым шансом», а иногда и третьим. С другой стороны, очевидно, что, имея в своем производстве еще несколько уголовных дел, следователь не был заинтересован в том, чтобы к нему возвращалось уголовное дело, которое он уже отправил в суд и считал оконченным: это и дополнительная нагрузка, и дополнительное время, и дополнительный контроль «сверху». Поэтому, если исходить из процессуального интереса следователя, то возрождение института дополнительного расследования представляется нежелательным, процессуальный интерес следователя основан на подходе, согласно которому после направления им уголовного дела в суд дальнейшая процессуальная ответственность по делу переходит к прокурору, поддерживающему государственное обвинение, который, в представлении следователя, также имеет возможность участвовать в формировании доказательственной базы по данному делу, заявляя перед судом ходатайства о проведении судебных действий, назначении судебных экспертиз и т.д.

Наконец, в одной из своих последних статей «Уголовное судопроизводство и его информационная сущность» В.И. Шиканов акцентировал внимание на процессе доказывания, рассмотрев его информационную природу: «Поскольку судебные доказательства – это всегда информация, оперирование судебными доказательствами представляют собой информационные процессы» [9, с. 65]. При этом, как отмечает профессор Шиканов, участники уголовного судопроизводства должны основывать свое участие в процессе доказывания на таких свойствах информации, как фиксируемость, инвариантность, брэнность, транслируемость и изменчивость. Тем самым, как представляется, В.И. Шиканов подчеркивал гносеологические риски процесса доказывания, связанные с искажением указанных свойств информации, которые с процессуальной точки зрения создают опасность появления в уголовном деле недостоверных доказательств.

В этой связи уместно отметить современные подходы к пониманию информационной природы процесса доказывания. Так, по справедливому мнению Л.А. Воскобитовой и С.Б. Россинского, «одним из базовых положений информационной теории доказательств является тезис о том, что субъект познания (дознаватель, следователь, суд) получает отраженную информацию от объекта посредством сигналов, передающихся в определенной форме. Механизмы психического от-

ражения (восприятия, ощущения, представления) поступающих информационных сигналов и формирования на их основе определенных знаний об обстоятельствах, подлежащих установлению по уголовному делу, носят субъективный характер. Но вместе с тем мы не можем согласиться с утверждением, что само психическое отражение имеет материальную сущность, поскольку связано с объективно существующей нервной системой и организмом человека» [1, с. 134]. Тем самым уважаемые авторы подтверждают вышеизложенную идею о том, что в любых доказательствах как результатах субъективистской деятельности заложена потенциальная опасность содержания частично искаженной информации, а потому любые доказательства должны подвергаться дополнительной проверке. Но это в теории, а на практике дополнительная проверка доказательств воспринимается следователем как необоснованное расходование своих трудо-временных ресурсов.

Таким образом, очевидно, что по взглядам профессора В.И. Шиканова базовый процессуальный интерес следователя обусловлен его процессуальной функцией по расследованию (исследованию) обстоятельств совершенного преступления и заключается в обосновании, формулировании и выдвижении обвинения, соответствующего действительности и подтвержденного совокупностью собранных по уголовному делу доказательств. Базовый процессуальный интерес следователя носит идеалистический характер и в свою очередь, как представляется, должен раскрываться через процессуальные субинтересы следователя, которые характеризуют отдельные этапы досудебного производства по уголовному делу и стоящие перед следователем задачи в реальной практической деятельности. Как представляется, в систему процессуальных субинтересов следователя можно включить следующие:

- осуществлять производство предварительного следствия по уголовному делу в условиях абсолютной процессуальной самостоятельности, гарантированной УПК РФ, без необоснованного воздействия со стороны руководителя следственного органа, прокурора, иных должностных лиц органов государственной власти;

- стремиться к минимизации на стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования возможностей по реализации принципа состязательности сторон, который позволяет стороне защиты влиять на направление и ход расследования, что, в представлении следователя, усложняет его работу по уголовному делу;

- использовать все предусмотренные УПК РФ основания для продления срока проверки сообщения о преступлении до максимально возможного (в том числе, путем возвращения материалов для проведения дополнительных проверок) с целью формирования доказательственной базы по уголовному делу еще до возбуждения уголовного дела и определения его судебной перспективы;
- принимать решение об отказе в возбуждении уголовного дела в ситуациях, когда по результатам проведенной проверки сообщения о преступлении не удалось собрать доказательства, без которых последующее предварительное следствие представляется ему не имеющим судебной перспективы с точки зрения формирования полноценной доказательственной базы;
- осуществлять производство предварительного следствия по уголовному делу в кратчайший процессуальный срок, достаточный и необходимый для формирования полноценной доказательственной базы, с учетом тяжести совершенного преступления, сложности и объема уголовного дела;
- использовать предусмотренные УПК РФ основания для приостановления предварительного следствия, при необходимости выделяя уголовное дело в отдельное производство;
- принимать решение об избрании меры пресечения, способной в наибольшей степени обеспечить участие подозреваемого, обвиняемого в производстве следственных и иных процессуальных действий, а также надлежащий порядок уголовного судопроизводства в целом;
- рассчитывать на вынесение судом положительного решения по результатам рассмотрения ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста или залога;
- рассчитывать на вынесение судом положительного решения по результатам рассмотрения ходатайства о производстве следственных и иных процессуальных действий, требующих судебного согласия, а также по результатам рассмотрения материалов следственных действий, проведенных в ситуациях, не терпящих отлагательства;
- принимать решение о заключении с подозреваемым, обвиняемым досудебного соглашения о сотрудничестве, если сформировать доказательственную базу по уголовному делу без такого сотрудничества не представляется возможным;
- получать признательные показания подозреваемого, обвиняемого в ходе допроса, очной ставки или проверки показаний на месте,

которые бы не противоречили иным, имеющимся по уголовному делу доказательствам;

- проводить допросы потерпевшего и свидетелей, которые соглашаются давать показания против самого себя, своего супруга и иных близких родственников после разъяснения им права на свидетельский иммунитет;

- достоверность собранных по уголовному делу доказательств не должна вызывать сомнений для того, чтобы в целях их проверки не требовалось проведение дополнительных следственных и иных процессуальных действий;

- устанавливать всю совокупность обстоятельств, подлежащих доказыванию, по уголовному делу, в том числе обстоятельств, способствовавших совершению преступления;

- производить предварительное следствие по уголовному делу без заявленного потерпевшим и иным лицом, которому преступлением причинен имущественный или моральный вред, гражданского иска, несмотря на то, что им такое право было разъяснено;

- формировать такую доказательственную базу, в которой все доказательства отвечают требованиям допустимости и не ставят под угрозу признания недопустимыми других доказательств, полученных на их основании (в соответствии с «теорией отравленного дерева»);

- осуществлять производство предварительного следствия в условиях, когда подозреваемым, обвиняемым, защитником, потерпевшим и иными участниками уголовного судопроизводства не заявляются жалобы на действия и решения следователя;

- осуществлять ознакомление участников уголовного судопроизводства, которые имеют на это право, с материалами уголовного дела в те сроки, которые были запланированы следователем для данного процессуального мероприятия;

- отказывать в удовлетворении ходатайств, заявленных участниками уголовного судопроизводства после их ознакомления с материалами уголовного дела, о проведении дополнительных следственных действий, если для проведения таких следственных действий недостаточно оставшегося срока предварительного следствия;

- принимать решение о прекращении уголовного дела при наличии предусмотренных УПК РФ оснований, в том числе по тем основаниям, по которым прекращение уголовного дела является правом следователя;

– направлять уголовное дело с обвинительным заключением прокурору, оформленное таким образом, чтобы у прокурора не возникло оснований возвратить уголовное дело следователю для пересоставления обвинительного заключения и устранения выявленных недостатков.

Подводя итог всему вышеизложенному, хотелось бы резюмировать, что научная и практическая ценность определения процессуальных субинтересов следователя является первым шагом к разработке уголовно-процессуальной модели деятельности следователя, позволяющей с высокой степенью вероятности определять риски его возможных процессуальных ошибок, а также возможных злоупотреблений своими правами и обязанностями, что в целом будет способствовать повышению эффективности предварительного следствия и профилактике коррупции в следственных органах.

Список использованной литературы

1. Воскобитова Л.А., Россинский С.Б. Вопросы познания в современном уголовном судопроизводстве // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2015. Т. 9. № 1. С. 130–143.

2. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением института установления объективной истины по уголовному делу: проект федерального закона № 440058-6 (редакция, внесенная в Государственную Думу РФ, текст по состоянию на 19 марта 2015г.) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

3. О Концепции судебной реформы в РСФСР: Постановление Верховного Совета РСФСР от 24 октября 1991 г. № 1801-1 // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 44. Ст. 1435.

4. Официальный отзыв Правительства РФ от 13 апреля 2015 г. на проект федерального закона № 440058-6 [Электронный ресурс]. Режим доступа: [http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/\(ViewDoc\)?OpenAgent&work/dz.nsf/ByID&2D75CD4C10A5983E43257EA4003E449C](http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/(ViewDoc)?OpenAgent&work/dz.nsf/ByID&2D75CD4C10A5983E43257EA4003E449C) (дата обращения: 01.10.2015).

5. Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 24. Ст. 2830.

6. Шиканов В.И. Алиби как новая категория процессуального закона // Сибирские криминалистические чтения : сб. науч. тр. Иркутск, 2002. Вып. 15. С. 37–46.

7. Шиканов В.И. «Опущенный» следователь // Сибирские криминалистические чтения : сб. науч. тр. Иркутск, 2003. Вып. 17. С. 7–17.

8. Шиканов В.И. Состязательность и истина в уголовном процессе // Сибирские криминалистические чтения : сб. науч. тр. Иркутск, 2004. Вып. 19. С. 21–25.

9. Шиканов В.И. Уголовное судопроизводство и его информационная сущность // Сибирские криминалистические чтения : сб. науч. тр. Иркутск, 2005. Вып. 20. С. 60–69.

Информация об авторе

Мазюк Роман Васильевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора, Байкальский государственный университет экономики и права, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11. E-mail: marova@mail.ru.

Information about the author

Maziuk Roman Vasilyevich – Candidate of Law, Associate Professor of Criminal Procedure and Procuracy Supervision Department. Baikal National University of Economics and Law, 11, Lenin str., Irkutsk, 664003. E-mail: marova@mail.ru.

УДК 343.195.6

И.П. Попова

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПОРЯДКА ПОСТАНОВЛЕНИЯ ОБВИНИТЕЛЬНОГО ПРИГОВОРА

В статье анализируются отдельные проблемные вопросы, связанные с порядком постановления приговора. Приводятся сравнительный анализ норм УПК РСФСР и УПК РФ, регламентирующих порядок постановления приговора, данные опроса судей. Сформулированы предложения по изменению действующего уголовно-процессуального закона.

Ключевые слова: уголовный процесс, приговор, судебная ошибка, участники судебных прений, порядок постановления приговора, возобновление судебного следствия.

I.P. Popova

SOME QUESTIONS IN PROCEDURE RULINGS OF GUILTY VERDICT

The article analyzes some problems connected with the procedure of sentencing. The comparative analysis of the norms of the Criminal Procedure Code of the RSFSR and the Code of Criminal Procedure, governing the procedure of sentencing, data from a survey of judges. Proposals to amend the current Criminal Procedure Law.

Keywords: criminal procedure, verdict, judicial error, participants of the judicial debate, the order of sentencing, the resumption of the trial.

Большинство процессуалистов солидарны, что судебное разбирательство – центральная стадия уголовного судопроизводства, поскольку именно на ней происходит разрешение уголовного дела по существу. Важнейшим итоговым процессуальным документом на данной стадии судопроизводства является приговор суда. Эффективность правосудия во многом оценивается качеством данного процессуального решения.

Ошибки, допущенные при постановлении приговора, могут свидетельствовать, в том числе, о низком профессионализме судьи. Звучат даже предложения, дополнить перечень оснований приостановления полномочий судьи, полагая, что к таковым следует отнести утрату судьей профессионализма при осуществлении правосудия [1, с. 39].

Между тем представляются надуманными утверждения, что уголовно-процессуальное законодательство России предусматривает не сложную процедуру постановления приговора [4, с. 235], и что от судьи, «помимо вынесения приговора, большего не требуется», поскольку суд участия в исследовании доказательств не принимает, «не обременен ничем, кроме созерцания за происходящим» [3, с. 9].

Эффективная деятельность судебной системы не возможна без учета многих факторов, носящих как объективный, так и субъективный характер, обусловленных самой природой судебных ошибок. Правосудие в Российской Федерации осуществляется судом, и от

профессиональных, личностных, психологических особенностей судей зависит качество принятых процессуальных решений. В этой связи следует согласиться с мнением Е.А. Карякина, что полностью исключить судебные ошибки невозможно ни при одном типе процесса, и количественное выражение допускаемых судами ошибок является достаточно стабильным показателем качества работы суда [11, с. 54].

Бесспорно, что помимо низкого профессионализма правоприменителей, возникновение судебных ошибок зачастую предопределено несовершенством текущего законодательства, о чем справедливо подчеркивает Н.А. Колоколов [12, с. 923].

В связи с изложенным актуальны предложения о необходимости совершенствования процессуального порядка постановления приговора [5, с. 42–44]. Как верно и то, что «только безукоризненное знание закона, тщательная и всесторонняя досудебная подготовка, а также постоянная работа над повышением уровня профессионального мастерства позволяют судьям выносить приговоры, правильные по существу и совершенные по форме» [2, с. 58].

Так, по окончании исследования доказательств, заслушивания судебных прений сторон и последнего слова подсудимого, суд, будучи в совещательной комнате, обеспечивающей необходимые соответствующие условия, «для спокойного и делового обсуждения всех вопросов, связанных с принятием решения по рассматриваемому делу» [4, с. 51], постановляет на заключительном и решающем этапе судебного разбирательства итоговый документ.

В ст. 299 УПК РФ предусмотрен круг вопросов, которые подлежат обсуждению судом в совещательной комнате. По существу, данная норма закона определяет алгоритм действий суда по исследованию установленных в судебном заседании обстоятельств дела. Обоснованно полагают В.В. Дорошков и С.А. Ворожцов, что условно весь перечень вопросов возможно разделить на несколько групп: 1. вопросы, относящиеся к преступлению; 2. вопросы, относящиеся к наказанию; 3. вопросы, относящиеся к гражданскому иску; 4. остальные, дополнительные по отношению к указанным выше вопросам [6, с. 422 ; 4, с. 236–239]. Г.И. Загорский классифицирует содержащиеся в ст. 299 УПК РФ вопросы, на определенные группы в зависимости от их влияния на законность, обоснованность и справедливость приговора, выделяя среди них главные, «определяющие существо приговора как акта правосудия» [9, с. 132].

В соответствии с частью 7 ст. 292 УПК РФ участники судебных прений вправе представить суду в письменном виде предлагаемые ими формулировки решений по вопросам, указанным в пунктах 1–6 части 1 ст. 299 УПК РФ. То есть стороны вправе высказать свои предложения по вопросам доказанности обвинения, виновности лица, квалификации его действий, и о наличии обстоятельств, смягчающих или отягчающих наказание подсудимого. Предлагаемые формулировки не имеют для суда обязательной силы. С учетом положений главы 38 УПК РФ указанные формулировки могут быть поданы участниками прений, как по окончании судебных прений, так и после заслушивания последнего слова подсудимого, но до удаления суда в совещательную комнату.

Представляется, что такие формулировки могут быть использованы судом при составлении приговора. Однако результаты обсуждения письменных формулировок не находят отражения в итоговом документе – приговоре суда, поскольку уголовно-процессуальный закон таких требований не содержит. Праву участников судебных прений представить письменные формулировки решений по некоторым вопросам, разрешаемым судом при постановлении приговора, не корреспондирует обязанность суда обсуждать и учитывать их в совещательной комнате.

Отсюда вполне закономерно, что стороны пассивны в использовании такой предоставленной им законом возможности высказаться по вопросам, подлежащим разрешению в приговоре. Думается, что данная норма закона может быть изменена, и найти фактическое применение в судебной практике. Перечень вопросов, по которым участники прений вправе представить свои письменные предложения, слишком узок и может быть расширен.

Так, участником судебных прений может стать гражданский истец и гражданский ответчик. Безусловно, для гражданского истца имеет значение доказанность обвинения и правильность квалификации действий подсудимого, т.к., в том числе, в зависимости от этого может быть разрешена судьба гражданского иска. Однако основной процессуальный интерес данного участника судебного разбирательства все же связан с правильностью разрешения гражданского иска. Вместе с тем разрешение гражданского иска регламентировано пунктом 10 части 1 ст. 299 УПК РФ, тогда как в перечень вопросов, по которым участники прений вправе представить письменные формулировки, указанный вопрос не включен.

Кроме того, в части 3 ст. 292 УПК РФ никаких иных, ранее не указанных в частях 1 и 2 ст. 292 УПК РФ участников судебных прений не перечислено, таким образом следует исключить ссылку на указанную норму закона.

С учетом положений ст. 428 УПК РФ законный представитель вправе участвовать в судебных прениях, однако в частях 1 и 2 ст. 292 УПК РФ как участник прений он не представлен. Следует внести изменения в часть 2 ст. 292 УПК, дополнив ее указанием на возможность принять участие в судебных прениях законному представителю несовершеннолетнего подсудимого.

Также следует дополнить норму закона, указав на возможность высказаться участникам прений и по вопросу, отраженному в ст. 300 УПК РФ, обязательно подлежащему выяснению при постановлении приговора, т.к. представляется, что вопрос о вменяемости может быть разрешен судом с учетом предложений участников прений.

Заслуживает внимания позиция Е.А. Карякина, полагающего, что в достаточной степени судебные ошибки связаны с последствиями «активного» противодействия правосудию. В связи с чем Е.А. Карякин считает, что перечень вопросов целесообразно расширить, дополнив вопросом об установлении обстоятельств, указывающих на дачу лицом, предупрежденным об уголовной ответственности заведомо ложных показаний, заведомо ложного заключения или осуществление заведомо неправильного перевода [11, с. 55].

Таким образом, следует расширить круг вопросов, по которым имеется возможность участникам судебных прений представлять письменные формулировки решений до удаления суда в совещательную комнату. Необходимо предусмотреть обязанность суда обсуждать письменные предложения участников прений и давать им оценку в совещательной комнате при изготовлении приговора и мотивировке ответов, на вопросы, указанные в части 1 ст. 299, ст. 300 УПК РФ, изложив часть 7 ст. 292 УПК РФ в следующей редакции: «Участники прений сторон, указанные в частях первой–второй настоящей статьи, вправе по окончании прений сторон, но до удаления суда в совещательную комнату представить суду в письменном виде предлагаемые ими формулировки решений по вопросам, указанным в части 1 ст. 299, ст. 300 УПК РФ. Предлагаемые формулировки не имеют для суда обязательной силы, но подлежат обсуждению в совещательной комнате с отражением результатов в приговоре».

Ранее действовавший УПК РСФСР предусматривал возможность ряду участников судебного разбирательства, а именно: обвинителю, защитнику, подсудимому, потерпевшему, гражданскому истцу, гражданскому ответчику или их представителям, сформулировать в письменном виде предложения по существу обвинения. Указанным участникам процесса была предоставлена возможность письменно внести предложения, отраженные в пунктах 1–5 статьи 303 УПК РСФСР (ст. 298 УПК РСФСР). УПК РФ, расширил перечень вопросов, указанием на возможность участникам судебных прений высказаться о наличии обстоятельств, смягчающих или отягчающих наказание (пункт 6 части 1 ст. 299 УПК РФ). В целом перечень был увеличен на 7 вопросов. Представляется, что в определенных случаях, когда для этого имеются основания, стороны вправе высказаться и по ним. В частности, потерпевший может высказаться с предложением о судьбе вещественного доказательства, законный представитель подсудимого – о мере пресечения в отношении подсудимого и т.д. Следует согласиться и с позицией В.Д. Капустянского, что поданные в письменном виде предложения участников судебного разбирательства должны быть приобщены к протоколу судебного заседания [10, с. 24–25].

Частью первой ст. 308 УПК РСФСР была непосредственно в законе предусмотрена возможность возобновления судебного следствия определением (постановлением) суда, если во время обсуждения в совещательной комнате вопросов, указанных в ст.ст. 303–305 УПК РСФСР, суд признает необходимым выяснить какие-либо обстоятельства, имеющие значение для дела.

УПК РФ такой возможности суду не предоставляет. Возобновить судебное следствие суд вправе с учетом положений ст. 294 УПК РФ, если участники прений сторон или подсудимый в последнем слове сообщат о новых обстоятельствах, имеющих значение для дела, или заявят о необходимости предъявить суду для исследования новые доказательства. При этом суд лишь **вправе**, но не обязан решать вопрос о возобновлении судебного следствия. Тогда как ранее с учетом положений части 3 ст. 297 УПК РСФСР, если подсудимый в последнем слове сообщит о новых обстоятельствах, имеющих значение для дела, суд был **обязан** возобновить судебное следствие. Как об обязанности, а не праве суда возобновить судебное следствие в указанных случаях высказывается и Г.И. Загорский [8, с. 678–679].

Большинство опрошенных судей считают, что возможность возобновить судебное следствие не зависит от мнения сторон и для это-

го достаточно лишь инициативы суда, если в совещательной комнате суд придет к убеждению, что в ходе судебного следствия не были выяснены обстоятельства, имеющие существенное значение для дела (71 %), а также если суд выявит в совещательной комнате нарушения уголовно-процессуального закона, допущенные в ходе судебного разбирательства (78 %). О невозможности возобновления следствия по инициативе суда в указанных ситуациях соответственно высказались 20 % и 12 %. О необходимости согласия на это хотя бы одной из сторон – указали соответственно 9 % и 10 %.

Отсутствие в законе прямого запрета суду возобновить судебное следствие по своей инициативе в совещательной комнате, зачастую, расценивается, как право суда воспользоваться таким порядком. В той связи в научной литературе высказываются предложения о целесообразности вернуть ранее предоставленное право суду возобновить судебное следствие, если при обсуждении вопросов, предусмотренных в ст. 299 УПК РФ суду не достаточно полученных данных [16, с. 547].

Конституционность ст. 294 УПК РФ не была предметом проверки Конституционного Суда РФ, куда обращался гражданин С.А. Курбанов. [8]. Заявитель просил проверить конституционность статей 294, 295 и 299 УПК Российской Федерации, поскольку, по его мнению, они позволили судье ... не выносить приговор после возвращения из совещательной комнаты, а возобновить судебное следствие и предоставить слово стороне обвинения. Отказывая в принятии жалобы гражданина А.С. Курбанова к рассмотрению, Конституционный Суд РФ подчеркнул, что статья 294 «Возобновление судебного следствия» УПК Российской Федерации не может рассматриваться как нарушающая конституционные права заявителя, поскольку направлена на обеспечение всестороннего и полного изучения всех обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, и, соответственно, на реализацию лицом права на справедливое судебное разбирательство.

Приведенный в ст. 299 УПК РФ перечень вопросов, которые суду надлежит обсудить в совещательной комнате, относим и к обвинительным, и к оправдательным приговорам. Судом вопросы должны быть разрешены в той последовательности, в которой они приведены в ст. 299 УПК РФ. Однако, в целях совершенствования юридической техники представляется необходимым перенести вопросы, предусмотренные пунктами 5–9 и 14 части 1 ст. 299 УПК РФ в ст. 307 УПК РФ, поскольку указанные вопросы не подлежат обсуждению при постановлении оправдательного приговора. Излишним представляется

указание в пункте 6 части 1 ст. 299 УПК РФ обсуждать наличие смягчающих или отягчающих наказание обстоятельств, поскольку аналогичное требование содержится в пункте 3 ст. 307 УПК РФ, регламентирующей содержание описательно-мотивировочной части обвинительного приговора. При постановлении оправдательного приговора суд не обсуждает указанный вопрос.

Следует констатировать, что мнения о целесообразности таких изменений разделяют более половины опрошенных респондентов: 59 % судей высказались о целесообразности включения вопросов, изложенных в пунктах 5–9 и 14 ч. 1 ст. 299 УПК РФ в ст. 307 УПК РФ, 57 % судей считают целесообразным исключить пункт 6 из части 1 ст. 299 УПК РФ.

Интересными являются результаты опроса судей о возможности покидать не только совещательную комнату, но и покидать город (район) рассмотрения дела (например, в рамках служебной командировки) при сформировавшемся мнении судьи по вопросам, предусмотренным в ст. 299 УПК РФ до полного изготовления и подписания текста приговора. С указанной позицией согласились 50,5 % опрошенных респондентов, при условии, что судья не рассматривает при этом иных дел.

Справедливо отмечается в научной литературе, что реализация предусмотренного законом права представить свои предложения по вопросам, подлежащим обсуждению судом в совещательной комнате, способствует реализации принципа состязательности сторон [4, с. 241; 13, с. 445]. При этом позволяет сторонам донести свое мнение до суда, способствует тому, чтобы суд полно и точно учел, и проанализировал позицию сторон при постановлении важнейшего акта правосудия – приговора. Предложенные изменения законодательства в части порядка постановления приговора могут способствовать повышению эффективности правосудия путем снижения числа судебных ошибок и послужат процессуальной гарантией реализации прав участников уголовно-процессуальных правоотношений.

Список использованной литературы

1. Балашов А.Н., Батурина Н.А. Судебная ошибка: в центре внимания – субъективный фактор // Российский судья. 2010. № 1. С. 38–41.

2. Бунина А.В. Приговор суда как акт правосудия. Его свойства. Оренбург : Изд. центр ОГАУ, 2006. 168 с.
3. Васяев А.А. Может ли считаться суд независимым, если текст приговора повторяет текст обвинительного заключения (акта)? Уголовно-процессуальные и криминалистические чтения : материалы междунар. науч.-практ. интернет-конф., Иркутск, 16–30 апр. 2012 г. Иркутск, 2012. С. 7–9.
4. Ворожцов С.А. Судебное производство в уголовном процессе Российской Федерации : практ. пособие по применению Уголовно-процессуального кодекса РФ / под общ. ред. А.И. Карпова. М. : Юрайт-Издат, 2008. 732 с.
5. Дикарев И.С. Процессуальный порядок постановления приговора нуждается в совершенствовании // Законность. 2009. № 3. С. 42–44.
6. Дорошков В.В. Производство по уголовным делам в суде первой инстанции : науч.-практ. пособие / под общ. ред. В.М. Лебедева. М. : Норма, 2011. 512 с.
7. Ендольцева А.В., Галустьян О.А. Уголовный процесс : учеб. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М. : ЮНИТИ-ДАНА : Закон и право, 2008. 399 с.
8. Загорский Г.И. Уголовно-процессуальное право : учебник для вузов / под общ. ред. В.М. Лебедева. М. : Изд-во Юрайт, 2013. 1016 с.
9. Загорский Г.И. Актуальные проблемы судебного разбирательства по уголовным делам : учеб.-практ. пособие. М. : Проспект, 2015. 312 с.
10. Капустянский В.Д. Судебные прения в уголовном судопроизводстве: от истории к современности // Российский судья. 2005. № 6. С. 23–25.
11. Карякин Е.А. Феномен «судебной ошибки» в уголовно-процессуальной деятельности суда // Российская юстиция. 2011. № 2. С. 53–57.
12. Колоколов Н.А. Уголовное судопроизводство: теория и практика / под ред. Н.А. Колоколова. М. : Юрайт, 2011. 1038 с.
13. Лазарева В.А. Уголовный процесс : учебник / коллектив авторов; под ред. В.А. Лазаревой. М. : Юстиция, 2015. 656 с.
14. Моисеева Т.В. Объективность и беспристрастность суда первой инстанции. М. : Юрлитинформ, 2006. 152 с.

15. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Курбанова Сергея Анатольевича на нарушение его конституционных прав положениями статей 29, 61–65, 125, 256, 294, 295, 299, 355, 379, 409 и 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 21 октября 2008 г. № 947-О-О [Электронный ресурс]. // СПС «КонсультантПлюс».

16. Червоткин А.С. Практика применения Уголовно-процессуального кодекса российской Федерации / под общ. ред. В.М. Лебедева. 6-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2013. 824 с.

Информация об авторе

Попова Ирина Павловна – старший преподаватель кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора, Байкальский государственный университет экономики и права, председатель Усть-Илимского городского суда Иркутской области в почетной отставке, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11; e-mail: irinabaikal@mail.ru.

Information about the author

Popova Irina Pavlovna – a senior lecturer in criminal process and prosecutorial supervision Baikal State University of Economics and Law, chairman of the Ust-Ilim Municipal Court of Irkutsk region in honorable retirement, Lenin St. 11, Irkutsk, 664003; e-mail: irinabaikal@mail.ru.

УДК 343.115

А.Ф. Реховский

КОРЕЙСКАЯ МОДЕЛЬ СУДА ПРИСЯЖНЫХ

В статье рассмотрены причины появления суда присяжных в Южной Корее. Исследованы основные черты и особенности суда присяжных. Обосновывается необходимость дальнейшего реформирования законодательства, регулирующего участие граждан в уголовном судопроизводстве Кореи.

Ключевые слова: Корея, суд присяжных, уголовный процесс, правосудие, участие граждан.

A.F. Rehovsky

KOREAN MODEL OF THE JURY TRIAL

The article discusses the causes of the jury trial in South Korea. The basic features and characteristics of the jury. The necessity of further reform of legislation regulating the participation of citizens in the criminal trial of Korea.

Keywords: Korea, jury, criminal trial, justice, citizen participation.

1 января 2008 года впервые в национальной истории Республики Корея был введен суд присяжных.

В начале XXI века Верховный Суд Кореи серьезно обеспокоили негативные общественные настроения против судей. Согласно результатам недавнего опроса, проведенного юридическим сообществом, 77 % респондентов считают, что корейская система правосудия является несправедливой [8, с. 3].

Быстрое продвижение суда присяжных в Корее весьма заметно. Существует две цели реализации новой судебной модели в Корее. Во-первых, это укрепление демократической легитимности судебного процесса, путем усиления принципа устного разбирательства в открытом судебном заседании, повышения прозрачности судебных процессов. Во-вторых, повышения доверия населения к судебной системе.

Исследователи суда присяжных в Корее и Японии Хироши Фукураи и Валери Ханс выделяют особый политический аспект появления суда присяжных в этих странах. В Корее и Японии размещены две крупнейшие в мире военные базы США. Многочисленные американские военнослужащие нередко совершали тяжкие преступления в отношении коренного населения. В этих случаях уголовные дела о преступлениях военнослужащих США рассматривались американскими военными судами. При этом назначенное военным судом наказание не отличалось суровостью, несмотря на тяжесть совершенного деяния, а многие преступления американских солдат и вовсе оставались безнаказанными.

Появление системы суда присяжных в Японии, где не требуется согласие обвиняемого на рассмотрение его дела судом присяжных, уже позволяет привлекать к уголовной ответственности американских военнослужащих. Чего нельзя сказать о законодательстве Кореи, согласно которому суд присяжных возможен только по ходатайству подсудимого [5].

Закон об участии граждан в уголовных судах № 8495 от 1 июня 2007 года (далее – «Закон»), (с поправками, внесенными Законом № 10258 от 15 апреля 2010 г. и Законом № 11155 от 17 января 2012 года) [1] кардинально изменил способ судебного разбирательства по уголовным делам в целом. Корейская модель суда присяжных инкорпорировала элементы двух правовых систем и основана на романо-германском и англо-американском праве, а также конфуцианском учении. Для получения актуального опыта по введению суда присяжных в Корею была введена пятилетняя экспериментальная фаза. Окончательная модель суда с участием граждан должна была быть выработана к 2012 г. Над этим вопросом работала постоянно действующая комиссия под руководством Верховного суда Кореи [7, с. 272–274]. Законодатель вырабатывает гибридную модель участия граждан в отправлении правосудия, сочетающую в себе достоинства американской (калифорнийской) модели суда присяжных и германской модели шеффенских судов.

Как справедливо отмечает А.В. Юрковский: «Судебные системы государств Восточной Азии – Китайской народной республики, Республики Корея и Японии – имеют особенности, обусловленные не только спецификой деятельности публичных механизмов власти, но и особенностями идеологий, характеризующих политическую роль правосудия» [9, с. 286].

Следует выделить конституционный аспект суда присяжных в Корею.

Конституция Республики Корея (п. 1 ст. 101) устанавливает, что «Судебная власть осуществляется судами, состоящими из судей» [2].

Введение системы суда присяжных может представлять конституционный вызов на том основании, что Конституция Кореи дает право обвиняемому быть судимым только судом (п. 1 ст. 27 Конституции).

Споры о конституционности система судов присяжных окончательно не решены на данный момент. Именно благодаря наличию данной конституционной проблемы, закон позволяет обвиняемым

право выбирать, иметь или не иметь суд присяжных. Если обвиняемый согласен на рассмотрение его дела судом присяжных, то он должен представить суду письменное ходатайство об этом. Конституционная проблема также влияет на правовые последствия вердикта присяжных заседателей. Согласно закону, вердикты присяжных в настоящее время носят для суда только рекомендательный характер. Это означает, что судья может вынести приговор, противоречащий вердикту, вынесенный присяжными. Окончательное решение по делу по-прежнему остается за судьей. Однако, в ходе второго этапа реализации Закона (после 2012 года), вердикты присяжных могут обладать властными полномочиями; и тогда конституционность суда присяжных станет реальной проблемой.

Некоторые ученые рассматривают нынешнюю систему судов присяжных, как согласующуюся с конституционной гарантией судебной беспристрастности суда при соблюдении определенных условий: (1) обвиняемый сам выбирает суд присяжных; (2) судья имеет право признать недействительными ненадлежащий обвинительный вердикт присяжных; и (3) обжалование вердикта присяжных заседателей является возможным [4].

Поскольку судьи и присяжные принимают решение по делу только частично вместе, так что корейская система должна быть называется «суд с присяжными», а не «суд присяжных», который встречается в странах общего права, таких как США и Великобритания.

В Корее подразумевается, что правосудие должно быть «материальным», т.е. оно имеет приоритет над процессуальными нормами, что результат для него должен быть важнее процесса. Точное следование всем правилам и юридическим процедурам отступает на второй план перед необходимостью достичь справедливого результата. Судьи часто игнорируют узкие, формалистские толкования законов, чтобы добиться человеческой и социальной справедливости по существу.

Корею можно характеризовать как «родовое общество» (tribal society), которое цементируется фактом национального и исторического единства, подсознательным внутренним чувством, общим для всех корейцев. Корейцы не анализируют; они чувствуют. Корейцы не взвешивают все «за» и «против» на основе неких рациональных критериев, как делает большинство американцев при принятии решения; они прислушиваются к голосу своего сердца. Кровные узы, землячество, почтение младших к старшим и многие другие элементы родо-

вого общества играют очень большую роль в поступках и решениях корейцев [6].

Большинство представителей юридической науки и гражданского общества Кореи поддерживают американскую модель суда присяжных. Но при этом численный состав присяжных в Корее представлен совершенно иначе. Число присяжных может быть 5, 7 или 9 человек. Согласно ст. 13 Закона 9 присяжных заседателей участвуют в судебном разбирательстве по делам о преступлениях, наказание за которые предусматривает смертную казнь или пожизненное заключение. 5 присяжных заседателей участвуют по делам о преступлениях, при расследовании которых подсудимый и его защитник признают все пункты обвинения на предварительном следствии. В остальных случаях избираются 7 присяжных заседателей. В то же время, суд вправе изменить число присяжных заседателей и определить их необходимое количество в 7 или 9 человек. Такое решение суда возможно при наличии чрезвычайно существенных обстоятельств в деле при условии согласия подсудимого, государственного обвинителя и защитника по данному вопросу.

Корейская модель варьирует число присяжных заседателей с пяти до девяти присяжных заседателей, численность которых определяется в зависимости от тяжести преступления и признания вины подсудимым. Промежуточное число – семь присяжных – участвует при рассмотрении большинства уголовных дел.

По данным статистики за четыре года с 2008 г. судами Кореи было рассмотрено 574 уголовных дела с участием присяжных заседателей. Среди них составом коллегии присяжных в количестве 5 присяжных рассмотрел 9,9 % дел, 7 присяжных – 57,1 %, 9 присяжных – 32,9 % [8].

В целом корейская модель распространяется на небольшое количество случаев, которое не превышает несколько сотен дел в год. Сфера применения суда присяжных в Корее ограничена тяжкими преступлениями: убийство, непредумышленное убийство, изнасилование, разбой, взятки, похищения людей и преступления, связанных с наркотиками. Только наиболее тяжкие преступления были отобраны законодателем с тем, чтобы они стали предметом рассмотрения присяжными заседателями, поскольку эти преступления могут получить большое внимание общественности, и требуют вдумчивого обсуждения.

Рассматривая вопрос о том, сколько времени необходимо присяжным заседателям для вынесения вердикта в совещательной ком-

нате, возможно прибегнуть к извлечению иллюстрации из неопубликованных статистических данных Верховного Суда Кореи [8].

Время совещания присяжных заседателей при вынесении вердикта

Число присяжных заседателей	Количество рассмотренных дел	Максимальное время	Минимальное время	Среднее время
5	57	2 часа 30 мин.	30 минут	1 час 14 мин.
7	328	4 часа 10 мин.	20 минут	1 час 35 мин.
9	189	4 часа 50 мин.	30 минут	1 час 50 мин.

Согласно ст. 16 Закона присяжными заседателями могут быть корейские граждане в возрасте старше 20 лет. Они не должны соответствовать ни одному из критериев для их дисквалификации (ст.17 Закона), исключения (ст. 18, 19 Закона) либо освобождения (ст. 20 Закона) от исполнения обязанностей присяжных заседателей.

Потенциальные присяжные, которые вызваны повесткой, должны пройти процедуру отбора.

Прокурор, подсудимый и его защитник могут с разрешения суда задавать кандидату свои вопросы. Кандидаты не вправе отказаться отвечать на вопросы участников отбора без уважительной причины или давать ложные ответы.

Суд должен отклонить кандидатуру допрашиваемого лица, если посчитает, что кандидат подпадает под любое положение Закона (его статей 17 и 20), исключающее его участие, а также в случае, когда, по мнению суда, решение кандидата при вынесении вердикта будет вероятно предвзятым. Суд отклоняет его кандидатуру по своему усмотрению или по заявлению прокурора, подсудимого или адвоката.

Прокурор и адвокат могут заявлять кандидатам в присяжные заседатели безмотивные отводы, т.е. отводы без объяснения причин, в следующих пределах:

- 5 человек, если жюри состоит из 9 человек;
- 4 человека, если жюри состоит из 7 человек;
- 3 человека, если жюри состоит из 5 человек.

Суд не может избрать предполагаемого присяжного в качестве присяжного заседателя, если ему был заявлен безмотивный отвод сторонами. Суд должен случайным образом отобрать эквивалентное количество присяжных, необходимых для судебного разбирательства из числа кандидатов в присяжные заседатели, которые присутствуют в судебном заседании.

В ходе судебного заседания присяжный заседатель вправе задавать вопросы подсудимому или свидетелю с разрешения председательствующего судьи. Кроме того, присяжные вправе вести записи и пользоваться ими при обсуждении вердикта с разрешения председательствующего судьи, если это будет сочтено необходимым.

Присяжные не вправе:

1) Покидать судебное заседание и совещательную комнату при обсуждении или вынесении вердикта без разрешения председательствующего судьи.

2) Высказывать или обсуждать свое мнение до начала судебных прений.

3) Собирать информацию, вести расследование в дополнение к судебному разбирательству.

4) Разглашать конфиденциальную информацию, предусмотренную Законом, при обсуждении вердикта.

Присяжные заседатели не участвуют при обсуждении вопроса о допустимости доказательств.

Председательствующий в судебном заседании после окончания судебных прений обращается к присяжным заседателям с напутственным словом. Он обращает внимание присяжных на основные моменты уголовного преследования, на нормы закона, подлежащие применению, на основные доводы подсудимого и защитника, на допустимые доказательства и др. значимые для дела обстоятельства. После этого присяжные заседатели приступают к обсуждению вопроса о виновности или невиновности подсудимого. Присяжные могут сразу вынести свой вердикт только единогласного решения. Если присяжные не в состоянии принять решение единогласно, то они должны услышать мнение судей. После этого вердикт выносится присяжными исходя из решения большинства. Судьи не участвуют при обсуждении и вынесении вердикта присяжными, несмотря на то, что они делали заявление от своего имени. Если в результате обсуждения присяжные вынесли вердикт о виновности подсудимого, то они должны обсудить вердикт с судьей и высказать свое мнение о наказании. Председательствующий разъясняет присяжным степень наказания и условия вынесения приговора до его вынесения.

Вердикт присяжных и заключение присяжных о наказании не являются обязательными для суда.

Законом предусмотрены меры безопасности присяжных заседателей, которые предусматривают гарантии для присяжных, как при

выполнении, так и после завершения ими обязанностей присяжных заседателей. Это касается защиты персональных данных присяжных, сохранения рабочих мест, защиты от контактов с лицами, которые пытаются узнать конфиденциальную информацию, полученную присяжными в ходе судебного разбирательства и др. [1].

Подробный анализ положения Закона наглядно показывает, что суд присяжных в Корее действительно имеет много общего с англосаксонским судом присяжных.

Характерные черты суда присяжных в Корее на современном этапе:

- ограниченный круг преступлений, которые могут быть предметом рассмотрения судом с участием присяжных заседателей;
- суд присяжных возможен только по заявлению обвиняемого;
- число присяжных заседателей 5, 7, 9 человек в зависимости от категории уголовного дела и признания вины обвиняемым;
- скоротечность судебного разбирательства с участием присяжных заседателей (как правило, один день);
- оказание присяжным заседателям консультативной помощи суда;
- присяжные заседатели при вынесении вердикта по вопросу о виновности или невиновности подсудимого принимают решение самостоятельно без участия суда;
- присяжные заседатели после вынесения обвинительного вердикта обсуждают с судом вопросы назначения наказания;
- вердикт присяжных не является обязательным для суда;
- пересмотр приговора суда, вынесенного с участием присяжных заседателей, в апелляции и др. вышестоящих судах происходит без участия присяжных заседателей.

Действующая модель суда присяжных в Корее не может быть постоянной. Пятилетний экспериментальный период Закона о присяжных заседателях завершился в 2012 году. В настоящее время население Кореи и других стран АТР ждут закрепления окончательной формы суда присяжных в Корее. Тем не менее, предпринятая попытка законодательной инициативы, которую проявило Министерство юстиции Кореи, по данному вопросу в 2013 году успеха не имела. Этот законопроект был оценен Правительством Кореи как недостаточно правильно отражающий общественные интересы.

Корейские исследователи в целом положительно оценивают реализацию системы суда присяжных. К положительным моментам

относят постепенный рост числа рассмотренных уголовных дел с участием присяжных заседателей; значительное совпадение вердиктов присяжных и приговоров судов по вопросам вины и наказания; постепенное понимание языка права неспециалистами и др. [3]. Но нам представляется, что главным значением появления суда присяжных в Корее в 2008 году является не только первенство его рождения в странах АТР в XXI веке, но и то обстоятельство, что, если эксперимент суда присяжных в Корее станет успешным в будущем, то это будет служить примером для других стран, которые рассматривают возможное гражданское участие в их судебной системе, в частности для Тайваня и КНР.

Список использованной литературы

1. Act on citizen participation in criminal trials (Enforcement Date 01. Jul, 2012) (Act No.11155, 17. Jan, 2012., Partial Amendment) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://law.go.kr> (дата обращения: 05.10.2015).
2. Constitution of the Republic of Korea [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://en.wikisource.org/wiki/Constitution_of_South_Korea (дата обращения: 05.10.2015).
3. Jae-Hyup Lee. Korean jury trial has the new system brought about changes? // Asian-Pacific Law & Policy Journal. 2010. [Vol. 12:1 2010]. P. 58–71 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ssrn.com/abstract=1809963> (дата обращения: 05.10.2015).
4. Jae-Hyup Lee. Getting citizen involved: civil participation in judicial decision-making in Korea // East Asia Law Review. 2009. (Vol 4:177) Korean Jury Trials.
5. Fukurai, Hiroshi and Hans, Valerie P., «Special Feature: The Future of Lay Adjudication in Korea and Japan» (2012). Cornell Law Faculty Publications. Paper 1092 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://scholarship.law.cornell.edu/facpub/1092> (дата обращения: 05.10.2015).
6. Корея и США: две модели правосудия [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://vestnik.kr/articles/3383.html> (дата обращения: 05.10.2015).
7. Руденко В.Н. Участие граждан в отправлении правосудия в современном мире. Екатеринбург : УрО РАН, 2011. 644 с.

8. Sang Hoon Han & Kwangbai Park. Citizen participation in criminal of Korea : a statistical portrait of the first four years // Manuscript received: May 5, 2012; review completed: June 29, 2012; accepted: July 5, 2012.

9. Юрковский А.В. Конституционные принципы организации и осуществления судебной власти в конституционном праве государств Северо-Восточной Азии // Вестник ТвГУ. Серия : Право. 2014. № 4. С. 284–304.

Информация об авторе

Реховский Александр Федорович – кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры правосудия, прокурорского надзора и криминалистики, Юридическая школа Дальневосточного федерального университета; e-mail: rafdvgu@mail.ru.

Information about the author

Rehovsky Alexandr Fedorovich – Candidate of Law, Associate Professor, professor of department of justice, directorate of public prosecutions and criminalistics, Legal school of the Far-Eastern federal university; e-mail: rafdvgu@mail.ru.

УДК.343.152

А.А. Рукавишникова

ПРИОСТАНОВЛЕНИЕ ИСПОЛНЕНИЯ ПРИГОВОРА, ВСТУПИВШЕГО В ЗАКОННУЮ СИЛУ, ПРИ ЕГО ПРОВЕРКЕ В КАССАЦИОННОМ И НАДЗОРНОМ ПОРЯДКАХ

В статье анализируется возможность восстановления, ранее существовавшего в УПК РСФСР института приостановления исполнения судебного приговора, вступившего в законную силу. Обосновывается, что необходимость приостановления исполнения необходима в том случае, если судья, предварительно изучавший кассационные (надзорные) жалобы (представления) придет к выводу о наличии ос-

нований для отмены или изменения судебного приговора в пользу осужденного.

Ключевые слова: приговор, вступивший в законную силу, исполнение приговора, приостановление исполнения, кассационное производство, надзорное производство.

A.A. Rukavishnikova

SUSPENSION OF A SENTENCE, WHICH CAME INTO EFFECT, DURING ITS VERIFICATION UNDER CASSATIONAL AND SUPERVISORY PROCEDURE

The author analyses possibility to re-establish the institution of suspension of a sentence, which came into effect. This institution existed in the Criminal procedure Code of the Russian Soviet Federative Socialist Republic. The author proves, that necessity to suspend the sentence is essential in such cases, when the judge, who previously examined cassational (supervisory) complains (applications), concludes that there are groundings to cancel or to change judicial sentence in favor of convict.

Keywords: a sentence, which came into effect, serving a sentence, suspension of a sentence, cassational procedure, supervisory procedure.

В соответствии со ст. 392 УПК РФ одним из признаков (свойств), которым обладает решение, вступившее в законную силу, является его исполнимость. Исполнение судебного решения, вступившего в законную силу, представляет собой итог справедливого судебного разбирательства. Исполнение судебного решения создает состоянии правовой определенности в части определения правового положения лиц (осужденного, потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика) и позволяет предвидеть перспективы и условия реализации правового статуса во вне.

Европейский Суд по правам человека рассматривает право на исполнение судебного решения как часть права на доступ к правосудию, а исполнение решения как часть судебного разбирательства, отмечает, что окончательное решение является обязательным для исполнения и содержит законные ожидания сторон [2].

Действующий УПК РФ содержит достаточно широкую возможность колебания судебного решения, вступившего в законную силу, которое или выполняет, или уже выполнило свои регулятивные свой-

ства, за счет его проверки в кассационном и надзорном порядках. В связи с тем, что применительно к этим судебным инстанциям законная сила судебного решения может быть поставлена под сомнение, а, в итоге – последние могут ее и лишиться, возникает вопрос с реализацией исполнимости как свойства судебного решения, вступившего в законную силу. По общему правилу лишение решения законной силы предполагает и аннулирование всех свойств ее характеризующих. В связи с чем, (учитывая, что наказание это всегда существенное ограничение или лишение прав) дальнейшая реализация наказания при условии, что решение не обладает законной силой, является недопустимой. Восстановление ограниченных или лишенных в результате исполнения наказания прав и свобод человека и гражданина в натуре не всегда представляется возможным, невозможна также и компенсация за излишне отбытый срок (в результате неправильно назначенного наказания).

На основании этого процессуалистами неоднократно поднималась и поднимается проблема восстановления в УПК РФ института приостановления исполнения судебного решения. Как показывает анализ практики, действительно, иногда решения судов кассационной, надзорной инстанций, отменяющие и изменяющие решения судов первой или апелляционной инстанции, поступают в орган или учреждение на исполнение в тот момент, когда осужденный уже либо отбыл часть наказания, либо, вообще, отбыл все наказание (особенно если это наказания, не связанные с лишением свободы, или иные меры уголовно-правового характера). Такая ситуация становится возможной еще и потому, что УПК РФ не содержит пресекающего срока на существование права на обжалование в кассационном и надзорном порядках (за исключением годичного срока для поворота к худшему ст. 401.6, ч. 2 ст. 412.9 УПК РФ).

При этом, с учетом оснований отмены или изменения решений судов первой или апелляционной инстанции, предусмотренных ст. 401.15, 412.9 УПК РФ, в качестве существенных нарушений уголовного закона, безусловно, могут выступать нарушения, связанные с неправильным определением вида, размера наказания, нарушением общих начал и принципов назначения наказания, поэтому ситуация исполнения неправильно назначенного наказания не исключена. Данные нарушения в судебных решениях могут быть допущены одновременно с существенным нарушением процессуальных норм, а могут быть допущены самостоятельно. Однако необходимо учитывать

условность такого деления, так как процесс есть способ реализации норм материального уголовного права, поэтому одни нарушения обуславливают другие.

Так, И.С. Дикарев, обосновывая необходимость существования института приостановления судебного решения пишет, «решение о приостановлении исполнения приговора должно приниматься одновременно с решением о возбуждении надзорного производства» [4, с. 134]. Автор отмечает, что когда судебное решение содержит существенную ошибку, исполнение такого решения может объясняться лишь очевидной несбалансированностью на законодательном уровне таких правовых ценностей, как правовая определенность и право на судебную защиту [5, с. 102].

В свою очередь В.А. Давыдов отмечает, что приостановление исполнения приговора не имеет какого-либо правового значения для осужденного к лишению свободы, а предоставление такого права в виде дискреции судье надзорной инстанции в зависимости от допущенного нарушения негативно скажется на уровне правовой безопасности и правовой стабильности [3, с. 79.].

С утверждением о том, что для осужденного решение о приостановлении не будет иметь юридических последствий, вряд ли, можно согласиться. При принятии решения о приостановлении исполнения должно быть принято решение об избрании меры пресечения (и например, осужденный из исправительного учреждения должен быть переведен в СИЗО; или к нему должна быть применена иная мера пресечения в порядке ч. 2 ст. 97 УПК РФ).

Следует отметить, что исторически институт приостановления был характерен для российского уголовно-процессуального законодательства в различные этапы его развития. Так, Устав Уголовного Судопроизводства 1864 года (далее УУС 1864 года), в качестве способа пересмотра судебного решения, вступившего в законную силу, предусматривал лишь возобновление производства по уголовному делу. Так, как кассационный способ проверки судебных решений использовался только для не вступивших в законную силу решений, а надзорный способ УУС 1864 года не предусматривал, институт приостановления использовался только при возобновлении производства по уголовному делу. Приостановление исполнения судебного решения осуществлялось с момента вынесения постановления об отмене состоявшегося судебного решения и возобновления производства по уголовному делу. Если приговор был отменен в пользу осужденно-

го – участь его облегчалась, но только с момента вынесения постановления о возобновлении (937-938 УУС 1864 года) [7].

По общему правилу, возбуждение надзорного производства по советскому уголовно-процессуальному законодательству не носило суспензивного характера, однако, в соответствии со ст. 372 УПК РСФСР Генеральный прокурор СССР, Председатель и заместители председателя Верховного суда СССР, Главный военный прокурор и Председатель Военной коллегии Верховного Суда СССР, а также аналогичные должностные лица в пределах РСФСР вправе в пределах своей компетенции приостановить исполнение обжалованного приговора, определения, постановления.

При регламентации производства по возобновлению по вновь открывшимся обстоятельствам УПК РСФСР 1960 г. не решал вопрос о суспензивном или несуспензивном его характере.

В советской уголовно-процессуальной литературе того времени на предмет возможного приостановления исполнения судебного решения при возобновлении производства высказывались различные точки зрения. Так Б.С. Тетерин считал возможным применить к возобновлению по вновь открывшимся обстоятельствам процедуру приостановления, предусмотренную для производства в порядке надзора и придать ему характер суспензивного производства [8, с. 82–83]. В свою очередь М.В. Блинов отрицал возможность применения приостановления исполнения решения при возобновлении производства по делу [1, с. 93–94]. В то же время И. Стерник предлагал установить специальное правило о приостановлении исполнения при возобновлении дела по доказательствам, представленным в пользу осужденного [6, с. 9]. Как свидетельствует практика того времени выше указанные должностные лица принимали решение о приостановлении исполнения судебного решения и в рамках надзорного производства и при возобновлении производства по уголовному делу.

Учитывая исторические традиции, представляется, что институт приостановления исполнения судебных решений необходим, как гарантия недопущения исполнения судебных решений, содержащих существенные ошибки, т.е. неправосудных судебных решений. Приостановление исполнения судебных решений означает временный перерыв в действии приданной им законной силы для подтверждения последней в случае наличия обоснованных сомнений в правомерности ее существования.

Думается, что решение о приостановлении исполнения судебного решения могло бы содержаться в Постановлении судьи суда кассационной (надзорной) инстанции о передаче кассационных (надзорных) обращений на рассмотрение по существу и могло быть стать соразмерной компенсацией преодоленной устойчивости окончательного судебного решения. Однако, следует помнить, что в данном случае такое решение принимается не судом кассационной или надзорной инстанции, а судьей единолично, а поэтому и принятие решение о передаче кассационных (надзорных) обращений на рассмотрение по существу, также как и потенциально возможное решение о приостановлении исполнения представляет собой проявление дискреционных полномочий, так как предполагает работу с оценочными критериями. Возможно, в качестве гарантии законности и обоснованности таких решений могло бы выступить закрепленное в УПК РФ право обжалования таких решений, в том числе в части приостановления исполнения.

Кроме того, считаем, что исполнение решения, вступившего в законную силу, являющегося незаконного с позиции обозначенного наказания, должно приостанавливаться только в том случае, если судья, предварительно изучающий кассационные или надзорные обращения, обнаружит ошибку в назначении наказания в пределах кассационных и надзорных оснований, свидетельствующую, именно, в пользу осужденного.

При этом, однако, следует помнить, что отмена в суде кассационной, надзорной инстанциях решений судов первой, апелляционной инстанций, а также кассационной с передачей прокурору или на новое рассмотрение в суд первой или апелляционной инстанции, означает лишение судебного решения законной силы, а, значит, и свойства исполнимости. Поэтому принятием такого решения судом кассационной и надзорной инстанции автоматически аннулируется решение о приостановлении исполнения судебного решения. В остальных случаях решение о дальнейшем исполнении судебного акта (исполнение которого приостановлено) могло бы решаться в определениях и постановлениях, выносимых судом кассационной и надзорной инстанций.

Рассматривая возможные варианты регламентации института приостановления судебного решения, следует исходить из того, что исполнение оправдательного приговора не должно приостанавливаться в любом случае, так как УПК РФ предусматривает его досрочное (до вступления в законную силу) исполнение.

Возможно, что институт приостановления исполнения судебных решений смог бы выступить гарантией того, что не будет исполняться судебное решение, содержащее судебную ошибку, свидетельствующую в пользу осужденного, учитывая то, что очень сложно, а иногда, порой, и невозможно восстановить права, ограниченные и лишенные в результате исполнения наказания, даже в том случае, если лицо продолжает оставаться признанным виновным в совершении преступления.

Список использованной литературы

1. Блинов В.М. Возобновление дел по вновь открывшимся обстоятельствам. М. : Юрид. лит, 1968. 120 с.
2. Вассерман против Российской Федерации от 18 ноября 2004 года (Жалоба № 15021/02) : постановление Европейского Суда по правам человека [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс».
3. Давыдов В.А. Пересмотр в порядке надзора судебных решений по уголовным делам: производство в суде надзорной инстанции : науч.-практ. пособие / В.А. Давыдов. М. : ВолтерсКлувер, 2006. 280 с.
4. Дикарев И.С. Предварительное производство в суде надзорной инстанции. М. : Юрлитинформ, 2010. 176 с.
5. Дикарев И.С. Принцип правой определенности и законная сила судебного решения в уголовном процессе : монография. Волгоград, 2015. 159 с.
6. Стерник И. Пересмотр приговоров по вновь открывшимся обстоятельствам // Соц. законность. 1947. № 6. С. 6–9.
7. Судебные Уставы Императора Александра II с законодательными мотивами и разъяснениями / под ред. С.Г. Щегловитова. СПб. : Тип. А.С. Суворина, 1895. 344 с.
8. Тетерин Б.С. Возобновление дел по вновь открывшимся обстоятельствам. М. : Госюриздат, 1959. С. 82–83.

Информация об авторе

Рукавишников Анастасия Анатольевна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности, Юридический Институт Национально исследовательского Томского государственного университета, 634050 Томская область, г. Томск, Московский тракт, 8; e-mail:satsana@yandex.ru.

Information about the author

Rukavishnikova Anastasia Anatolyevna – the master of law, associate professor, associate professor at the Department of criminal proceedings and the prosecutor's supervision and enforcement of the Law Institute of the National Research Tomsk State University, 634050 Tomsk region, Tomsk, Moscovskii av. 8; e-mail: satsana@yandex.ru.

УДК343.13

И.Г. Смирнова

ЗНАЧЕНИЕ АЛИБИ ПО ДЕЛАМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ В СФЕРЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ: В РАЗВИТИЕ ИДЕЙ В.И. ШИКАНОВА*

Статья посвящена анализу уголовно-процессуальных и криминалистических аспектов исследования алиби. Автор раскрывает узкое понятие алиби, которое поддержано законодателем в ст. 5 УПК РФ, а также понятие алиби в широком смысле. В работе обосновывается необходимость и целесообразность широкого понимания алиби по делам о преступлениях в сфере компьютерной информации.

Ключевые слова: уголовный процесс, криминалистика, алиби, компьютерные преступления.

I.G. Smirnova

VALUE OF THE ALIBI ON CASES OF CRIMES IN THE SPHERE OF COMPUTER INFORMATION: IN DEVELOPMENT OF IDEAS OF V.I. SHIKANOV

Article is devoted to the analysis of criminal procedure and criminalistic aspects of the alibi's research. The author opens narrow concept of the alibi (according to the art. 5 of the Criminal Procedure Code of

* Материал подготовлен в рамках выполнения проекта «Повышение эффективности уголовного судопроизводства по делам о киберпреступлениях для обеспечения национальной безопасности» в рамках гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых – докторов наук (Конкурс – МД-2014) на 2014–2015 годы (договор № 14.Z56.14.2691-МД).

the Russian Federation), and also concept of an alibi in a broad sense. The author proves that in the sphere of computer information there is necessary the broad understanding of an alibi.

Keywords: criminal trial, criminalistics, alibi, computer crimes.

Известный сибирский ученый-криминалист, доктор юридических наук, профессор Владимир Иванович Шиканов характеризовался не только широтой научных интересов, глубиной и многогранностью проведенных им научных исследований, но и новаторским характером таковых. Вполне закономерно, что результаты проведенных им в свое время исследований не утратили до сих пор своей актуальности и являются фундаментальной основой для дальнейших научных разработок отдельных уголовно-процессуальных институтов и вопросов криминалистики, а также общих методологических вопросов криминалистики и уголовного судопроизводства.

Указанное в полной мере касается и вопроса алиби при производстве по уголовному делу. Прежде всего, необходимо подчеркнуть, что исследование понятия алиби первоначально носило криминалистический характер. В частности, этому вопросу пристальное внимание уделял в своих трудах В.И. Шиканов. И лишь в связи с принятием УПК РФ понятие алиби нашло свое законодательное закрепление. Так, в п.1 ст. 5 УПК РФ алиби понимается как нахождение подозреваемого или обвиняемого в момент совершения преступления в другом месте.

Большой интерес представляют виды алиби, выделяемые В.И. Шикановым и рядом его коллег [1, с. 9]. В частности, в криминалистической науке достаточное внимание уделяется следующим видам алиби:

- «классическое» алиби: имеет место в случаях установления факта пребывания субъекта в момент совершения преступления в таком месте, которое с учетом временных факторов исключает его непосредственное участие в преступлении;

- «переходное» алиби: имеет место, если в момент совершения преступления субъект находился на месте совершения преступления или в непосредственной близости от него, но преступления не совершал;

- «моральное» алиби: имеет место всякий раз, когда субъект ссылается на то, что не мог совершить преступление в силу своих определенных личностных качеств, интересов и т.п.;

- «ложное» или сфальсифицированное алиби.

Как можно судить из выше изложенного, все выделяемые разновидности алиби так или иначе связаны непосредственно с лицом, подозреваемым или обвиняемым в совершении преступления.

В уголовно-процессуальной науке алиби также является предметом изучения с различных точек зрения:

- в связи с его особым значением для установления относимости доказательств. В частности, ученые полагают, что относимость доказательств – это признак, указывающий на наличие искомой связи между доказательственной информацией и обстоятельствами, подлежащими доказыванию. При этом, нередко доказательства становятся таковыми как раз ввиду отсутствия такой связи (при наличии того же алиби) [6];

- в неразрывной связи с принципами уголовного судопроизводства и, в первую очередь, с принципом презумпции невиновности;

- как безусловное, бесспорное основание для прекращения уголовного преследования в связи с непричастностью подозреваемого или обвиняемого к совершению преступления [8];

- как особо значимый фактор при принятии решения о целесообразности заявления ходатайства о вызове специалиста для дачи показаний в ходе судебного разбирательства, когда алиби не являлось предметом исследования в досудебном производстве [2];

- как связующее звено между объектами и следами биологического происхождения, которые часто выступают важным средством выявления и раскрытия краж, разбоев, убийств, изнасилований, других преступлений против личности и собственности, и задачами оперативно-розыскной и следственной практики (поскольку с помощью биологических следов возможно опровержение ложного алиби и разоблачение инсценировок) [5].

Это лишь приблизительный, примерный перечень тех значимых для уголовного судопроизводства аспектов алиби, которые стали предметом исследования ученых-процессуалистов.

Однако лейтмотив, исходная методологическая установка всех имеющихся на данную тему исследований уголовно-процессуального характера также заключается в том, что алиби рассматривается как отсутствие лица на месте преступления в момент его совершения.

Авторы, касавшиеся в своих исследованиях вопросов алиби, традиционно выделяли три структурных элемента системы¹:

¹ В.И. Шиканов совершенно справедливо отмечал что алиби, как и любая иная логическая система является идеальным системным образованием.

- место совершения преступления;
- время совершения преступления;
- место, где в момент совершения преступления находился обвиняемый [4, с. 32].

Однако развитие общественных отношений, глобальное, перманентное расширение форм их реализации заставляет взглянуть по-новому на привычные термины и понятия.

Например, в связи с активной защитой интеллектуальных прав особое значение придается борьбе с плагиатом, что, в свою очередь, привело к появлению в судебной практике появления понятия алиби-сносок. В частности, судебная практика германских судов говорит о достаточно хорошо разработанной на сегодняшний день системе оценки, с одной стороны, оригинальности и новизны научных исследований, а, с другой стороны, наличия в исследованиях научного плагиата: выделяется «полный плагиат», «переводческий плагиат», «структурный плагиат» и плагиат «несмотря на наличие алиби-сносок» [9].

Развитие компьютерных технологий вызвало появление и активное распространение также таких общественно опасных деяний, как киберпреступления [7].

Если в 2010 году было возбуждено 736 таких уголовных дел, то за 9 месяцев 2011 года их число уже превысило 1 тысячу, при том, что у этих преступлений весьма высокий уровень латентности. Не менее тревожные тенденции характеризуют состояние преступности и в других государствах.

Бесспорно, что совершение киберпреступлений самым непосредственным образом влияет на состояние защищенности жизненно важных интересов субъектов охраны. Более, того, из определения национальной безопасности видно, что круг жизненно важных интересов включает в себя интересы трех основных уровней:

1. Частные.
2. Общественные.
3. Государственные.

В этой связи следует признать, что киберпреступления самым непосредственным образом влияют на степень защиты всех трех групп интересов. Так, в соответствии со ст. 2 Конституции РФ права и свободы человека и гражданина являются высшей ценностью в государстве. К таковым относятся неприкосновенность личности, неприкосновенность жилища и, наконец, тайна (неприкосновенность) частной жизни. Очевидно, что имущественное положение лица свя-

зано с его частной жизнью и является составляющей банковской тайны, которая подлежит самостоятельной государственной защите. В свою очередь, уровень общественной напряженности детерминирует нестабильность в государстве, а кибер-угрозы могут быть направлены на получение сведений, составляющих государственную тайну. И если во многих сферах государственной деятельности конфликт частных и публичных интересов неизбежен, то в случае совершения киберпреступлений, в одинаковой степени страдают и частные интересы, и государственные, и общественные.

И в этой связи крайне важно вновь вернуться к вопросу о структурных элементах алиби-системы. Совершенно обоснованно В.И. Шиканов и Н.В. Кручинина отмечали, что классическая схема элементов алиби является справедливой лишь в определенных ситуациях, составляющих только часть из общего числа ситуаций. Следовательно, наряду с традиционным определением алиби необходимо сформулировать определение этого понятия в широком смысле, чтобы охватить все возможные случаи, связанные с установлением пространственно-временных координат, а также связей и отношений любых объектов с событием преступления или иными обстоятельствами, имеющими или могущими иметь значение для расследования [4, с. 32]. Далее, В.И. Шиканов и Н.В. Кручинина выделяют ряд основных свойств алиби в широком смысле:

1. Использование термина «алиби» в уголовном судопроизводстве в полном соответствии с его семантикой;
2. Термин «алиби» в каждом конкретном случае его использования в процессе доказывания должен отражать суть определенного выводного знания;
3. Такое выводное знание должно являться итогом констатации и анализа системы фактических данных, характеризующих пространственно-временные координаты, а также пространственно-временные связи и отношения между определенными объектами;
4. Полученное выводное знание должно базироваться на фактических данных, полученных при строгом соблюдении уголовно-процессуального закона;
5. Данные, полученные на информационном уровне доказывания, и выводы, сделанные на логическом уровне доказывания, обладают статусом доказательств.

Выделение указанных свойств алиби в его широком смысле позволило авторам предложить следующее его определение.

Алиби – условный термин, который в соответствии со своей семантикой отражает суть выводного знания, полученного в результате выявления, фиксации и анализа системы фактических данных, характеризующих пространственно-временные координаты, а также пространственно-временные связи и отношения между определенными объектами, оказавшимися в сфере уголовного судопроизводства, с одной стороны, и событием преступления или корреспондирующими параметрами иных фиксированных реалий предметного мира – с другой, если эти координаты, связи и отношения релевантны задаче всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела [4, с. 41–42]

В свете такого понимания алиби правомерно утверждение о том, что объектом алиби выступает не только подозреваемый, обвиняемый, подсудимый, но и другие физические лица независимо от их процессуального статуса, орудия и средства совершения преступления, а также любые иные реалии предметного мира.

Действительно, современные реалии расследования уголовных дел таковы, что для установления обстоятельств дела с учетом развития информационных, компьютерных технологий понятия алиби в узком смысле может оказаться не достаточно. И тогда появляются иные термины, вписывающиеся в понимание алиби в широком смысле. Так, например, Н.А. Иванов пишет о «цифровом алиби» (digitalalibi) – факте работы подозреваемого или обвиняемого в момент совершения преступления на компьютере [3].

Как нам представляется, именно такое (широкое) понимание алиби может сослужить полезную службу при расследовании преступлений в сфере компьютерной информации.

Список использованной литературы

1. Вопросы теории и практики проверки алиби (по материалам, опубликованным в зарубежной печати): лекция / И.С. Аббасова [и др.]. Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1982. 26 с.
2. Данилова Н.А., Николаева Т.Г., Рохлин В.И. Использование государственным обвинителем заключения и показаний специалиста // Российский следователь. 2012. № 10. С. 14–18.
3. Иванов Н.А. Применение специальных познаний при проверке «цифрового алиби» // Информационное право. 2006. № 4. С. 31–33.

4. Кручинина Н.В., Шиканов В.И. Теоретические проблемы алиби и их прикладное значение в уголовном судопроизводстве. Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1992. 200 с.

5. Мамурков В.А. Понятие, структура и назначение криминалистической биоскопии // Российский юридический журнал. 2012. № 5. С. 140–147.

6. Петрухина А.Н. Проблемы определения относимости заключения эксперта в уголовном процессе // Адвокатская практика. 2012. № 4. С. 9–11.

7. Смирнова И.Г., Коломинов В.В. Тактические особенности производства допроса по делам о преступлениях в сфере компьютерной информации [Электронный ресурс] // Известия Иркутской государственной экономической академии (Байкальский государственный университет экономики и права). 2015. Т. 6, № 3. Режим доступа: <http://eizvestia.isea.ru/reader/article.aspx?id=20140> (дата обращения: 29.09.2015).

8. Фильченко А.П. Непричастность подозреваемого или обвиняемого к совершению преступления в механизме прекращения отношения уголовной ответственности // Российский следователь. 2012. № 14. С. 19–22.

9. Челышев М.Ю., Арсланов К.М. Несанкционированные заимствования в российских и германских квалификационных исследованиях по праву: российское и немецкое законодательство, судебная практика // Вестник гражданского процесса. 2013. № 1. С. 283–299.

Информация об авторе

Смирнова Ирина Георгиевна – доктор юридических наук, заведующая кафедрой криминалистики, судебных экспертиз и юридической психологии, Байкальский государственный университет экономики и права, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, д. 11, e-mail: smirnova-ig@mail.ru.

Information about the author

Smirnova Irina Georgievna – Doctor of Law, Professor, head of the department of criminalistics, judicial examinations and Juridical Psychology, Baikal National University of Economics and Law, 11, Lenin str., Irkutsk, 664003, e-mail: smirnova-ig@mail.ru.

ТРЕБУЕТСЯ ЛИ ПРИЗНАНИЕ ВИНЫ ОБВИНЯЕМОМ ПРИ ЗАКЛЮЧЕНИИ ИМ ДОСУДЕБНОГО СОГЛАШЕНИЯ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ?*

В статье рассматривается правовая природа института досудебного соглашения о сотрудничестве (глава 40¹ УПК РФ). Анализируются высказанные в уголовно-процессуальной литературе позиции относительно необходимости согласия обвиняемого с предъявленным ему обвинением и признания им своей вины при заключении соглашения о сотрудничестве.

Ключевые слова: досудебное соглашение о сотрудничестве, обвиняемый, согласие с предъявленным обвинением, признание вины.

I.V. Smolkova

WHETHER THE DEFENDANT'S ADMISSION OF GUILT AT THE CONCLUSION OF THEIR PRETRIAL COOPERATION AGREEMENTS?

This article examines the legal nature of the Institute of pretrial agreement on cooperation (Chapter 40¹ of the code). Analyzed expressed in the criminal procedure literature positions regarding the necessity of consent of the accused to the indictment and admission of guilt at the conclusion of the cooperation agreement.

Keywords: pretrial cooperation agreement, the defendant, agreed with the accusation, an admission of guilt.

Проблема борьбы с организованной преступностью является чрезвычайно актуальным направлением деятельности правоохранительных органов. Ежегодно в стране организованными группами и

* Издается при финансовой поддержке проекта «Пределы ограничения прав личности в уголовном судопроизводстве в целях обеспечения национальной безопасности государства: уголовно-процессуальный и криминалистический анализ», реализуемого в рамках проектной части государственного задания Минобрнауки РФ в 2014–2016 гг. в сфере научной деятельности (номер задания 29.1247.2014/К).

преступными сообществами совершается значительное количество преступлений. Так, в 2011 г. ими совершено 16,9 тыс. тяжких и особо тяжких преступлений, в 2012 г. – 17,3 тыс.; в 2013 г. – 16,6 тыс.; в 2014 г. – 13,5 тыс. [12].

Вместе с тем, раскрываемость преступлений, совершенных организованными группами, остается весьма низкой. Согласно статистическим данным за последние годы (2009–2013 гг.) было раскрыто менее 46 % зарегистрированных тяжких и особо тяжких и менее 33 % групповых преступлений [15].

Следственно-судебная практика показывает, что наиболее результативным способом борьбы с организованными формами преступности является привлечение к сотрудничеству подозреваемых, обвиняемых, являющихся членами преступных группировок и сообществ, к раскрытию преступлений, совершенных этими группировками. Данная проблема достаточно давно обсуждается в юридической литературе, причем, большинство авторов положительно оценивает необходимость и эффективность такого сотрудничества.

Федеральный закон от 29 июня 2009 г. № 141-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» [20] ввел принципиально новый для уголовного судопроизводства России институт – институт досудебного соглашения о сотрудничестве (глава 40¹ УПК РФ). Данный институт предоставляет правоохранительным органам возможность привлекать к сотрудничеству лиц, состоящих в организованных группах и преступных сообществах, на условиях значительного сокращения им срока уголовного наказания.

Институт досудебного соглашения о сотрудничестве появился в результате заимствования некоторых черт и признаков соглашения о сотрудничестве, существующего в уголовно-процессуальном праве США, как одной из разновидностей сделки с правосудием.

А. Александров считает, что институт соглашения о сотрудничестве представляет собой русский аналог американской сделки с правосудием (*pleabargaining*) [2, с. 56]. Думается, что это не совсем так, поскольку ни следователь, ни суд с обвиняемым никакой сделки не заключают. Заключение сделки о признании вины в США не гарантирует снижение обвиняемому наказания, а лишь предполагает такую возможность, поскольку суд не связан какими-либо законодательными ограничениями в связи с подобным сотрудничеством обвиняемого со следствием.

Цель подозреваемого, обвиняемого при заключении соглашения о сотрудничестве по УПК РФ заключается в получении минимально возможного наказания в обмен на предоставление следствию значимой информации для осуществления уголовного преследования лиц, виновных в совершении преступлений. При заключении соглашения о сотрудничестве ни о какой сделке со взаимными правами и обязанностями, взаимной ответственностью за неисполнение условий, с возможностью изменить условия, скорректировать их, речи не идет.

Е.А. Редькина считает, что соглашение о сотрудничестве является разновидностью особого порядка при согласии обвиняемого с предъявляемым ему обвинением [18, с. 70].

Представляется, для данного утверждения есть серьезные основания, поскольку при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве судебный порядок рассмотрения уголовного дела производится по правилам, предусмотренных главой 40 УПК РФ. В этой связи следует поддержать позицию С.Б. Погодина о том, что необходимо объединить особый порядок и соглашение о сотрудничестве, поскольку первый не имеет смысла без второго, а второй не действует без первого [16, с. 62].

Согласно ч. 1 ст. 314 УПК РФ обвиняемый вправе при наличии согласия государственного или частного обвинителя и потерпевшего заявить о согласии с предъявленным обвинением и ходатайствовать о постановлении приговора без проведения судебного разбирательства по уголовным делам о преступлениях, наказание за которые предусмотрено УК РФ, не превышает 10 лет лишения свободы. Речь идет не просто о согласии обвиняемого с обвинением, а об активном сотрудничестве с органами предварительного следствия и правосудия.

При соглашении о сотрудничестве не требуется выяснение мотивов, лежащих в основе решения обвиняемого. На сотрудничество с правоохранительными органами совершившие преступления лица идут, иногда руководствуясь в определенном смысле негативными побуждениями в виде мести по отношению к бывшим соучастникам, либо в обмен на то, что ему будет назначено более мягкое, чем предусмотрено законом, наказание, либо применено условное осуждение или он полностью будет освобожден от отбывания наказания. То обстоятельство, что лицо сотрудничает в целях смягчения наказания, не может рассматриваться негативно, так как мотивы, которые привели его к принятию решения, одновременно свидетельствуют об осознании им преимуществ соглашения и способности принятия адекватных решений.

В литературе высказаны неоднозначные оценки анализируемого института. По мнению В.И. Илюхина, сделка с правосудием будет торпедировать все правосудие, поскольку чрезмерное снисхождение, проявленное к садистам и отпетым негодяям, спасающим свою шкуру через признание вины и «сделку с правосудием», будет «циничным надругательством над потерпевшими, оскорблением их чувств, забвением справедливости» [10, с. 81]. А. Кучерена полагает, что анализируемый институт повлечет лишь непредсказуемые отрицательные последствия, по его мнению, с введением сделки с правосудием у следствия появится соблазн, не прилагая особых усилий, получить нужные для его версии показания, склонив обвиняемого к сделке и отрапортовав о раскрытии преступления, а признание вины вновь станет царицей доказательств [13].

С.А. Новиков предупреждает об опасности самоговора, на который может пойти обвиняемый, желая заключить соглашение о сотрудничестве в целях последующего серьезного смягчения наказания [14, с. 136].

В.Г. Абшилава справедливо замечает, что новый институт станет определенным испытанием для органов предварительного расследования и прокуратуры, поскольку введение в заблуждение и обман обвиняемого при заключении соглашения о сотрудничестве не должны иметь места [1, с. 144].

А.С. Александров и И.А. Александрова относят досудебное соглашение о сотрудничестве к особым случаям деятельного раскаяния, отметив, что законодатель, добавив новые элементы в юридический состав деятельного раскаяния, создал квалифицированную его разновидность [3, с. 43]. Аналогичную позицию занимает М.В. Головин, считая соглашение о сотрудничестве институтом поощрения, представляющим собой последовательное развитие положений уголовно-правового института освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием [7, с. 9]. Представляется, что, несмотря на некоторое сходство, отождествление соглашения о сотрудничестве и деятельного раскаяния безосновательно.

В главе 40¹ УПК РФ нет упоминания о необходимости получения от обвиняемого как его согласия с предъявленным обвинением, так и признания им своей вины. В литературе же данный вопрос носит остро дискуссионный характер.

Одни авторы полагают, что при заключении соглашения о сотрудничестве закон не требует от обвиняемого ни обязательного признания себя виновным, ни раскаяния [19, с. 6].

Другие же авторы считают, что одним из условий соглашения о сотрудничестве является согласие обвиняемого с предъявленным обвинением [16, с. 63]. С точки зрения П. Вдовцева, согласие обвиняемого с предъявленным обвинением и выступает условием рассмотрения уголовного дела в особом порядке, в противном же случае обвиняемый вынужден будет пойти на определенную уловку, согласившись с предъявленным обвинением, чтобы сохранить возможность назначения наказания в более льготном порядке [7, с. 109–110].

Эту же позицию занимает и Пленум Верховного Суда РФ, которую он выразил в Постановлении от 28 июня 2012 г. № 16 «О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве» указав, что одним из условий постановления в отношении подсудимого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, обвинительного приговора является его согласие с предъявленным обвинением. А в случае если подсудимый не согласен с предъявленным обвинением, суд принимает решение о прекращении особого порядка судебного разбирательства и назначает судебное разбирательство в общем порядке [6, с. 21].

Третьи исходят из того, что условиями соглашения о сотрудничестве являются не только согласие с предъявленным обвинением, но и признание подозреваемым, обвиняемым вины [17, с. 93]. В этой связи А.В. Кищенко считает, что суду следует выяснять у подсудимого, согласен ли он с предъявленным обвинением, и получать признание вины [11, с. 23].

Четвертые основываются на том, что при заключении соглашения о сотрудничестве необходимо, чтобы обвиняемый признал вину. В частности, Н.Н. Апостолова отмечает, что соглашение о сотрудничестве будет побуждать к признанию вины, к раскаянию в совершении тяжкого преступления, к оказанию содействия в расследовании и раскрытии наиболее опасных преступлений [4, с. 15]. Разделяя эту позицию, Д.В. Дробинин полагает, что активное содействие подозреваемого, обвиняемого может выражаться и в признании вины [9, с. 28]. По мнению С.А. Новикова, действующий УПК РФ исходит из того, что при условии заключения соглашения о сотрудничестве, обвиняемый должен не только помочь расследованию, но и полностью признать свою вину, а

затем подтвердить в суде свою готовность принять «смягченное» наказание без исследования доказательств [14, с. 135].

Солидаризируясь с ними, М.В. Головизнин замечает, что подозреваемый или обвиняемый, сотрудничающий со следствием, должен признать вину в совершенном преступлении, что выступает определенной гарантией того, что данное лицо сообщает достоверные сведения органам, ведущим производство по делу [8, с. 17].

О.Я. Баев советует в целях предупреждения неоправданного конфликта со следователем и с прокурором (а такой конфликт может повлечь отказ в заключении досудебного соглашения о сотрудничестве или его расторжение по инициативе последнего) обвиняемому [5, с. 106].

Действительно, закон не связывает возможность досудебного соглашения о сотрудничестве ни с согласием с предъявленным обвинением, ни с признанием обвиняемым своей вины и, тем более, с раскаянием, он исходит из готовности обвиняемого сотрудничать со следствием. Однако, представляется, что получение согласия обвиняемого с предъявленным обвинением при заключении соглашения о сотрудничестве необходимо, поскольку ч. 1 ст. 317.7 УПК РФ предусматривает, что судебное заседание и постановление приговора в отношении подсудимого, с которым заключено соглашение о сотрудничестве, проводится в порядке, установленном ст. 316 УПК РФ, в которой установлено получение такого согласия. В соответствии со ст. 314 УПК РФ особый порядок судебного разбирательства неприменим, если обвиняемый не признает себя виновным.

Кроме того, до получения от обвиняемого согласия с предъявленным обвинением невозможно заключить соглашение о сотрудничестве, поскольку согласно п. 4 ч. 2 ст. 317.3 УПК РФ в досудебном соглашении должны быть указаны: описание преступления с указанием времени, места его совершения, а также других обстоятельств, подлежащих доказыванию в соответствии с п.п. 1–4 ч. 1 ст. 73 УПК РФ.

На мой взгляд, необходимо признать, что при соглашении о сотрудничестве необходимо как согласие обвиняемого с предъявленным обвинением, так и признание им вины, поскольку это вытекает из тех условий, которые требуются для заключения такого соглашения. Достаточно нелогично считать, что обвиняемый, идя на сотрудничество со следствием, обязуясь совершить в целях содействия следствию в раскрытии и расследовании преступления, определенные действия, направленные на изобличение и уголовное преследование

других соучастников преступления, розыске имущества, добытого в результате преступления, при этом не согласен с предъявленным обвинением и не признает свою вину.

Список использованной литературы

1. Абшилава Г.В. Досудебное соглашение о сотрудничестве обвиняемого с обвинительно-следственной властью государства по уголовным делам: проблемы теории и правоприменения. Екатеринбург : Изд-во УРГЮА, 2011. 245 с.

2. Александров А. Подход к преодолению противоречий в законе, регламентирующем заключение и реализацию досудебного соглашения о сотрудничестве по уголовному делу // Уголовное право. 2011. № 1. С. 54–57.

3. Александров А.С., Александрова И.А. Соглашение о досудебном сотрудничестве со следствием: правовая сущность и вопросы толкования норм, входящих в главу 40¹ УПК РФ // Уголовный процесс. 2009. № 8. С. 43–52.

4. Апостолова Н.Н. Особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве необходимо совершенствовать // Российский судья. 2010. № 1. С. 14–17.

5. Баев О.Я. Досудебное соглашение о сотрудничестве: правовые и криминалистические проблемы, возможные направления их разрешения. М. : ИНФРА-М, 2013. 208 с.

6. Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2012. № 9. С. 19–22.

7. Вдовцев П. Является ли согласие обвиняемого с предъявленным обвинением условием досудебного соглашения о сотрудничестве? // Уголовное право. 2015. № 2. С. 108–110.

8. Головизнин М.В. Особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. 24 с.

9. Дробинин Д.В. Некоторые проблемы уголовного судопроизводства при заключении обвиняемым досудебного соглашения о сотрудничестве // Уголовное судопроизводство. 2011. № 3. С. 27–29.

10. Илюхин В.И. Зачем ломиться в открытую дверь? // Право и безопасность. 2008. № 2. С. 80–83.

11. Кищенко А.В. Упрощенные производства: проблемы теории, законодательного регулирования и правоприменения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2010. 30 с.
12. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за 2011, 2012, 2013, 2014 гг. : Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://mvd.ru/presscenter/statistics/reports/item1036244> (дата обращения: 02.10.2015).
13. Кучерена А. Ловушка для мафии или сделка с совестью // Рос. газ. 2009. 9 июня.
14. Новиков С.А. Досудебное соглашение о сотрудничестве и особый порядок принятия судебного решения: ошибочное сочетание // Судебные решения в уголовном судопроизводстве и их юридическая сила : сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. Саратов, 2015. С. 136–138.
15. Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://mvd.ru/upload/site1/import/b3cbf688aa.pdf> (дата обращения: 02.10.2015).
16. Погодин С.Б. Некоторые актуальные проблемы применения особого порядка судебного разбирательства в состязательном уголовном процессе // Российская юстиция. 2009. № 9. С. 61–64.
17. Редькин Н.В. Особенности доказательственной деятельности при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве // Уголовно-процессуальное доказывание и другие актуальные проблемы досудебного производства : сб. науч. ст. Краснодар : Кубан. гос. ун-т, 2010. С. 92–97.
18. Редькина Е.А. Некоторые проблемы уголовно-процессуальной регламентации института досудебного соглашения о сотрудничестве // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2010. № 1. С. 69–76.
19. Смирнов А.В. Особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве // Уголовный процесс. 2009. № 10. С. 5–14.
20. Собрание законодательства Российской Федерации. 2009. № 26. Ст. 3139.

Информация об авторе

Смолькова Ираида Вячеславовна – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, заведующий кафедрой уголовного процесса и прокурорского надзора, Байкальский государственный университет экономики и права, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, д. 11; e-mail: kupik@isea.ru.

Information about the author

Smolkova Iraida Vyacheslavna – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, The Head of Criminal Procedure and Procuracy Supervision Department, Baikal National University of Economics and Law, Lenin str. 11, Irkutsk, 664003; e-mail: kupik@isea.ru.

КРИМИНАЛИСТИКА. СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА. ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

УДК 343.98

Е.В. Александренко

К ПРОБЛЕМАМ ИЗУЧЕНИЯ СЕРИЙНЫХ СЕКСУАЛЬНЫХ УБИЙСТВ

В статье отмечается отставание уровня научных методических рекомендаций от реальных потребностей практики расследования. Данное положение требует принятия соответствующих мер, в том числе проведения целенаправленных научных исследований. Необходимо проанализировать результаты имеющихся исследований серийных сексуальных убийств и выяснить их практическое значение для расследования. Исследования серийных сексуальных убийств должны прежде всего удовлетворять интересы следственной практики и способствовать борьбе с указанными преступлениями. Предлагается изучение, анализ и внедрение в следственную практику передовых методов расследования правоохранительных органов других стран. По результатам таких исследований следует создавать практические рекомендации для следователей.

Ключевые слова: серийные сексуальные убийства, особенности расследования серийных сексуальных убийств, особенности личности преступника, результаты научных исследований, практические рекомендации для следователей.

E.V. Aleksandrenko

TO THE PROBLEMS OF A RESEARCH OF SERIAL SEXUAL MURDERS

The article notes that the level of scientific guidelines lags behind actual necessities of investigation practice. This position requires taking relevant measures, including carrying out a focused scientific research. It is

necessary to analyze existing findings of sexual murders researches and its practical value for investigation. Proposed examination, analysis and practical application of the latest methods of investigation practiced by foreign law enforcement bodies. In accordance with those researches it is needed to compose practical guidelines for investigators.

Keywords: serial sexual murders, specific features of investigation of serial sexual murders, personal characteristics of a criminal, results of scientific researches, practical guidelines for investigators.

Серийные сексуальные убийства среди всех умышленных убийств, кроме повышенной общественной опасности и значительного количества жертв, отличаются присущими только им специфическими особенностями, которые в значительной мере определяют особенности организации и проведения расследования, обеспечивая его эффективность, быстрое установление преступника и судебную перспективу уголовного дела.

Как показало изучение следственной практики, проблемы раскрытия и расследования серийных сексуальных убийств вызваны целым рядом взаимосвязанных обстоятельств: недостатком знаний об особенностях данного вида убийств, недостатком информации о возможностях комплексного использования современных знаний из разных отраслей науки, в том числе о передовом мировом опыте расследования таких преступлений, о современных возможностях судебных экспертиз. Важная роль в восполнении указанных пробелов отводится практическим рекомендациям по конкретным вопросам расследования.

«...Расследование преступлений представляет собой настолько сложный процесс познания, что при его осуществлении необходимо применять почти все методы познания, используемые человеком в его практической деятельности» [4, с. 158]. Данные слова известного ученого-криминалиста и талантливого следователя Н.Н. Китаева подтверждают неоднократно высказанные нами ранее предложения использовать при раскрытии и расследовании серийных сексуальных убийств все, что имеется, и что может быть использовано для установления преступника и раскрытия совершенных преступлений.

Как же обстоит дело с этим важным направлением научных изысканий в мире? Каково современное состояние изучения проблем серийных сексуальных убийств и борьбы с ними? Что, как и для чего следует использовать при расследовании указанных преступлений? Какие средства, методы и как применять? Ответ на эти вопросы при-

звана, прежде всего, дать наука, с учетом обобщения и анализа имеющегося мирового и отечественного опыта расследования этих убийств. Наука должна иметь разработки и предложить практикам следствия конкретные рекомендации об их действиях и в таких случаях, направленных на выявление лиц, которые имеют все основания и возможности стать, или уже являются серийными убийцами.

Какие же аспекты серийных сексуальных убийств на сегодняшний день привлекли внимание исследователей, насколько полно охвачены их рассмотрением актуальные вопросы практики расследования указанных преступлений, и какова практическая значимость этих работ?

Анализ имеющейся литературы по указанной проблематике свидетельствует о том, что превалируют работы по уголовно-правовым и криминологическим аспектам серийных сексуальных убийств. Ощутим недостаток исследований криминалистов по актуальным вопросам их раскрытия и расследования, в том числе – по использованию специальных познаний.

Начнем с обзора работ зарубежных ученых. Первыми проявили научный интерес к личности лиц, совершающих многоэпизодные насильственные преступления (убийства, изнасилования), зарубежные ученые: Абрахамсен, Д. Грубин, Д. Кантер, Р.Крафт-Эбинг, К. Имелинский, Д. Норрис, Д. Фокс, Хилгарт, Х. Шехтер, Д. Эверит, Д. Дуглас, Р. Ресслер, С. Саменов и др.

В настоящее время зарубежными учеными исследованы многие важные аспекты проблемы серийных и серийных сексуальных убийств, в частности, понятие, мотивы, особенности и типы сексуальных убийств, характеристика личности преступников. Так, зарубежными учеными разработаны несколько моделей построения психологического портрета, географический метод в раскрытии серийных убийств. В США и Великобритании разработаны и активно применяются системы компьютерного анализа за преступлениями с построением модели преступника, а также активно действуют компьютерные базы данных – VICAP (США) и CATCHEN (Великобритания).

Вместе с тем, правильно отмечается, что современная криминалистическая и психиатрическая литература уделяет много внимания различным аспектам преступного сексуального поведения. При этом специальных работ, посвященных серийным сексуальным убийствам, относительно мало. Анализ этой проблемы дается в контексте общих

вопросов типологии, психопатологии и криминалистических подходов к проблеме сексуальных правонарушений [1, с. 15].

Среди основных исследователей проблем серийных, в том числе серийных сексуальных, убийств следует назвать Ю.М. Антоняна, С.А. Афанасьева, А.О. Бухановского, С.Н. Богомолу, А.И. Дворкина, Ю.П. Дубягина, В.Н. Исаенко, Н.А. Исаева, В.А. Образцова, А.Р. Павлова, А.А. Протасевича, А.Л. Протопопова, В.Н. Тележникову, Е.В. Тихонову, И.В. Усанова, А.С. Фомину, А.В. Хамукова и др.

Из украинских ученых отдельными аспектами серийных сексуальных убийств занимались В.П. Бахин, Н.С. Карпов, А.В. Старушкевич, С.Н. Синявский, О.В. Синеокий, И.В. Сичковская. Последние защитили кандидатские диссертации по криминалистической характеристике (А.В. Старушкевич, 1998) и особенностям первоначального этапа расследования сексуальных убийств (И.В. Сичковская, 2013) [5; 6]. Автор данной статьи предпринял попытку комплексного исследования проблем теории и практики расследования указанных преступлений в рамках работы над докторской диссертацией.

Анализ работ отечественных и российских ученых показал следующее состояние и уровень исследования проблем серийных, в том числе сексуальных, убийств.

Общие вопросы расследования серийных убийств были рассмотрены в работах В.И. Батищева, В.Н. Исаенко. К сожалению, комплексное исследование проблем теории и практики борьбы с серийными сексуальными убийствами, в пример проведенному В.Н. Исаенко в 2005 г. в отношении серийных убийств, не проводилось.

Собственно серийным сексуальным убийствам были посвящены работы С.А. Афанасьева, В.И. Иванова, В.В. Новика (криминалистическая характеристика, типовые программы и особенности расследования), А.Л. Протопопова и И.В. Усанова (монографии), ряд кандидатских диссертаций (И.В. Усанова, Е.В. Тихоновой). Психолого-криминологические аспекты серийных сексуальных убийств исследованы Ю.М. Антоняном, А.И. Анфиногеновым, М.С. Басенко, А.О. Бухановским, Н.А. Исаевым, А.А. Ткаченко, А.Ю. Лаговским, В.Н. Тележниковой, А.Р. Павловым.

Отдельные криминалистические аспекты рассмотрели в своих трудах Г.Н. Буслаев, А.А. Протасевич, А.Л. Протопопов, Н.Н. Китаев, А.И. Дворкин, А.В. Хамуков, А.С. Фомина, А.В. Старушкевич, И.В. Сичковская, С.Н. Синявский, О.В. Синеокий и некоторые другие ученые.

Вопросы оперативно-розыскной работы исследовал в своих публикациях В.В. Бураков. Медико-криминалистическое обеспечение расследования серийных, в т.ч. сексуальных, убийств рассмотрено в работах Ю.П. Дубягина. Использованию специальных познаний и возможностей судебных экспертиз посвятила свою кандидатскую диссертацию И.Н. Горбулинская [2].

Таким образом, в настоящее время наиболее исследованными являются следующие аспекты серийных сексуальных убийств: их понятие и классификация, причины и мотивы, уголовно-правовая, криминологическая, психологическая и криминалистическая характеристики, особенности личности серийных сексуальных убийц, методики составления портрета предполагаемого серийного преступника-насильника с учетом современных достижений науки (В.Н. Тележникова, 1999) [7].

В отдельных публикациях рассмотрены подходы к формированию частной криминалистической методики расследования указанных преступлений, некоторые тактические особенности проведения следственных действий (преимущественно, осмотра места происшествия и трупа, допроса) и другие аспекты, имеющие значение для расследования.

Среди последних из них следует назвать статью Е.С. Черкасовой о поведенческой фазе серийного преступления – «сталкинге» (выслеживании и «охоте» за жертвой), что может быть использовано при организации оперативно-розыскной деятельности и следственных действий, помогает составить достоверный психологический профиль преступника. В статье Е.В. Ильюк рассмотрены особенности поведения лица, совершающего серийные преступления до, во время и после него, приведены признаки сексуального характера убийства, показано значение фетишей для серийного преступника [3; 9].

К недостаткам же имеющихся исследований следует отнести, в частности, отсутствие до сих пор единого подхода к определению понятия «серийные сексуальные убийства» и их классификации.

Таким образом, анализ имеющихся научных работ позволяет условно разделить их на два вида: 1) теоретические – уголовно-правовой, криминологической и медицинской (психолого-психиатрической) направленности – изучение самого явления таких преступлений, личности преступников (факторов, которые обусловили их появление и становление, возможно ли раннее выявление таких по определенным признакам, каким образом можно предупредить формирование личности серийного убийцы и т.д.); 2) узкой кри-

миналистической направленности, представляющие собой практические способы использования знаний о серийных сексуальных убийцах в раскрытии и расследовании совершаемых ими преступлений, и практические рекомендации по использованию указанных способов (разрабатываемые методы «психологического портрета» и др.).

Исследования первого направления преобладают над вторыми по количеству авторов и написанного ими. Однако, эти междисциплинарные, затрагивающие многие сферы научного знания исследования являются основой для проведения узкодисциплинарных (например, криминалистических) исследований и разработке по их результатам конкретных методов, средств и приемов раскрытия, расследования и предупреждения серийных сексуальных убийств.

Известно, что задачей криминалистики является способствование собственными средствами и методами оптимизации деятельности по расследованию преступлений. Однако, если на положительный опыт в криминалистической литературе, методических разработках и рекомендациях, обобщениях следственной и судебной практики имеется достаточно много ссылок, то отрицательные моменты порой замалчиваются, что недопустимо. Следственные, экспертные и, насколько возможно, «гласные» ошибки органов дознания должны подвергаться объективному тщательному анализу, подробному критическому рассмотрению во избежание их в дальнейшей практической деятельности» [8, с. 322].

Узнать о таких ошибках порой бывает невозможно, поскольку таковые, как правило, в материалах уголовных и даже оперативно-розыскных дел не отражаются. Про них можно узнать только от субъектов расследования, прокуроров, надзирающих за расследованием, и решений судов (постановлений, определений). Однако, данная проблема существует и ее необходимо решать, поскольку подобные ошибки и просчеты в раскрытии и расследовании преступлений серийных сексуальных убийц чреваты тяжелыми последствиями.

Поэтому еще одним важным и перспективным направлением прикладных научных исследований серийных сексуальных убийств считаем изучение следственной, прокурорской, экспертной и судебной практики, ее анализ и обобщение наиболее характерных недостатков, ошибок и просчетов, допущенных при их расследовании. По результатам этого исследования необходимо предложить способы устранения и предупреждения таких недостатков, и в виде рекомендаций довести до сведения практических работников с целью недопущения таковых в дальнейшем.

Основное, что следует из изложенного в настоящей статье: имеется недостаток литературы методического характера по проблемным вопросам расследования указанных преступлений. Имея же таковые, следователи и оперативные работники могут не полагаться только лишь на свое мастерство и профессионализм, а использовать уже опробованные на практике научно-технические средства, тактические приемы, тактические операции и другие средства и методы, что положительно скажется на эффективности расследования.

Наряду с продолжением комплексных, силами коллективов из специалистов разных отраслей науки, исследований проблем серийных сексуальных убийств и совершающих их лиц, результаты которых могут появиться не скоро, следует заниматься и прикладными, необходимыми практическим работникам вопросами. Материалами для чего могут служить уже имеющиеся результаты исследований, о которых говорилось выше.

Таким образом, массив имеющихся работ (диссертации, монографии, учебники, пособия, статьи, материалы конференций, семинаров, «круглых столов», методические рекомендации и др.) и их содержание позволяет сделать обоснованный вывод, что в настоящее время мировая и отечественная наука (криминалистика, судебная психиатрия и психология, криминология и др.) накопили достаточный массив информации и сведений о серийных и, в частности, серийных сексуальных убийствах. Правильное их использование позволяет успешно раскрывать и расследовать указанные преступления.

Важный и еще нерешенный надлежащим образом вопрос, на наш взгляд, состоит в следующем: необходима координация научных исследований – выбор наиболее важных в практическом плане направлений исследований проблем серийных сексуальных убийств. Главной задачей всех исследований должно быть получение конкретных сведений, знаний, фактов для подготовки «конечного продукта»: рекомендаций для практических работников по раскрытию, расследованию и предупреждению указанных преступлений.

Список использованной литературы

1. Барыгина А.А., Майоров В.И. Организация расследования серийных сексуальных убийств : науч.-практич. пособие. М. : Юрлитинформ, 2011. 280 с.

2. Горбулинская И.Н. Использование специальных познаний в процессе расследования серийных убийств (первоначальный этап расследования) : дис. ... канд. юрид. наук. Барнаул, 2007. 252 с.

3. Илюк Е.В. Серийные преступления глазами психиатра // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации, 2015. № 1. С. 238–242.

4. Китаев Н.Н., Тельцов А.П. Проблемы расследования отдельных видов умышленных убийств. Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1992. 168 с.

5. Сичковская И.В. Первоначальный этап расследования сексуальных убийств : дис. ...канд. юрид. наук. Запорожье, 2013. 275 с.

6. Старушкевич А.В. Криминалистическая характеристика сексуальных убийств: понятие, содержание, значение для расследования : дис. ...канд. юрид. наук. Киев, 1998. 242 с.

7. Тележникова В.Н. Криминологическо-психологическая характеристика лиц, виновных в многоэпизодных убийствах и изнасилованиях : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999. 148 с.

8. Фомина А.С. Ошибки, допускаемые при тактических операциях: постановка проблемы // Воронежские криминалистические чтения : сб. науч. тр. / под ред. О.Я. Баева. Воронеж, 2008. Вып. 10. С. 321–327.

9. Черкасова Е.С. Психологические особенности сталкинга в изучении преступника, совершившего серийные сексуальные преступления // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения : сб. науч.-практ. тр. М., 2015. Вып. 1. С. 63–65.

Информация об авторе

Александренко Елена Витальевна – кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры досудебного расследования, Национальная академия внутренних дел Украины, 03151, г. Киев, ул. Народного Ополчения, 9; e-mail: A_E_B@i.ua.

Information about the author

Aleksandrenko Elena Vitalievna – PhD in Law, associate professor of the Chair of Preliminary Investigation of the National academy of internal affairs, Narodnogo Opolchennya St. 9, Kiev, 03151; e-mail: A_E_B@i.ua.

ОСОБЕННОСТИ НАЗНАЧЕНИЯ И ПРОИЗВОДСТВА ЭКСПЕРТИЗ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ФАЛЬШИВОМОНЕТНИЧЕСТВА

В статье отмечается, что по делам о фальшивомонетничестве одним из важнейших первоначальных следственных действий является назначение экспертизы. Раскрываются вопросы, связанные с назначением таких экспертиз как технико-криминалистическая экспертиза денежных знаков и ценных бумаг, компьютерно-техническая экспертиза, криминалистическая экспертиза материалов, веществ и изделий (КЭМВИ) и др.

Ключевые слова: фальшивомонетничество, экспертиза, эксперт, назначение и производство экспертиз.

К.А. Asatryan

FEATURES AND PURPOSE MANUFACTURING EXPERTISE IN THE INVESTIGATION OF COUNTERFEITING

The article notes that in cases of counterfeiting one of the most important initial investigation is the appointment of expertise. Focus on issues related to the appointment of such expertise as a technical and forensic examination of banknotes and securities, computer-technical expertise, forensic examination of materials, substances and products (KEMVI) and others.

Keywords: counterfeiting, expertise, skills, purpose, and production expertise.

Важнейшей задачей следователя при расследовании дел об изготовлении, хранении, перевозке или сбыта поддельных денег или ценных бумаг является назначение судебных экспертиз. Необходимо отметить, что при проведении судебной экспертизы функции следователя изменяются. Если при проведении большинства следственных действий он является лицом, осуществляющим действия, то здесь следователь выполняет организующую, контролирующую, обеспечивающую и фиксирующую функции [2, с. 375].

Объектами экспертного исследования по делам о фальшивомонетничестве могут быть: имеющиеся в распоряжении следователя

поддельные денежные знаки, ценные бумаги, образцы (подлинные денежные знаки, со следами подчистки, травления, вырезанными элементами и т. д.), оборудование, инструменты, приспособления, заготовки для изготовления фальсификатов, материалы, используемые для их изготовления.

Проведенное исследование показало, что по данной категории уголовных дел чаще всего назначаются следующие виды экспертиз: технико-криминалистическая экспертиза денежных знаков и ценных бумаг; компьютерная; трасологическая; экспертиза материалов, веществ и изделий. В зависимости от конкретных обстоятельств дела может быть назначено проведение и других видов экспертиз.

Технико-криминалистическая экспертиза денежных знаков и ценных бумаг производится сотрудниками экспертно-криминалистических подразделений органов внутренних дел не ниже областного уровня, а в особых случаях – специалистами экспертно криминалистического центра, в связи с тем, что исследование поддельных денежных знаков и ценных бумаг носит комплексный характер.

Эффективным представляется проведение комплексной криминалистической экспертизы денежных знаков, так как при исследовании данных объектов необходимы специальные познания в области криминалистической техники, методов изготовления и системы защиты денежных знаков, а также химии, физики, фотографии, технологии металлов, полиграфического производства и т.п. [4, с. 94]. В связи с этим дать категоричный ответ на большинство вопросов при исследовании объектов фальшивомонетничества можно, только проведя их комплексное исследование. «Особенность комплексного исследования заключается в том, что общим для экспертов выступает цель исследования, а способы достижения результатов могут быть различными. Основное назначение комплексной экспертизы – решение вопросов, относящихся к пограничным знаниям, когда достигаются полиаспектные (целостные) представления об исследуемом объекте» [5, с. 24].

Успех расследования уголовного дела во многом зависит от полноты собранных материалов, направленных эксперту, а так же от правильно и четко поставленных вопросов перед экспертом.

При назначении технико-криминалистической экспертизы денежных знаков и ценных бумаг перед экспертами рекомендуется ставить следующие вопросы.

– Представленные денежные знаки или ценные бумаги изготовлены по технологии предприятий, осуществляющих производство го-

сударственных денежных знаков? Если нет, то, каким способом они изготовлены?

– Изготовлены ли все представленные денежные знаки или ценные бумаги с одной и той же печатной формы?

– Изготовлены ли представленные на исследование денежные знаки или ценные бумаги в условиях типографского производства?

– Какой тип, модель оборудования (копировально-множительное или печатающее устройство) использованы в целях изготовления поддельных денежных знаков или ценных бумаг?

– Поступали ли ранее в экспертно криминалистический центр управления внутренних дел денежные купюры с аналогичными номерами или способом подделки представленному?

– Какие навыки и знания необходимы для изготовления данных денежных знаков?

Судебная компьютерно-техническая экспертиза. Как показывает анализ изученных уголовных дел на экспертизу оборудования, используемого для изготовления подделок, в подавляющем большинстве случаев направляются комплекты компьютерной техники (системный блок, сканер и принтер). Эксперт в первую очередь устанавливает наличие и содержание файлов, а также восстанавливает удаленные или поврежденные файлы.

Перед экспертом следователь может ставить следующие вопросы:

– Позволяет ли техническая характеристика или состояние представленной компьютерной техники изготовить поддельные денежные знаки и ценные бумаги?

– Изготовлены ли поддельные денежные знаки или ценные бумаги путем использования комплекта компьютерной техники, представленной на экспертизу?

– Все ли исследуемые денежные знаки или ценные бумаги изготавливались на компьютерной технике, представленной экспертизе?

– Установлено ли на компьютере необходимое программное обеспечение, позволяющее получить изображение оригиналов денежных купюр или ценных бумаг в компьютерном виде?

– Содержится ли в памяти компьютера отсканированное изображение оригиналов денежных купюр или ценных бумаг?

– Однородны ли по компонентному составу красители, которыми выполнены изображения представленных на исследование купюр,

и красители представленного на исследование печатного устройства (принтера)?

Судебную компьютерно-техническую экспертизу рекомендуется назначать комплексно с судебно-технической экспертизой документов, так как проведение представителями различных областей знаний совместного исследования и оценка выявленных признаков позволяют конкретизировать ответы на поставленные вопросы в большей степени, чем самостоятельные исследования тех же признаков, произведенные каждым экспертом в отдельности [1, с. 35].

Трасологическая экспертиза. Объектами данной экспертизы по делам о фальшивомонетничестве могут быть: следы оборудования, инструментов и приспособлений (полиграфическое оборудование, клише, прессы, копировально-множительная техника, нумераторы, трафареты, литейные формы и т. д.), с использованием которых изготавливались поддельные денежные знаки или ценные бумаги; следы ног, транспортных средств, обнаруженных в местах изготовления, хранения или сбыта поддельных денежных знаков или ценных бумаг и т. д.

Криминалистическая экспертиза материалов, веществ и изделий (КЭМВИ). Объектами КЭМВИ по делам о фальшивомонетничестве могут быть: клише, матрицы, полимерные материалы, бумаги, красители, химикаты, микрообъекты, обнаруженные на месте изготовления и хранения поддельных денежных знаков и ценных бумаг.

Одной из важнейших задач КЭМВИ является исследование веществ (материалов), которые обладают такими свойствами, без предварительного знания которых обнаружить их почти невозможно. К таковым относятся составы бумаги, краски и иных веществ, используемых фальшивомонетчиками при изготовлении денежных банкнот и ценных бумаг.

При КЭМВИ в качестве источника информации для решения основных задач, поставленных перед экспертами, могут использоваться материалы, которыми были изготовлены поддельные денежные знаки и ценные бумаги, а также микрообъекты, обнаруженные на месте изготовления и хранения поддельных денежных знаков и ценных бумаг.

Криминалистическое исследование клише, матриц, изготовленных из металла и сплавов, относится к числу наиболее сложных, поскольку они изготавливаются по самым различным технологиям, с использованием разнообразного оборудования и инструментов. Поэтому установление способов обработки металла и идентификация использованных при этом оборудования, инструментов требуют со-

четания трасологиических и материаловедческих методов в рамках комплексного исследования [3, с. 191].

Перед экспертом рекомендуется ставить следующие вопросы.

– Каково промышленное название металла (сплава) клише, матрицы, в какой области чаще всего его применяют?

– Каким способом и по какой технологии получен данный металл (сплав)?

– Какие приспособления и инструменты, оборудование использовались для изготовления клише, матриц?

– В заводских или кустарных условиях создано клише, матрица?

– Какими профессиональными навыками владеет лицо, изготовившее клише, матрицу?

При назначении сравнительной химической экспертизы перед экспертом рекомендуется ставить следующие вопросы.

– Одинаков ли по химическому составу краситель, которым выполнены красочные изображения представленных денежных билетов?

– Одинаковы ли по составу образцы бумаги, на которой изготовлены представленные денежные билеты?

– Каким веществом, если такое имеется, покрыты представленные на экспертизу денежные билеты? Какова их природа?

– Одинаковы ли между собой денежные билеты по уголовному делу № 123 и денежные билеты по уголовному делу № 456 по химическому составу и образцам бумаги?

Важно иметь в виду, что КЭМВИ органически сочетается с другими экспертизами – дактилоскопическими, трасологиическими, биологическими и т. п., – чем обеспечиваются полнота и всесторонность исследования материальных носителей информации [3, с. 187].

Анализ уголовных дел и анкетирования сотрудников правоохранительных органов дает основание сделать вывод о том, что следователи не в полном объеме используют или совсем не используют те или иные следственные действия, что в дальнейшем отрицательно сказывается на производстве экспертиз и результатах расследования в целом. Многочисленные ошибки допускаются при подготовке проведения следственных действий (нередко вообще не проводится подготовительная часть), в ходе производства самого следственного действия, при фиксации результатов, что не позволяет в полном объеме оценить полученные данные, назначить необходимые экспертизы, определить их значение и место в системе доказательств при расследовании фальшивомонетничества.

В тоже время необходимо отметить что допускаются также ошибки в процессе производства экспертизы и подготовки заключения по ее результатам, в связи с этим невозможно не согласиться с мнением Е.Р. Россинской о необходимости достижения объективизации процесса доказывания путем предупреждения и своевременного распознавания экспертных ошибок, а в конечном счете – искоренения причин, их порождающих [6, с. 7].

Список использованной литературы

1. Атонесян Г.А., Георгиев Л.И. К вопросу о комплексных судебно-экспертных исследованиях // Вестн. Моск. ун-та. 1981. № 1. С. 32–38.
2. Криминалистика : учеб. пособие / под ред. А.В. Дулова. Минск : ИП «Экоперспектива», 1998. 415 с.
3. Криминалистика : учебник / под ред. Е.П. Ищенко. М. : ИНФРА-М., 2003. 748 с.
4. Пузанков Д.В. Техничко-криминалистическое обеспечение расследования и предупреждения фальшивомонетничества : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2000. 229 с.
5. Панов И.Е. Пути повышения качества и эффективности комплексных экспертиз // Тезисы докладов II Всесоюзного съезда судебных медиков. Минск, 1982. С. 24–26
6. Судебная экспертиза: типичные ошибки / под ред. Е.Р. Россинской. М. : Проспект, 2013. 544 с.

Информация об авторе

Асатрян Хачатур Ашотович – кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики, судебных экспертиз и юридической психологии, Байкальский государственный университет экономики и права, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11; e-mail: asatryanha@mail.ru.

Information about the author

Asatryan Hachatur Ashotovich – Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure, Forensic Science and Juridical Psychology, Baikal National University of Economics and Law, 11, Lenin str., Irkutsk, 664003; e-mail: asatryanha@mail.ru.

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА, СОВЕШАЮЩЕГО ПРЕСТУПНЫЕ НАРУШЕНИЯ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ В КИБЕРПРОСТРАНСТВЕ

В статье дается криминалистическая характеристика личности нарушителя неприкосновенности частной жизни, совершающего преступления в киберпространстве. В основу формирования такой характеристики положены три основные группы свойств личности преступника, позволяющих его идентифицировать: биологические, социальные и психологические. Проведенный анализ свойств личности делает возможным составление портрета типичного преступника, совершающего рассматриваемый вид преступных деяний.

Ключевые слова: неприкосновенность частной жизни, личная и семейная тайна, киберпреступность, личность преступника.

S.V. Barinov

CRIMINOLOGICAL CHARACTERISTICS OF OFFENDER AWESEOME CRIMINAL VIOLATIONS OF PRIVACY IN CYBERSPACE

The article gives a criminological characteristics of the personality of the violator of privacy, committing crimes in cyberspace. The basis for the formation of such characteristics, there are three main groups of properties of the individual offender, allowing him to identify: biological, social and psychological. The analysis of personality traits makes it possible to compose a portrait of the typical offender who commits the type of criminal acts.

Keywords: inviolability of private life, personal and family secrets, cybercrime, the identity of the offender.

Личность преступника является предметом изучения таких юридических наук антикриминального цикла, как уголовное право, криминология, уголовно-процессуальное право, исполнительное право, криминалистика и др. Каждая из них рассматривает личность прежде всего для достижения собственных целей: возможность привлечения винов-

ного к ответственности, квалификация преступных деяний, их предупреждение, процессуальное положение субъектов и т.д.

При рассмотрении личности преступника с позиций криминалистики, необходимо учитывать, что она определяется как «наука о закономерностях механизма преступления, возникновения информации о преступлении, его участниках, собирания, оценки и использования доказательств и основанных на познании этих закономерностей средствах и методах судебного исследования и предотвращения преступлений» [5, с. 59].

Подходы, применяемые в других науках, изучающих человека, представляют собой несомненную ценность, но могут быть применимы в криминалистике только в целях достижения непосредственно стоящих перед ней задач. Так, в криминалистике изучение личности преступника проводилось при рассмотрении вопросов установления лица, совершившего преступление, предъявления его к опознанию, экспертной идентификации, криминалистической регистрации, выявления информационных свойств, построения модели личности преступника и т.д.

Считается, что криминалистическое учение о личности должно представлять собой единую систему взаимосвязанных и взаимообусловленных компонентов - криминалистических знаний об отдельных свойствах и признаках личности и их использовании в расследовании преступлений [8, с. 197].

Р.Л. Ахмедшин определяет криминалистическую характеристику личности преступника как систему данных о лице, совершившем преступление, которые способствуют его поиску и изобличению [4, с. 117].

К группе преступных нарушений неприкосновенности частной жизни нами относятся запрещенные в ст.ст. 137, 138 и 139 УК под угрозой наказания общественно опасные виновно совершенные деяния, посягающие на гарантированные Конституцией Российской Федерации права на личную и семейную тайну, тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных или иных сообщений, а также на неприкосновенность жилища.

Единая криминалистическая классификация свойств личности преступника до настоящего времени не выработана, но большинство исследователей выделяют среди свойств личности преступника, позволяющих его идентифицировать три основные группы: биологические, социальные и психологические. Именно такая конструкция свойств личности положена нами в основу при формировании криминалистической характеристики личности преступников, совер-

шающих преступные нарушения неприкосновенности частной жизни в киберпространстве.

Приступая к анализу свойств личности преступников, необходимо отметить, что единого определения киберпространства в отечественной правовой науке не выработано. Поэтому большинством исследователей принимается во внимание трактовка понятия «киберпространство», данная Верховным судом США, который определил его, как «уникальную среду, не расположенную в географическом пространстве, но доступную каждому в любой точке мира посредством доступа в Интернет» [6, с. 3].

Согласно результатам исследования, которое проводилось нами путем обобщения судебно-следственной практики, преступниками, совершившими преступления против неприкосновенности частной жизни в киберпространстве чаще всего (в 78 % случаев) являются мужчины. Такие данные в целом подтверждают результаты других исследований. Например, Т.П. Кесарева установила, что в 98,2 % случаев лицами, совершающими преступления в сети Интернет являются мужчины [9, с. 103]. По данным Р.И. Дремлюги, мужчины составляют до 97,2 % выявленных в ходе расследования лиц, что говорит о большей склонности мужчин к совершению таких преступлений [7, с. 136–137].

По данным проведенного нами исследования, распределение нарушителей по возрасту выглядит следующим образом: до 25 лет – 33 %; от 25 до 35 лет – 46 %; старше 35 лет – 21 %. При этом самому младшему было 17 лет, самому старшему – 53 года.

Интересным наблюдением, отмеченным нами, является то, что наиболее многочисленную группу нарушителей неприкосновенности частной жизни представляют лица до 35 лет (79 %). Если сравнить эти данные с характеристиками жертв преступных посягательств, то можно отметить, что это в 62 % женщины, причем все в возрасте до 35 лет. Из приведенных данных становится очевидной корреляционная связь между возрастом преступников и их жертв, что объясняется, прежде всего, рядом психологических и биологических факторов. Именно в возрастной категории до 35 лет между полами происходит активный поиск партнеров, установление близких отношений. Такие процессы иногда сопряжены с неудачами, разочарованиями и переживаниями, которые служат основой для формирования преступного умысла.

В то же время, можно отметить, что возраст и пол не являются значительными препятствиями в освоении технологий, используемых

при совершении преступных деяний рассматриваемой группы. Например, следственными органами Следственного комитета по Республике Бурятия расследовалось уголовное дело, возбужденное в отношении 63-летней гражданки С., жительницы города Улан-Удэ [10].

В ходе проведенного исследования также установлено, что 91 % уголовных дел по фактам нарушения неприкосновенности частной жизни возбуждались в отношении жителей крупных и средних городов: Москва, Казань, Белгород, Набережные Челны, Елец, Оренбург, Новочебоксарск, Ивангород и т.д. Однако, по мере продолжения процессов компьютеризации населения и проникновении информационно-телекоммуникационных сетей вглубь территории страны, примеры совершения таких преступных нарушений, совершенные в сети Интернет, фиксируются в отдаленных от центра географически небольших населенных пунктах. Характерным примером может являться преступление, совершенное гражданином Н. в пос. Пионерский Елизовского района Камчатского края [3].

Установлено также, что преступники имеют среднее специальное, незаконченное высшее или высшее образование. Все они обладают навыками работы с персональным компьютером на уровне «пользователя» или «продвинутого пользователя» (могут «взломать» электронную почту), являются активными участниками социальных сетей, имеют в личном пользовании компьютерную технику, устройства для фото- и видеосъемки. Они ранее не судимые, не имеют устойчивых связей с криминалитетом, не ведут антисоциальный образ жизни. Совершаемые преступления чаще всего – первый криминальный опыт в жизни. Уровень благосостояния преступников можно считать как удовлетворительный. Род занятий: учащиеся, работающие, временно безработные.

По степени общественной опасности, криминогенной зараженности, ее выраженности и активности, преступников в рассматриваемой сфере можно отнести к ситуативным – лицам, общественная опасность личности которых выражена в поведении незначительно, но, тем не менее, имеется и проявляется в соответствующих ситуациях.

Потерпевшей от преступных посягательств на неприкосновенность частной жизни в сети Интернет, как уже было отмечено, в большинстве случаев признается женщина. Потенциальной жертвой в глазах преступника ее делает кажущаяся беззащитность, зависимость положения от общественного мнения и неспособность отстаивать

свои права. Преступник пренебрежительно относится к потерпевшей и отрицает ее право на личную жизнь.

Отношения между потерпевшей и преступником на ранней стадии – доверительные, включающие интимные связи. Иногда это – бывшие супруги или сожители, брак между которыми не был оформлен. Среди мотивов преступлений: возникшие неприязненные отношения, ревность, месть. Лишь незначительная часть преступлений совершается с корыстным умыслом.

Например, следственными органами Следственного комитета по Вологодской области проводилось расследование уголовного дела в отношении гражданина Г., который посредством видеочатов в сети Интернет устанавливал связь и общался в режиме реального времени с местными жительницами, зарегистрированными на эротических сайтах знакомств под вымышленными именами. Не уведомляя и не получая их согласия, он осуществлял фото и видеозапись девушек в обнаженном виде, после чего опубликовывал данные фото- и видеоматериалы в социальной сети «В контакте». Одновременно посредством социальной сети «В контакте» преступник, используя вымышленное имя, направлял девушкам сообщения с требованием ежемесячно перечислять средства в сумме 4 тыс. рублей с указанием реквизитов банковского счета, куда необходимо переводить деньги, и угрозой в случае невыполнения его требований распространением сведений о частной жизни потерпевших [2].

Непосредственными поводами к совершению преступлений являются: разрыв отношений, измена, развод. Именно поэтому в структуре личности преступника особое значение имеют эмоциональные признаки: уравновешенность или подвижность нервных процессов, динамичность чувств, степень эмоциональной возбудимости, характер реагирования на различные проявления внешней среды и т.д.

При проявлении негативных нравственно-психологических свойств личности, извращенном понимании потребностей, интересов, ценностных ориентаций, преступник путем совершения незаконных действий против неприкосновенности частной жизни лица пытается добиться восстановления прежних отношений с потерпевшей, осуществить шантаж, возбудить конфликт между сожителями, добиться всеобщего порицания действий потерпевшей, подорвать ее авторитет.

В некоторых случаях негативный настрой преступника настолько силен, что только на совершении действий, нарушающих непри-

косновенность частной жизни, он не останавливается и продолжает искать всевозможные способы сведения счетов с жертвой.

Так, следственными органами Главного следственного управления по городу Москве расследовалось уголовное дело в отношении гражданина М., который после того как потерпевшая отказалась продолжить отношения с ним, разместил в социальных сетях фотографии интимного характера, с изображением последней, угрожал ей физической расправой, используя электрошокер, а также похитил ее паспорт, угрожая оформить на него многочисленные кредиты [1].

Таким образом, типичным преступником, совершающим нарушения неприкосновенности частной жизни в киберпространстве, является мужчина в возрасте от 17 до 35 лет, житель города, имеющий среднее специальное, незаконченное высшее или высшее образование, ранее не судимый, владеющий навыками работы с персональным компьютером, активный пользователь сети Интернет, не женатый, психически неуравновешенный, испытывающий проблемы во взаимоотношениях с противоположным полом.

Список использованной литературы

1. Дело № 1-191/12 //Архив Бутырского районного суда г. Москвы за 2012 г.
2. Дело № 22-90/11 // Архив Вологодского областного суда за 2011 г.
3. Дело № 22-266/11 // Архив Камчатского краевого суда за 2011 г.
4. Ахмедшин Р.Л. Криминалистическая характеристика личности преступника : дис. ... д-ра юрид. наук. Томск, 2006. 413 с.
5. Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. М. : Юрид. лит., 1988. 304 с.
6. Дашян М.С. Право информационных магистралей. М. : Волтерс Кувер, 2007. 129 с.
7. Дремлюга Р.И. Интернет-преступность : монография. Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2008. 240 с.
8. Дяблова Ю.Л. Учение о личности в общей теории криминалистики // Уголовно-процессуальные и криминалистические чтения : материалы междунар. науч.-практ. интернет-конф., Иркутск, 16–30 апр. 2012 г. Иркутск, 2012. С. 190–197.
9. Кесарева Т.П. Криминологическая характеристика и предупреждение преступности в российском сегменте сети Интернет : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. 195 с.

10.Официальный сайт Следственного комитета при прокуратуре РФ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.sledcomproc.ru> (дата обращения: 10.10.2015).

Информация об авторе

Баринов Сергей Владимирович – кандидат юридических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, филиал военного учебно-научного центра Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина» (г. Сызрань), 446007, Самарская обл., г. Сызрань, ул. Маршала Жукова, 1; e-mail: metel2000@rambler.ru.

Information about the author

Barinov Sergey Vladimirovich – PhD (law), Docent, chair of humanitarian and socio-economic disciplines Branch of Air Force Educational and Science Center «N.E. Zhukovsky and Y.A. Gagarin Air Force Academy» (Syzran), Marshala Zhukova St. 1, Samara, 446007; e-mail: metel2000@rambler.ru.

УДК 343.9

О.Г. Дьяконова

К ВОПРОСУ О ПРИЗНАКАХ КОМПЛЕКСНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

В статье анализируются точки зрения ученых о признаках комплексной судебной экспертизы. Автор высказывает собственное мнение о признаках комплексной судебной экспертизы, предлагает определение термина комплексная экспертиза. Затрагивается вопрос о возможности производства комплексной экспертизы одним экспертом.

Ключевые слова: комплексная судебная экспертиза, признаки комплексной судебной экспертизы, эксперт.

THE QUESTION ABOUT SIGNS OF THE COMPLEX FORENSIC EXAMINATION

The article analyzes the points of view of scientists about signs of the complex forensic examination. The author expresses the own opinion about the complex forensic examination, offers a definition of the complex examination. It raises issues about the possibility of the process of the complex examination by one expert.

Keywords: the complex forensic examination, signs of the complex forensic examination, the expert.

Правовое регулирование комплексной экспертизы и сегодня продолжает вызывать вопросы. Высказанные многими авторами предложения, направленные на совершенствование регламентации комплексной экспертиз, не находят поддержки у законодателя, заставляя ученых вновь и вновь обращаться к этой важной теме. Кроме того, как верно отмечает М.С. Шуваева, отсутствуют данные государственной статической отчетности по назначению и производству комплексных экспертиз, что препятствует системному анализу использования комплексных знаний и разработке научно-обоснованных рекомендаций по совершенствованию судебно-экспертной деятельности [20, с. 4]. Зачастую лица, ведущие процесс назначают комплексные экспертизы необоснованно, не понимая сущности комплекса экспертиз и комплексной экспертизы, на что известные ученые неоднократно обращали внимание [7, с. 344; 1, с.127].

Анализируя мнения ученых о комплексной экспертизе, В.Е. Корноухов выделил три подхода к определению комплексной экспертизы. Во-первых, исследование объекта на основе привлечения различных знаний (В.И. Шиканов, И.Л. Петрухин, Г.М. Миньковский), во-вторых, представители этого подхода вводят те или иные ограничения относительно объема понятия, например, В.М. Галкин полагал, что комплексная экспертиза присутствует там, где возникает «необходимость исследования единого (единых) объекта (объектов); невозможность или затруднительность проведения раздельных, самостоятельных экспертиз ввиду нерасчлененности объекта (объектов) исследования, возможного его (их) повреждения в ходе исследований или утраты целостного представления об объекте (объектах)», к этой

же группе он относил Ю.К. Орлова. В-третьих, представители третьего подхода считают, что комплексная экспертиза – совокупность методов, взятых из пограничных (смежных) отраслей знания [8, с. 105]. Сам В.Е. Корноухов придерживался последнего, третьего, подхода, и утверждал, что специфика комплексной экспертизы в том, что а) методы ряда наук применяются в пределах одной методики; б) специалисты различных наук принимают участие в оценке результатов исследования, в формулировании общих выводов. Это и порождает методологические, процессуальные и частнометодические трудности [9, 8, с. 106].

Представляется, что мнения ученых о правовой природе комплексной экспертизы можно условно разделить на следующие группы. Авторы, относящиеся к первой группе (В.М. Галкин, Ю.К. Орлов, Е.А. Зайцева), полагают, что комплексная экспертиза – это понятие правовое, процессуальное, поскольку важным является закрепление в законе оснований, порядка проведения комплексной экспертизы, а также оформление и использование ее результатов – заключения эксперта [5, с. 11; 11, с. 281]. Ю.К. Орлов, по нашему мнению, является представителем другого подхода, при котором комплексная экспертиза является методическим, а не правовым понятием [11, с. 281]. Хотя в некоторых его работах можно встретить и выделение процессуального критерия, обуславливающего сущность комплексной экспертизы [12, с. 114].

Авторы другого подхода считают комплексную экспертизу понятием гносеологического характера [19, с. 6; 14, с.47]. Например, Р.С. Белкин писал: «В гносеологическом аспекте производство комплексной (в современном ее понимании) экспертизы одним экспертом возражений вызывать не может, поскольку процесс познания в принципе не связан с числом познающих субъектов; он детерминирован качеством субъекта познания и разрешающими возможностями средств познания. В процессуальном аспекте для подобного решения вопроса также не возникает никаких препятствий, поскольку любое заключение эксперта (экспертов) подлежит обязательной оценке следователем и судом и только они решают вопрос о его использовании по делу. Однако именно с точки зрения оценки заключения обычно и высказываются возражения против проведения комплексной экспертизы одним экспертом» [3, с. 338].

Разделяя данную позицию, Е.Р. Россинская подчеркивает, что «комплексная экспертиза должна рассматриваться с позиций диалектического единства процессуальной формы и методологического содер-

жания, т.е. не только в процессуальном, но и в гносеологическом и организационном аспектах. В противном случае она ничем существенным не отличается от комиссионной, и ее процессуальная регламентация ничего не дает следственной и судебной практике» [14, с. 47].

Многие ученые отмечают, что комплексная экспертиза призвана решить смежные (пограничные) задачи [7, с. 337] либо задачи, затрагивающие две или более области знаний [18, с. 72; 6, с. 10]. Большинство же авторов сходятся во мнении, что при проведении комплексной экспертизы решается ряд задач с применением различных областей знаний, а в завершение – общая задача, в решении которой участвуют эксперты с целью формулирования общего вывода. Рассмотрим признаки (критерии) комплексной экспертизы через понятие комплексности.

Большинство авторов (В.И. Шиканов [18, с. 12], А.Ф. Аубакиров [3, с. 337], В.Д. Арсеньев [2, с. 72], Т.В. Сахнова [16, с. 42], А.В. Кудрявцева [10, с. 128], Ю.К. Орлов [11, с. 280], Е.А. Зайцева [7, с. 337] и другие) в качестве признаков комплексной экспертизы определяют проведение исследования для решения смежных задач, интегрирование выводов и дача совместного заключения.

Немало авторов в качестве признака комплексной экспертизы выделяют возможность ее проведения одним экспертом, обладающим специальными знаниями в нескольких областях (А.Р. Шляхов [19, с. 6], Р.С. Белкин [4, с. 117], И.Л. Петрухин [13, с. 107], Е.Р. Россинская, Е.А. Зайцева). Существует точка зрения, поддерживаемая некоторыми авторами, о том, что комплексную экспертизу, по сути, представляет комплекс экспертиз, при котором каждый эксперт использует выводы предыдущего эксперта [21, с. 19].

Можно обозначить признаки комплексной экспертизы, позволяющие, на наш взгляд, отграничить комплексную экспертизу от других разновидностей, справедливо различаемых многими авторами – комплексное исследование, комплекс экспертиз.

Итак, во-первых, *исследование одного объекта или однородной группы объектов, разделять которые для производства экспертизы нецелесообразно*. В комплексной экспертизе исследование объекта или однородной группы объектов производится экспертом или экспертами, обладающими специальными знаниями в различных областях науки. Главное, чтобы исследование одного объекта было целесообразно с использованием специальных знаний «из различных видов или родов экспертиз» [15, с. 197].

Во-вторых, *разнородное, но при этом совместное исследование, производится для ответа на вопросы, поставленные в определении или постановлении о назначении судебной экспертизы*, и без проведения такого рода исследования нельзя получить ответы на указанные вопросы, т.е. проведение однородной экспертизы, а также комплекса экспертиз не позволит получить заключение своевременно и в полном объеме.

В-третьих, *при проведении комплексной экспертизы решается общая экспертная задача*, что подразумевает взаимосвязанные и цельное по характеру исследование.

В-четвертых, *исследование производится одновременно с применением всех интегрированных в данной экспертизе сферах наук*. Усилия экспертов, направленные на решение экспертной задачи комплексизируются, если это условие не соблюдается, то экспертиза не может называться комплексной, при наличии и других условий это можно отнести к комплексу экспертиз.

В-пятых, *формулирование общего вывода*. При единоличном проведении комплексной экспертизы этот признак также имеет существенное значение с учётом предыдущих. Эксперт, обладающий специальными знаниями в различных отраслях наук, в том числе пограничных (смежных), объединяет свои знания, направляя их на решение экспертной задачи. В этом случае, формулирование общего вывода не представляет особой сложности, также как и определение зоны ответственности эксперта – он несёт ответственность в полном объеме.

При комиссионном проведении комплексной экспертизы эксперт-организатор совместно с экспертами, обладающими специальными знаниями в различных видах экспертиз, которые использовались при проведении исследования, представляет вывод, который позволяет получить ответы на вопросы, поставленные лицом, назначившим экспертизу. То есть эксперты, обладающие знаниями в пограничных (смежных) областях наук совместно формулирует общий вывод. При комплексной экспертизе вывод формулируется таким образом, чтобы в него были включены: обобщение результатов всех проведенных исследований в рамках данной комплексной экспертизы и ответы на общие вопросы, ради которых, собственно, и назначалась комплексная экспертиза. В противном случае это – комплекс экспертиз, при котором последовательно результаты одной экспертизы используются при формулировании выводов другой экспертизы.

В-шестых, *разделение ответственности между экспертами при проведении комплексной экспертизы в комиссионном составе*, т.е. каждый эксперт подписывает ту часть исследования, которое он лично проводил, формулирует выводы по этой части и несёт за это ответственность, в последующем он может участвовать в формулировании общего вывода при определённых условиях.

По действующему законодательству комплексная экспертиза пока проводится только комиссией экспертов. Однако, как мы уже писали, указанное количественное основание не может выступать в качестве признака комплексной экспертизы, поскольку никаких препятствий, помимо отсутствия в законе указания на возможность проведения комплексной экспертизы единолично, нет.

Поддерживая возможность единоличного производства комплексной экспертизы, отметим, *если эксперт выполняет комплексную экспертизу единолично – этот признак трансформируется*, он как бы растворяется, благодаря тому, что сознание эксперта заставляет его задействовать одновременно специальные знания из различных родов или видов экспертиз, которые данный эксперт имеет право проводить. Если же экспертиза проводится коллегиально – комиссией экспертов – то важным становится именно признак их взаимодействия, выражающийся в организованной работе экспертов в пределах своей компетенции во главе с экспертом-организатором, который организует и контролирует этапы работы комиссии экспертов (контроль осуществляется с целью соблюдения сроков и объемов выполнения работы или констатации факта невозможности выполнения работы в полном объеме, исходя из объективных причин, например, в связи с испорченностью объекта).

В-седьмых, *наличие эксперта-организатора при равном статусе экспертов при производстве экспертизы*. Мы намеренно не хотим использовать наименование «ведущий эксперт», поскольку это наименование используется для должностей, накладывая определенный отпечаток. Представляется, что эксперт-организатор – в определенном смысле процессуальная фигура, на которую возлагается функция взаимодействия с руководителем экспертного учреждения, а при его отсутствии – с лицом, назначившим экспертизу. Руководитель судебно-экспертного учреждения должен иметь право самостоятельно определять эксперта-организатора в случае коллегиального производства комплексной экспертизы или комиссионного исследования. Кроме того, во избежание ошибок правоприменителя, полагаем, что

именно руководителю экспертного учреждения можно предоставить возможность в случае необходимости определять комплексный характер экспертизы.

Учитывая признаки, полагаем, что комплексная экспертиза представляет собой разнородное одновременное исследование одного или нескольких объектов в целях решения общей экспертной задачи с использованием специальных знаний из различных родов или видов судебных экспертиз одним или несколькими экспертами в пределах своей компетенции с формулированием общего вывода по вопросам, содержащимся в постановлении или определении органа/лица, назначившего экспертизу.

Для совершенствования практики производства комплексной судебной экспертизы и использования ее результатов в доказывании, следует работать именно в направлении унификации теоретических, нормативных правовых и организационных положений, регламентирующих комплексную экспертизу.

Список использованной литературы

1. Андреева Т.А. Типичные ошибки следователей при назначении комплексных судебных экспертиз с участием психолога // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения : сб. науч. тр. Иркутск, 2008. Вып. 1. С. 124–128.

2. Арсеньев В.Д. Процессуальные проблемы комплексной судебной экспертизы // Теоретические вопросы судебной экспертизы. М., 1981. Вып. 48. С. 36–41.

3. Аубакиров А.Ф. Процессуальные основы комплексной экспертизы // Теория и практика использования специальных знаний в раскрытии и расследовании преступлений (к 90-летию со дня рождения проф. И.М. Лузгина и к 80-летию со дня рождения проф. Е.И. Зуева) : сб. матер. 50-х Криминалистических чтений : в 2 ч. М., 2009. Ч. 1. С. 334–342.

4. Белкин Р.С. Курс криминалистики. М. : Юристъ, 1997. Т. 1. 464 с.

5. Галкин В.М. Соотношение заключения эксперта с другими средствами доказывания в уголовном процессе. М. : ВНИИ судеб. экспертиз, 1971. 48 с.

6. Евстратова Ю.А. Системный анализ специальных знаний, используемых в расследовании и раскрытии криминальных банкротств : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2008. 22 с.
7. Зайцева Е.А. Концепция развития института судебной экспертизы в условиях состязательного уголовного судопроизводства: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2008. 535 с.
8. Корноухов В.Е. О методологии комплексных исследований в судебной практике // Правоведение. 1981. № 5. С. 102–106.
9. Корноухов В.Е. Теория и практика комплексных криминалистических исследований свойств человека на основе использования специальных знаний : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1986. 45 с.
10. Кудрявцева А.В. Судебная экспертиза как институт уголовно-процессуального права : дис. ... д-ра юрид. наук. СПб. Челябинск, 2001. 497 с.
11. Орлов Ю.К. Комплексная экспертиза, комплексное исследование и комплекс экспертиз: соотношение понятий // Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях (г. Москва, 24–25 июня 2009 г.) : материалы 2-й междунар. науч.-практ. конф. М., 2009. С. 280–281.
12. Орлов Ю. К. Судебная экспертиза как средство доказывания в уголовном судопроизводстве. М. : ИПК РФЦСЭ, 2005. 264 с.
13. Петрухин И.Л. Комплексная экспертиза в советском уголовном процессе // Правоведение. 1962. № 1. С. 104–107.
14. Россинская Е.Р. Законодательство о судебной экспертизе и пути его совершенствования // Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях (г. Москва, 25–26 января 2011 г.) : материалы 3-й междунар. науч.-практ. конф. М., 2011. С. 43–50.
15. Россинская Е.Р. Судебные комплексные экспертизы и комплексы экспертиз: процессуальные и гносеологические проблемы // IV Международная научно-практическая конференция «Кутафинские чтения» : материалы междунар. науч.-практ. конф. Сб. тез. М., 2012. С. 193–197.
16. Сахнова Т.В. Экспертиза в гражданском процессе: теоретическое исследование : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1998. 58 с.
17. Шиканов В.И. Комплексная экспертиза и ее применение при расследовании убийств. Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1976. 230 с.
18. Шиканов В.И. Комплексная экспертиза в советском уголовном процессе. Некоторые вопросы теории и практики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1968. 20 с.

19. Шляхов А.Р. Теория и практика комплексных исследований в судебно-экспертных учреждениях системы МЮ СССР // Проблемы организации и проведения комплексных экспертных исследований : сб. науч. тр. М., 1985. С. 3–20.

20. Шуваева М.С. Правовые и организационные основы назначения и производства комплексной экспертизы : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 21 с.

21. Эджубов Л.Г., Карпухина Е.С. О новой концепции комплексной экспертизы // Теория и практика судебной экспертизы. 2012. № 4 (28). С. 16–24.

Информация об авторе

Дьяконова Оксана Геннадьевна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин, Тульский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции» (РПА Минюста России), 300026, г. Тула, пр. Ленина, д.104; e-mail: oxana_diakonova@mail.ru.

Information about the author

Diakonova Oksana Gennadevna – the candidate of jurisprudence, docent, the senior lecturer of chair of civil-legal disciplines. Tula branch of the Russian State University of Justice, 300026, Tula, Lenin Avenue, 104.oxana_diakonova@mail.ru.

УДК 343.985

И.М. Егеров

УЧЕТ ПСИХИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ, ЗАДЕЙСТВОВАННЫХ В МЕХАНИЗМЕ ФОРМИРОВАНИЯ ПОКАЗАНИЙ, ПРИ ДОПРОСЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ОБВИНЯЕМЫХ

Описываются тактические особенности производства допроса несовершеннолетних обвиняемых. При этом акцент сделан на учет психологических закономерностей протекания психических познавательных процессов, в результате которых формируются показания. В

ходе производства допроса несовершеннолетнего обвиняемого носителем доказательственной информации выступает человек. Соответственно, в процессе передачи информации необходимо учитывать определенные психологические механизмы. Автор приходит к выводу о том, что эффективность указанного следственного действия может быть повышена в случае учета соответствующих обстоятельств, характеризующих специфику протекания описываемых познавательных процессов у несовершеннолетних лиц. Рассматриваются такие познавательные процессы, как восприятие, запоминание, сохранение и воспроизведение. Особенности психических процессов несовершеннолетних обвиняемых влияют на подготовку к следственному действию и организацию его содержательной части. Их учет позволяет определить наиболее значимые моменты, на которые необходимо обратить внимание и от которых может зависеть результат допроса. Кроме того, данная информация позволяет определить объективность показаний лица о ранее воспринятых обстоятельствах.

Ключевые слова: расследование преступлений несовершеннолетних, следственные действия, допрос, несовершеннолетний обвиняемый.

I.M. Egerev

ACCOUNTING FOR THE MENTAL PROCESSES INVOLVED IN THE MECHANISM OF FORMATION OF THE TESTIMONY, DURING THE QUESTIONING OF JUVENILE ACCUSED

Describe the tactical features of production of the interrogation of a minor accused. The emphasis is made on the basis of psychological regularities of the mental and cognitive processes, which formed the indications. In the proceedings of the interrogation of a juvenile accused by the media of evidence of the acts of man. Accordingly, in the process of information transmission must take into account certain psychological mechanisms. The author comes to the conclusion that the efficiency of this investigative action may be enhanced if it took into account the relevant circumstances characterizing the specific occurrence described cognitive processes in minors. focuses on such cognitive processes as perception, remembering, save and playback. The peculiarities of the mental processes of juvenile defendants influence the preparation of the investigation and its content. The accounting allows to identify the most important points that you need to pay attention and which may affect the result of the interroga-

tion. In addition, this information allows to determine the objectivity of the testimony of a person previously perceived circumstances.

Keywords: investigation of minor crimes, investigations, interrogation, the accused juvenile.

Расследование уголовных дел в отношении несовершеннолетних и их последующее судебное рассмотрение обладают спецификой по причине необходимости особой правовой защиты несовершеннолетних, обусловленной психологическими и физиологическими характеристиками лиц, не достигших совершеннолетия. Необходимость соблюдения прав несовершеннолетних в уголовном судопроизводстве констатируется в ряде международных актов, прежде всего, в Конвенции о защите прав человека и основных свобод (1950 г.), Конвенции о правах ребенка (1989 г.), Минимальных стандартных правилах Организации Объединенных Наций, касающихся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинских правил, 1985 г.). При этом, в условиях подобного соблюдения прав несовершеннолетних лиц, совершивших противоправные деяния, необходимо обеспечить эффективное осуществление уголовного преследования.

Допрос несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого обладает определенной спецификой в силу особенностей их психики. Недаром закон предусматривает обязательное участие в данном следственном действии защитника и законного представителя (ст. 425, 426 УПК РФ). Кроме того, согласно требованиям ч. 3 ст. 425 УПК РФ, в допросе несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, не достигшего возраста шестнадцати лет либо достигшего этого возраста, но страдающего психическим расстройством или отстающего в психическом развитии, участие педагога или психолога обязательно. Сложно не согласиться с А.А. Усачевым, который отмечает, что психическое состояние и поведение несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства существенно отличается от повседневного. Соответственно, именно они нуждаются в усиленной правовой защите [18, с. 179–180].

В ходе производства допроса несовершеннолетнего обвиняемого носителем доказательственной информации выступает человек. Таким образом, в процессе передачи информации необходимо учитывать определенные психологические механизмы. Только знание таких закономерностей позволяет осуществить эффективное проведение следственного действия посредством получения полных, объектив-

ных данных. Помимо этого, учет психологического механизма позволяет соответствующим образом оценить полученный результат следственного действия.

При допросе несовершеннолетнего обвиняемого формирование личностной информации (психических отражений, следов памяти) складывается из:

- восприятия человеком объекта;
- отражения в памяти человека признаков воспринимаемого объекта (формирования его мысленного образа);
- преднамеренного либо непроизвольного запоминания мысленного образа объекта (удержания его в памяти) [6, с. 90].

Восприятие иначе именуется перцепцией, или перцептивным процессом. Оно является психическим процессом, который представляет собой осмысленный (принятие решения) и означенный (связанный с речью) синтез разнообразных ощущений, получаемых от целостных предметов или сложных, воспринимаемых как целое, явлений. Результатом синтеза является формирование образа объекта, предмета или явления, который складывается в ходе их активного отражения [10, с. 182].

Современные исследования в области психологии показывают, что восприятие является активным процессом. Бесспорно, что перцептивный образ выступает как субъективное отражение предметов и явлений объективной действительности в сознании. Вместе с тем неверно рассматривать его как зеркальное отпечатывание объектов, воздействующих на органы чувств, как их простое подобие фотографии. В процессе восприятия происходит разделение информации, поступающей на сенсорный вход, ее более или менее сложные преобразования, сравнение с эталонами, хранящимися в памяти. «В развернутой форме перцептивный процесс включает оценку сенсорной информации, коррекцию сенсорных сигналов, выдвижение и проверку гипотез, принятие решения» [8, с. 102]. Таким образом, он выступает как процесс регулируемый.

В восприятии выделяют четыре операции. К ним относят обнаружение, различение, идентификацию и опознание [16, с. 139]. Первые две операции относят к перцептивным действиям, остальные – к опознавательным. Обнаружение является начальным этапом любого сенсорного процесса и связано с ощущениями, с которых начинается формирование образа. Ощущениями являются отражения отдельных свойств объектов при непосредственном воздействии на органы

чувств. При этом выявляется только наличие стимула. Следующая операция – различение. Оно и будет восприятием как таковым. Его результатом будет формирование перцептивного образа.

После формирования перцептивного образа становится возможным осуществление опознавательного действия. Опознание образа – завершающий этап восприятия, при котором образ относится к уже известному конкретному человеку кругу явлений или предметов. Критериями опознания являются способность вербализовать сформированный образ (дать словесное описание) и адекватное реагирование на него в поведенческих актах [13, с. 51]. Если же происходит отождествление с образом, хранящимся в памяти и воспринимавшимся ранее, происходит идентификация, или узнавание объекта.

Восприятие обладает особенностями, определяющими его правильность и полноту. Образ, складывающийся в процессе восприятия, является следствием работы, как правило, нескольких анализаторов, но действие какого-либо из них является преобладающим. В зависимости от этого можно выделить следующие виды восприятия: зрительное, слуховое, обонятельное и осязательное.

Восприятие обладает признаками, или свойствами, выражающими его особенности. К их числу относят предметность, целостность, константность, категориальность [10, с. 182] и избирательность [16, с. 141]. Предметность проявляется в том, что окружающий мир воспринимается не в виде несвязанной простой суммой ощущений, а в форме отдельных, обособленных объектов, являющихся обобщением определенных ощущений. Это свойство также называют структурностью. Целостность означает свойство восприятия выстраивать образ на основе получаемого набора элементов. Константность предопределяет относительное постоянство восприятия объектов по параметрам (форма, размер, цвет и иные) независимо от меняющихся физических условий. Такое свойство, как категориальность, также именуют осмысленностью. Оно заключается в том, что восприятие всегда связано с мышлением. Это находит отражение в понимании сущности предметов, которые обозначаются каким-либо понятием и относятся к определенному классу или группе. Избирательность означает преимущественное выделение одних объектов по сравнению с другими.

Закономерности формирования мысленного образа такого объекта восприятия, как человек, обладают своей спецификой. Такие особенности обусловлены рядом факторов, которые в научной лите-

ратуре многие ученые разделяются на объективные и субъективные [3, с. 16; 14, с. 316]. Действие данных факторов является проявлением свойств восприятия применительно к конкретным условиям. Объективными факторами восприятия являются независящие от воспринимающего человека. Ими будут являться условия восприятия и характеристика воспринимаемого объекта. Под субъективными факторами, влияющими на формирование мысленного образа, понимаются психологические особенности, характеризующие конкретного человека как личность. К ним относят индивидуальные особенности психических процессов, тип темперамента, физическое и эмоциональное состояние, пол, возраст воспринимающего, предшествующий опыт лица, психологическую установку, уровень мотивации, направленность внимания.

По нашему мнению, деление факторов, оказывающих воздействие на восприятие человека, на субъективные и объективные, не в полной мере отражает его специфику. Кроме того, отнесение некоторых конкретных факторов к той или иной группе представляется спорным, так как критерий деления обладает некоторой условностью. В частности, понимая под объективными факторами условия, не зависящие от субъекта восприятия, необходимо помнить, что факторы могут быть присущи субъекту, но не зависеть от него.

Анализ научных источников, посвященных восприятию, позволяет сделать вывод, что его можно рассматривать с точки зрения трех аспектов. Первый – это общие психологические закономерности. Второй – влияние особенностей субъекта восприятия, оказывающих влияние на общие закономерности. Третий аспект рассматривает влияние, являющееся следствием воздействия общества на человека.

Под общими психологическими закономерностями следует понимать те, которые характерны для процесса восприятия в целом. Они присущи человеку независимо от его индивидуальных особенностей. К ним можно отнести условия восприятия и основные закономерности восприятия. К условиям восприятия относятся продолжительность и частота восприятия, расстояние до объекта, метеорологические и погодные условия, освещенность объектов, воздействие иных раздражителей.

С увеличением расстояния до объекта восприятие этого объекта ухудшается, следовательно, возникает трудность выделения его признаков. По данным исследований А.А. Бодалева, люди с нормальным зрением в условиях хорошей видимости выделяют человека из окружения (фона) на расстоянии 2 км; с 1 км. – виден общий контур чело-

века; с 700 м. – воспринимается движение рук и ног, с 400 м. – воспринимается головной убор; с 300 м. – голова, плечи, овал лица, цвет одежды, с 200 м. – лицо, кисти рук; с 60 м. – глаза, нос, пальцы; с 20 м. – всего человека [2, с. 33].

К группе общих закономерностей восприятия человека можно отнести психологические особенности личности, оказывающие влияние на формирование образа человека. Основой целостности и структурности восприятия является отражение формы объекта, которое выделяет его из окружения и выражает единство строения объекта как целого. В связи с вышесказанным, важнейшими опознавательными признаками человека являются общий силуэт тела и очертания лица [12, с. 46]. Именно эти признаки впоследствии позволяют идентифицировать ранее воспринятого человека визуальным способом.

Определенные коррективы в процесс формирования образа вносит психофизиологическое состояние лица в момент восприятия, которое может сопровождаться психической напряженностью, аффектом. Это обусловлено самим преступным характером обстановки. В таком случае возможно искажение информации относительно наблюдаемого лица. Испуг и страх, которые характерны и для лица, совершающего преступление, могут стать причиной фрагментарности образа, выделения только некоторых признаков. В ряде случаев под действием рассматриваемых факторов может произойти гиперболизация, преувеличение некоторых характеристик и даже приписывание несуществующих в действительности.

При резком физическом или эмоциональном переутомлении возможно нарушение восприятия. В этом случае происходит повышение восприимчивости к обычным внешним раздражителям. Обычный дневной свет неожиданно для самого человека может его ослепить, окраска окружающих предметов кажется необычно яркой и насыщенной. При таком состоянии возможно появление ложного восприятия, иначе называемого галлюцинациями. Суть их состоит в том, что восприятие возникает без реального раздражителя, существующего объекта.

При нарушении восприятия, помимо галлюцинаций, возможно возникновение иллюзий, которые представляют собой ошибочное восприятие реальных объектов. Чаще всего можно встретить такой их вид как аффективные иллюзии. Их проявление возможно даже у психически здоровых людей. Они обусловлены состоянием страха и подавленным тревожным настроением.

Определенную трудность представляет определение возраста наблюдаемого человека. Это связано с тем, что возрастные признаки менее определены, чем иные черты внешности. В результате экспериментального исследования было установлено, что точность оценки тем выше, чем моложе воспринимаемый человек [14, с. 318]. На определение возраста влияет и возраст воспринимающего. Для ребенка это задача будет очень сложной. Молодые люди, нередко, людей, которые старше их (на 20–25 лет), называют старыми. Пожилые люди порой преуменьшают возраст людей, которые их моложе, называя лиц 30-40 лет «молодыми людьми».

Значительное влияние на восприятие оказывает предшествующий личностный опыт человека. Это проявляется в том, что одну и ту же информацию различные люди воспринимают по-разному, в зависимости от собственных интересов, потребностей, способностей, навыков и умений. Указанный эффект в психологии называется апперцепцией. Это психологическое свойство носит накопительный характер. «Ранее сформированный опыт, тот, что уже закрепился на бессознательном уровне, влияет на присвоение нового опыта» [17, с. 82]. При этом необходимо учитывать, что в силу возрастных особенностей несовершеннолетние обвиняемые будут обладать незначительным жизненным опытом, что, несомненно, может сказаться на объективности и полноте сообщаемой им информации.

Второй аспект восприятия выражается во влиянии особенностей субъекта восприятия. В данной группе находятся закономерности, находящиеся в зависимости от пола и возраста воспринимающего субъекта. «У подростков меньший объем восприятия и долговременной памяти, они менее точно отражают пространственные качества объектов, — их величину, удаленность, конфигурацию, цветовые оттенки, чаще, чем взрослые, допускают ошибки в определении продолжительности временных периодов, иногда искажают последовательность событий» [5, с. 193]. Эту группу закономерностей можно обозначить как личностно обусловленные.

В восприятии человека человеком у разных возрастных групп имеются существенные различия. Для детей характерно отсутствие углубленного, организованного и целенаправленного анализа при восприятии. Однако ими хорошо воспринимаются те объекты, которые вызывают у них непосредственную эмоциональную реакцию. «Несовершеннолетние и особенно малолетние вследствие недостаточного жизненного опыта многие признаки взрослого человека оце-

нивают неверно» [19, с. 37]. Влияние возраста на увеличение объема воспринятого сказывается до периода ранней зрелости. Затем восприятие отличается стабильностью до периода позднего возраста.

Третий аспект рассматривает влияние на восприятие человека общества в целом. К нему можно отнести специфику восприятия под воздействием установок и профессиональных особенностей. Закономерности, являющиеся следствием указанных обстоятельств, можно обозначить как социально обусловленные.

Такой фактор, как воздействие на восприятие психологической установки лица подлежит обязательному учету. Признанный специалист в области исследования установки Д.Н. Узнадзе определил психологическую установку как готовность, предрасположенность к восприятию будущих событий и к действиям в определенном направлении, обеспечивающую целенаправленный характер соответствующей деятельности, избирательную активность человека [1, с. 70].

Учитывая тот факт, что несовершеннолетние лица не успевают приобрести какие-либо профессиональные навыки в силу отсутствия подобного опыта или его незначительности, на них этот фактор, как правило, не оказывает сильного воздействия.

Результатом восприятия является формирование образа явления или объекта. Образ, сформированный в результате восприятия, является сенсорным (от латинского «сенсус» – чувственное восприятие). Данный термин был введен для того, чтобы разграничить чувственные психические образы от иных, к которым можно отнести умственные (к примеру, теоретические) и художественные.

Неотъемлемой частью процесса получения показаний при допросе является память. Ее определяют как процесс сохранения прошлого опыта, делающий возможным его повторное использование в деятельности и возвращение в сферу сознания [11, с. 401]. Этот процесс в психологии также именуют, мнемическим (от греч. «мнема» – память). Память является связующим звеном между прошлым, настоящим и будущим человека, являясь важнейшей познавательной функцией.

Память состоит из ряда процессов, к которым обычно относят запоминание, сохранение и воспроизведение. Запоминание представляет собой процесс, направленный на сохранение полученной информации. Основным свойством запоминания является скорость, обозначаемая его быстротой. При сохранении происходит активная переработка, систематизация, обобщение материала. Оно характеризуется прочностью закрепления материала. Заключительным процес-

сом будет воспроизведение, которое заключается в том, что происходит восстановление ранее воспринятого.

В зависимости от типа запоминаемой информации выделяют следующие виды памяти: двигательную, образную, эмоциональную и вербальную. Двигательная память является генетически первичной. Она проявляется в способности запоминания и воспроизведения двигательных операций. Результаты восприятия закрепляются с помощью образной памяти. Она, в свою очередь, делится на подвиды. От того, какой анализатор преобладает в процессах запоминания, сохранения и воспроизведения материала выделяют зрительную, двигательную, слуховую, обонятельную и осязательную память. Эмоциональная память заключается в сохранении пережитых чувств и эмоциональных состояний. Высшим видом памяти является вербальная. Она присуща только человеку. На ее основе создается информационная база человеческого интеллекта. Ее также называют словесно-логической или семантической.

Преимущественное развитие какого-либо из видов памяти связано так же, как и восприятие, с особенностями личности, условиями жизни, деятельностью людей. У каждого человека все же ведущее положение занимает словесно-логическая память, несмотря на преобладание какой-либо разновидности образной памяти. Это является причиной соотношения первой и второй сигнальных систем. И.П. Павлов писал, что вторая сигнальная система у человека является главной, так как она подчиняет себе деятельность первой сигнальной системы [4, с. 75]. Индивидуальные различия памяти могут проявляться в том, что одни люди хорошо запоминают даты, цифры (например, бухгалтеры, счетоводы), другие – имена людей (работники общественных организаций, отделов кадров), третьи – цвет красок (художники, красильщики, маляры).

То, что человек может выразить словами запоминается легче, лучше и быстрее, чем то, что воспринимается только органами чувств. Если при этом слова выступают не только вербальной заменой воспринятого, а являются его осмыслением, то такое запоминание является более эффективным. Под осмыслением в данном случае понимается придание слову не просто функции обозначения явления или объекта, а уяснение их сущности.

Для правильной оценки показаний очевидца следовательно необходимо знать закономерности процесса развития памяти человека. Ее развитие и совершенствование происходит в течение всей жизни. На

это оказывают влияние многие факторы, к которым можно отнести развитие нервной системы человека, условия воспитания и обучения, выполняемая деятельность. У детей в возрасте до 4–6 лет память преимущественно произвольная и образная. Поэтому они лучше запоминают и дольше сохраняют все необычное для них, новое, производящее на них сильное впечатление, а также окружающие предметы и привычные действия, часто повторяющиеся при них.

В младшем школьном возрасте дети могут уже произвольно запоминать. Интенсивное развитие памяти происходит у подростков среднего школьного возраста и достигает своего развития у учащихся старших классов, которым уже присущи черты памяти взрослого человека. У них значительно возрастает прочность сохранения и точность воспроизведения материала, что необходимо учитывать при допросе несовершеннолетних обвиняемых.

Известны случаи, когда человек абсолютно уверенно «вспоминает» факт, которого не было в действительности. Это явление называется обманом памяти или «феноменом пережитого». Подобное нарушение, как правило, является отклонением от нормы, относится к патологии, но нередко наблюдается и у психически здоровых людей. Человеку кажется, что все воспринимаемое сейчас он когда-то уже видел, слышал, и это может привести к заблуждению, к путанице в определении времени, места, факторов, явлений. Подобные нарушения памяти возможны, например, у утомленного допрашиваемого.

Результатом процессов памяти будут мысленно воспроизводимые образы предметов или процессов реальности, которые ранее были восприняты. Такие образы называются представлениями. Данный процесс памяти называют воспроизведением. Представления в памяти проявляются в качестве воспроизведения с определенной точностью объектов или явлений, когда-то воздействовавших на органы чувств. С позиции нейрофизиологического механизма память позволяет центральной нервной системе воспроизводить следы действовавших на нее возбуждений [7, с. 31].

Воспроизведение делят на два основных вида: собственно воспроизведение и узнавание [15, с. 116]. Собственно воспроизведение предполагает восстановление прошлого опыта лица, в результате которого происходит построение соответствующих ему представлений. При воспроизведении как таковом требуются волевые усилия и длительное напряжение умственной деятельности. Такой процесс, про-

ходящий преднамеренно, когда ставится задача воссоздать образ в памяти, сформировать представление, называют припоминанием.

Собственно воспроизведение бывает произвольным и произвольным. В первом случае оно происходит без волевых усилий и постановки задач на его реализацию. Во втором – лицо ставит задачу вспомнить какие-либо факты, события, объекты. Это может вызвать определенные трудности и требует приложение усилий. При воспроизведении образа, формировании представления эта задача усложняется. Порой, даже при усиленной попытке, это сразу не удастся. В такой ситуации возможно проявление одной из особенностей памяти, именуемой реминисценцией. Ее сущность заключается в том, что по прошествии некоторого времени с момента попытки припоминания происходит произвольное воспроизведение. После спада эмоционального напряжения заторможенные следы восстанавливаются в сознании. Возобновление образов является произвольным, без решения задач припоминания.

Для целей использования ранее воспринятой лицом информации, значение имеет такой процесс, как забывание. Под ним обычно понимается уменьшение возможности воспроизведения информации, которая была запомнена. Забывание является следствием многих факторов. Самым значительным из них является время. Подобно восприятию, забывание зависит от характера деятельности лица.

Достаточно важным является такой фактор, как активность использования хранящейся в памяти информации. Это проявляется в том, что периодически оживляемые в сознании образы сохраняются в памяти более длительное время. Порой забывание обусловлено защитными механизмами психики. Под их воздействием травмирующие воспоминания вытесняются. Это особенно актуально, учитывая тот факт, что события, связанные с преступлением, носят негативный эмоциональный оттенок. Порой в следственной практике возникают случаи, когда с момента восприятия до момента допроса обвиняемого проходит большой промежуток времени. В данном случае возможно использование приемов мнемической помощи.

Если несовершеннолетний обвиняемый выразил согласие давать правдивые показания, он восстанавливает в памяти сохраненную информацию, мысленно ее обрабатывает с целью ее последующего изложения изложению. При этом следует учитывать, что «даже при даче правдивых показаний, несовершеннолетний обвиняемый стремиться уменьшить свою роль в совершенном преступлении, упускает

какие-то незначительные, на его взгляд, обстоятельства по делу, то есть, как бы фильтрует имеющуюся у него информацию и формирует будущие показания. Если несовершеннолетний обвиняемый принимает решение о даче частично или полностью ложных показаний, он создает ложную информацию» [9, с. 49].

Рассмотренные закономерности протекания психических познавательных процессах должны быть учтены лицом, проводящим допрос несовершеннолетнего обвиняемого. Но следует упомянуть, что они должны быть использованы в криминалистическом аспекте. Особенности психологических процессов влияют на подготовку к следственному действию и организацию его содержательной части. Это проявляется в том, что они позволяют определить наиболее значимые моменты, на которые необходимо обратить внимание и от которых может зависеть результат допроса.

Помимо организационного аспекта, психологические знания о познавательных процессах позволяют определить объективность показаний лица о ранее воспринятых обстоятельствах. Таким образом, эта информация позволяет дать оценку полученных при производстве допроса несовершеннолетнего обвиняемого результатов.

Список использованной литературы

1. Батаршев А.В. Психология личности и общения. М. : Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2003. 248 с.
2. Бодалев А.А. Восприятие и понимание человека человеком. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1982. 200 с.
3. Бурданова В.С., Быховский И.Е. Предъявление для опознания на предварительном следствии. М. : ВИИПРМПП, 1975. 80 с.
4. Васильев В.Л. Юридическая психология. СПб. : Питер, 2000. 624 с.
5. Еникеев М.И. Психология следственных действий. М. : ТК Велби : Проспект, 2007. 424 с.
6. Еникеев М.И., Образцов В.А., Эминов В.Е. Следственные действия: психология, тактика, технология. М. : ТК Велби : Проспект, 2007. 216 с.
7. Крицкий А.П. Анатомия и физиология центральной нервной системы и высшей нервной деятельности человека. Иркутск : Изд-во ИГПУ, 2004. 40 с.

8. Ломов Б.Ф. Проблемы и стратегия психологического исследования. М. : Наука, 1999. 204 с.
9. Макаренко И.А. Система тактических приемов допроса несовершеннолетнего обвиняемого с учетом следственных ситуаций и психологических свойств допрашиваемого : дис. ... канд. юрид. наук. Уфа, 1998. 250 с.
10. Немов Р.С. Общие основы психологии: Психология: в 3 кн. 4-е изд. Кн. 1. М. : Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2002. 688 с.
11. Петровский А.В., Ярошевский М.Г. Психология. 2-е изд., стереотип. М. : Изд. центр «Академия», 2001. 512 с.
12. Познание человека человеком (возрастной, гендерный, этнический и профессиональный аспекты) / под ред. А.А. Бодалева, Н.В. Васиной. СПб. : Речь, 2005. 324 с.
13. Психология / под ред. А.А. Крылова. М. : ПБОЮЛ Гриженко Е.М., 2000. 584 с.
14. Ратинов А.Р. Судебная психология для следователей. М. : Юрлитинформ, 2001. 352 с.
15. Романов В.В. Юридическая психология. М. : Юрист, 1999. 488 с.
16. Столяренко Л.Д. Основы психологии. 12-е изд. Ростов нД : Феникс, 2005. 672 с.
17. Турчина Я.Д. Феномен переноса и его значение в работе следователя // Сибирские криминалистические чтения : сб. науч. тр. Иркутск, 2005. Вып. 20. С. 81–85.
18. Усачев А.А. Участие психолога в производстве следственных действий // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения : сб. науч. тр. Иркутск, 2014. Вып. 2 (6). С. 179–184.
19. Шепелева И.П. Психология следственных действий. М. : МЮИ МВД России, 1998. 45 с.

Информация об авторе

Егеров Иван Михайлович – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики, Иркутский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), 664011, г. Иркутск, ул. Некрасова, 4; e-mail: egerevim@mail.ru.

Information about the author

Egerev Ivan Mikhailovich – candidate of Law, associate professor of the department of criminal procedure and criminalistics of the Irkutsk institute (branch) Russian state university of justice (RPA of the Ministry of justice of Russia), Russia, 664011, Irkutsk, Nekrasova St. 4; e-mail: egerevim@mail.ru.

УДК 343.953

Н.Н. Китаев

О КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОМ ЗНАЧЕНИИ СНОВИДЕНИЙ УБИЙЦ

В статье рассматриваются возможности раскрытия и расследования преступлений против жизни, используя информацию о сновидениях убийц. Названы процессуальные документы по уголовным делам, в которых могут содержаться сведения о таких снах. Определено диагностическое значение сновидений подсудимых в комплексной медико-психологической экспертизе.

Ключевые слова: психология личности преступника, расследование убийств, сновидения и криминалистика.

N.N. Kitaev

ON THE FORENSIC SIGNIFICANCE OF KILLERS' DREAMS

This article presents the possibility of detection and investigation crimes against life, using information about killer's dreams. Judicial documents are adopted on criminal cases in that there can be information about such dreams. The diagnostic value of dreams a defendant is certain in complex medical psychological examination.

Keywords: psychology of criminal personality, murders investigation, dreams and forensic science.

Видный российский ученый-криминалист В.И. Шиканов являлся одним из основоположников важных исследований в области криминалистики и судебной экспертизы [6]. Его труды, посвященные

использованию специальных знаний при расследовании преступлений против жизни, являются полностью актуальными и востребованными в настоящее время [5].

Автору этих строк выпала удача – стать учеником профессора В.И. Шиканова, под руководством которого мной была подготовлена и успешно защищена в январе 1994 г. кандидатская диссертация «Вопросы теории и практики изобличения лиц, совершивших умышленное убийство». Темы, затронутые в ней, вызвали доброжелательный интерес ряда известных криминалистов (О.Я. Баев, В.П. Бахин, В.К. Гавло, В.А. Образцов, Н.И. Порубов, Н.А. Селиванов, Д.А. Турчин, В.Я. Шепитько и др.), но небольшой фрагмент диссертационной работы не нашел отражения в автореферате, и, соответственно, – не был вынесен на защиту. Речь шла о возможности использования специальных знаний, когда объектом исследования выступают сны убийцы. В диссертации дословно говорилось так: «Автор полагает, что показания обвиняемого о сценах совершенного им убийства, повторяющихся в его сновидениях, могут в определенных случаях играть доказательственное значение, свидетельствовать о его причастности (или непричастности) к инкриминируемому деянию» [3, с. 166].

В самом тексте очень кратко, со ссылками на некоторые публикации, говорилось об экспертизе сновидений серийного убийцы В. Кулика, проведенной крупнейшим специалистом СССР в области изучения сновидений, доктором медицинских наук В.Н. Касаткиным. Здесь же упоминались некоторые результаты опроса по специальной анкете (1981–1993 гг.) лиц, осужденных к смертной казни за совершенные убийства. Из 53 опрошенных смертников 46 человек заявили о неоднократных сценах совершенного убийства, повторяемого в их сновидениях.

Несмотря на уникальность такого эмпирического материала, В.И. Шиканов посоветовал мне не выносить на защиту определенные выводы, которые можно было сделать после многолетнего изучения снов убийц. Владимир Иванович обоснованно заметил, что диссертация и без того содержит ряд дискуссионных методических рекомендаций, апробированных автором: использование данных биоритмологии; воздействие на допрашиваемого музыкальных произведений; нетрадиционные судебные экспертизы. Кроме того, по мнению В.И. Шиканова, у меня могут возникнуть проблемы с допуском диссертации к защите, поскольку она не имеет грифа секретности, тогда как информация о содержании лиц, приговоренных к смертной казни, о процедуре исполнения их расстрела – регламентировалась приказом

МВД СССР с двумя нулями (категория «совершенно секретно»). Владимир Иванович рассказал мне, что еще в 1973 году известный советский криминалист А.И. Винберг, обиженный критическими публикациями В.И. Шиканова по поводу «криминалистической одорологии», написал заявления в Генеральную прокуратуру СССР и в Иркутский областной комитет КПСС. А.И. Винберг утверждал, что в статьях и книгах доцента В.И. Шиканова разглашаются сведения секретного и совершенно секретного характера, что «содержит состав преступления». Прокуратура, естественно, в возбуждении уголовного дела отказала, а такое поведение А.И. Винберга было предметом обсуждения 12 ноября 1980 г. на заседании специализированного совета Всесоюзного юридического заочного института (ВЮЗИ), когда В.И. Шиканов после многочасовой дискуссии блестяще защитил свою докторскую диссертацию. Я признал правоту своего наставника и не упомянул про сновидения убийц в положениях, выносимых на защиту.

Через некоторое время мы с В.Н. Касаткиным подготовили совместную статью по собранным мной материалам, которая позднее была опубликована в Иркутске [2]. Вместе с тем, изучение большого количества публикаций в нашей стране и ближнем зарубежье позволило сделать вывод, что ученые и практики не готовы к тому, чтобы использовать сновидения правонарушителей при раскрытии и расследовании преступных деяний. Характерным для сложившейся ситуации выглядит признание Р.С. Сатуева, прозвучавшее на международной научной конференции: «Подчеркивая значимость сновидений в жизни человека, в том числе и в борьбе с преступностью, к моему сожалению, я не готов предложить методики использования феномена сновидения, как средство, пусть получения значимой ориентирующей информации в выявлении и расследовании преступлений» [8, с. 245].

Справедливости ради необходимо отметить, что в первом советском библиографическом указателе литературы по криминалистике, вышедшем в 1936 году, известный ученый М.Н. Гернет указал под номером 1064 работу некоего профессора Бюбнера «Криминалистическое значение сна», переведенную с немецкого языка, помещенную в № 16 «Бюллетеня отдела уголовного розыска НКВД» за 1928 год [1, с. 42]. Мои поиски данного источника, длившиеся более 30 лет, окончились неудачей – этого номера «Бюллетеня» не оказалось в крупнейших государственных библиотеках СССР, в библиотеках специализированных учебных и научных структур МВД и КГБ СССР, о ра-

боте Бюбнера ничего не знали ведущие советские специалисты в области криминалистики и оперативно-розыскной деятельности.

Что касается тематики криминалистического значения сновидений убийц, то здесь эмпирическая информация присутствует в материалах уголовных дел (показания обвиняемых и тех свидетелей, которым обвиняемые рассказывали о содержании своих сновидений; в текстах заключений комиссий судебных экспертов-психиатров, перед которыми подэкспертные лица ведут себя нередко гораздо более откровеннее, чем в контактах со следователями). В то же время, только в очень немногих судебных приговорах можно найти оценку сновидений правонарушителей. Так, Краснодарский краевой суд в своем приговоре по делу Карагодина, совершившего убийство двух человек из корыстных побуждений, ссылаясь на информацию о сновидениях подсудимого и ее оценку экспертами-психиатрами [4, с. 21–30, 75–113], что подробно изложено в нашей монографии. Однако, здесь пристальное внимание к расследованному уголовному делу обусловлено тем, что вначале по нему к исключительной мере наказания был осужден невиновный Аболмасов, а после отмены приговора судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР осудила прокурора Щ. и следователя прокуратуры К., причастных к заведомо незаконному задержанию Аболмасова.

В.И. Шиканов в своем авторском разделе «Краткая презентация» положительно отозвался о данной книге автора, посвященной анализу наиболее громких следственных и судебных ошибок по делам об убийствах [4, с. 3–4].

В последние годы в нашей стране создано Российское общество исследователей сна, которое возглавляет известный ученый, доктор медицинских наук, профессор Е.А. Корабельникова. По ее обоснованному мнению, можно обсуждать по крайней мере два аспекта использования анализа сновидений в уголовной практике:

1. Диагностическое значение сновидений подсудимых в комплексной медико-психологической экспертизе.
2. Сновидения, как отражение мотиваций, намерений и переживаний, связанных с совершенным или готовящимся преступлением [7].

В то же время приходится констатировать, что на нынешний день следователи России не имеют ни одного пособия (методических рекомендаций, информационного письма), которое обучало бы их надлежащему фиксированию сновидений убийц и правильному ис-

пользованию данной информации в процессе раскрытия и расследования этих тягчайших преступлений.

Список использованной литературы

1. Гернет М.Н. Систематический библиографический указатель литературы по криминалистике. Минск : Тип. Акад. Наук БССР, 1936. 59 с.

2. Касаткин В.Н., Китаев Н.Н. О диагностическом значении сновидений убийц, осужденных к смертной казни (по материалам исследования) // Сибирские криминалистические чтения : сб. науч. тр. Иркутск, 2005. Вып. 21. С. 69–72.

3. Китаев Н.Н. Вопросы теории и практики изобличения лиц, совершивших умышленное убийство : дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 1993. 234 с.

4. Китаев Н.Н. Неправосудные приговоры к смертной казни: системный анализ допущенных ошибок. Иркутск : Изд-во ИГЭА, 2001. 384 с.

5. Китаев Н.Н. Владимиру Ивановичу Шиканову – 80 лет // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Сер. Юридические науки. 2006. Т. 19 (58). № 1. С. 247–249.

6. Китаев Н.Н., Китаева В.Н. Один из видных криминалистов России // Профессор Владимир Иванович Шиканов: Библиографический указатель. Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2009. Вып. 5. С. 4–10.

7. Корабельникова Е.А., Китаев Н.Н., Ардашев Р.Г. Возможности и перспективы использования анализа сновидений в расследовании и профилактике преступлений // Закон и право. 2014. № 10. С. 32–36.

8. Сатуев Р.С. Сновидение: криминалистический фантом или нетрадиционное средство получения значимой для выявления и расследования преступлений информации // Роль и значение деятельности Р.С. Белкина в становлении современной криминалистики : материалы междунар. науч. конф. (к 80-летию со дня рождения Р.С. Белкина). М., 2002. С. 239–245.

Информация об авторе

Китаев Николай Николаевич – доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин, Иркутский государственный технический уни-

верситет, кандидат юридических наук, доцент, заслуженный юрист РФ, г. Иркутск, Российская Федерация; e-mail: stripes@inbox.ru.

Information about author

Kitaev Nikolay Nikolaevich – Associate Professor of the Department of Criminal Law of Irkutsk State Technical University, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Honoured Jurist of the Russian Federation, Irkutsk, Russian Federation; e-mail: stripes@inbox.ru.

УДК 343.148

В.Н. Китаева

В.И. ШИКАНОВ О КОМПЛЕКСНОЙ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ

В статье раскрывается роль профессора В.И. Шиканова в формировании теоретических представлений о комплексной судебной экспертизе. Рассматривается современная трактовка вопросов комплексной судебной экспертизы, освещенных в трудах профессора В.И. Шиканова. Разделяется мнение профессора В.И. Шиканова о разграничении понятий «комплексная экспертиза» и «комплекс различных исследований в рамках однородной экспертизы».

Ключевые слова: В.И. Шиканов, комплексная экспертиза, интеграция знаний, виды комплексных экспертиз.

V.N. Kitaeva

V.I. SHIKANOV ABOUT INTEGRATED FORENSIC INVESTIGATION

The article presents the role of professor V.I. Shikanov in forming of theoretical ideas about integrated forensic investigation. Modern interpretation of the questions of integrated forensic investigation, lighted up in labours of professor V.I.Shikanov is examined in the article. Divided opinion of Professor V.I. Shikanov on the delimitation of the concepts of

«integrated forensic investigation» and «complex of different studies within the framework of homogeneous expertise».

Keywords: V.I. Shikanov, integrated forensic investigation, integration of knowledge, types of integrated forensic investigation.

В настоящее время объектом пристального внимания ученых является комплексная судебная экспертиза. Несмотря на наличие многочисленных научных, методических разработок по этой проблеме, в теории и практике остаются нерешенными вопросы определения статуса комплексной экспертизы в общей системе судебных экспертиз [11; 22], методического обеспечения комплексных экспертных исследований [1, с. 127] и многие другие [5, с. 139].

Проблемы становления и развития комплексной экспертизы нашли свое отражение в работах ряда ученых, среди которых особое место занимают научные труды проф. В.И. Шиканова.

Как известно, комплексная экспертиза инициирована практикой и долгое время оставалась без должной процессуальной регламентации. Одним из таких инициаторов-практиков был В.И. Шиканов.

В начале 1957 года, будучи старшим следователем Петрозаводской транспортной прокуратуры, В.И. Шиканов принял к своему производству уголовное дело, возбужденное по факту обнаружения трупа И.Д. Бухала с проволочной петлей на шее.

Изучая уголовное дело, В.И. Шиканов обратил внимание, что предыдущий следователь в основу версии об убийстве Бухала положил заключение судебно-медицинского эксперта об удушении потерпевшего посторонними руками, в связи с чем версия о самоубийстве не проверялась. По мнению В.И. Шиканова, заключение судебно-медицинской экспертизы содержало необоснованные положения и противоречия, и он назначил комплексную судебно-медицинскую и криминалистическую экспертизу. Необходимо было установить, мог покойный с учетом упругости проволоки, места наложения петли и характера ее закрутки закрутить проволоку собственными руками или нет. Комплексная экспертиза опровергла вывод эксперта, производившего вскрытие трупа, о невозможности самоудавления Бухала. В совокупности с другими доказательствами данное экспертное заключение подтвердило версию о самоубийстве и производство по уголовному делу было прекращено за отсутствием состава преступления.

Этот положительный опыт В.И. Шиканов описал в статье, опубликованной в 1959 году в 38 выпуске сборника «Следственная практика» [12].

В последующие годы появляется ряд статей [13; 6; 15] и научно-практическое пособие [14], в которых В.И. Шиканов, на примерах из следственной и судебной практики раскрывает широкие возможности комплексной судебно-медицинской и криминалистической экспертизы. Вместе с тем, в этих публикациях В.И. Шиканов обосновывает собственную позицию по вопросам понятия комплексной экспертизы, организации ее проведения.

В 1968 году [4] в Ленинграде под руководством доктора юридических наук И.Ф. Крылова В.И. Шиканов защитил кандидатскую диссертацию «Комплексная экспертиза в советском уголовном процессе (некоторые вопросы теории и практики)». Это была первая в СССР кандидатская диссертация по проблемам комплексной экспертизы.

В этом научном исследовании В.И. Шиканов осветил историю возникновения комплексной экспертизы, отметив, что такие экспертизы практиковались еще в 19 веке. Известные ученые А.М. Бутлеров, Е.Ф. Буринский, Д.И. Менделеев производили экспертизы совместно с представителями других областей знаний [16, с. 50].

По мнению В.И. Шиканова, хотя по составу своих участников комплексная экспертиза является комиссионной, в классификации судебных экспертиз (с учетом отраслей знания, на которых базируется исследование и решение поставленных перед экспертом вопросов) комплексная экспертиза противостоит не комиссионной, а экспертизе однородной [16, с. 22–23; 17, с. 17; 18, с. 65].

В кандидатской диссертации В.И. Шиканов назвал основные признаки комплексной экспертизы, отметив, что третий из них является наиболее существенным:

1) Комплексная экспертиза в уголовном процессе выступает в качестве одной из организационно-процессуальных форм использования достижений науки и техники для расследования преступлений и осуществления задач правосудия.

2) Комплексная экспертиза, как разновидность экспертизы в уголовном процессе, является способом получения судебных доказательств.

3) Комплексная экспертиза производится по заданию органов следствия и суда в случаях, когда возникают вопросы, решение которых требует кооперации знаний, являющихся достоянием наук раз-

личного профиля, и относящихся к компетенции однородных экспертиз различного вида.

4) Привлеченные к производству комплексной экспертизы специалисты производят необходимые исследования совместно.

5) Придя к общим выводам, эксперты составляют общее заключение, за которое несут равную ответственность [16, с. 89].

С учетом указанных признаков В.И. Шиканов сформулировал следующее определение: «Комплексная экспертиза – это исследование, в процессе которого специалисты решают вопросы совместно на основе кооперации (симбиоза) знаний, почерпнутых из разных наук и относящихся к компетенции двух или более видов экспертизы» [16, с. 90]. Ученый также предложил дополнить УПК РСФСР статьей 81-1 «Комплексная экспертиза».

Значение комплексной экспертизы В.И. Шиканов видел в том, что по сравнению с однородными экспертизами она открывает более широкие возможности получения судебных доказательств. «Происходит это потому, что с позиции двух или нескольких наук, объекты экспертного исследования могут быть подвергнуты более глубокому и разностороннему изучению, с большей полнотой устанавливаются признаки объектов, их взаимозависимость и связи в ряду других доказательств по делу» [16, с. 104].

В.И. Шиканов полагал, что производство комплексной экспертизы может быть поручено специалистам не только пограничных, но и других самых различных несмежных наук, в противном случае, неоправданно ограничиваются возможности органов следствия и суда. Эту позицию поддерживают и некоторые современные исследователи [3, с. 99–100].

В.И. Шиканов подчеркивал необходимость разграничения таких понятий, как комплексная экспертиза и комплекс различного вида однородных экспертиз, комплексная экспертиза и комплекс различного рода исследований в рамках одной и той же однородной экспертизы [16, с. 71–73, 104–105]. Однако в настоящее время некоторые ученые и судебные эксперты предлагают рассматривать применение комплекса методов в рамках однородной экспертизы как разновидность комплексной экспертизы.

Например, группа сотрудников ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России (А.И. Усов, О.В. Микляева, Е.С. Карпухина, Л.Г. Эджубов) в качестве новации выделяют *видовую последовательную комплексную экспертизу* (курсив наш – В.К.). По их мнению, оно проводится экс-

пертами одной экспертной специальности: первый эксперт проводит исследование объекта и составляет часть заключения, а второй эксперт завершает полноценное исследование с использованием информации, полученной от первого эксперта. Каждый эксперт подписывает только ту часть экспертного заключения, где зафиксированы результаты проведенного им исследования [11, с. 134].

Ранее Л.Г. Эджубов и Е.С. Карпухина писали, что «в данном случае комплексных характер экспертизы определяется не совпадением или различием областей знаний эксперта, а характером организации производства данной экспертизы» [22, с. 21]. По мнению названных авторов, «общая логическая характеристика комплексной экспертизы заключается в том, что исследуемый объект (задача) логически расчленяется на необходимое количество элементов, причем каждый из них исследуется самостоятельно отдельным экспертом, а интеграция общего вывода производится экспертом, решающим конечную задачу, путем синтеза выводов каждого эксперта. При этом характер знаний эксперта и его компетенция во внимание не принимается» [22, с. 21].

Возможность производства внутриродовой (внутривидовой) комплексной экспертизы не исключает и Ю.К. Орлов, объясняя ее распространение все более узкой специализацией экспертов в пределах одной специальности [8, с. 174; 9, с. 160].

Против такого подхода к пониманию сущности комплексной экспертизы справедливо выступают Н.П. Майлис и В.Ф. Орлова, отмечая, что «авторы «новой концепции» спускают комплексную экспертизу на уровень обычной моноэкспертизы, в рамках которой комплексируются знания различного профиля, и практически ведут к ликвидации комплексной экспертизы как самостоятельного процессуального вида судебной экспертизы» [5, с. 142].

Н.П. Майлис, В.Ф. Орлова, как и В.И. Шиканов, в качестве основного свойства комплексной экспертизы, позволяющей отделить ее от моноэкспертизы (однородной экспертизы), называют комплексование результатов исследования, проведенных на основе разных экспертных специальностей [5, с. 141].

В.И. Шиканов не исключал возможности производства комплексной экспертизы одним экспертом, если он достаточно сведущ в двух или нескольких областях знаний, взаимодействие которых необходимо для решения поставленных вопросов. Однако такую возможность он рассматривал лишь в теоретическом аспекте, объясняя это

следующим образом: «Проведение комплексной экспертизы – дело достаточно сложное, требующее больших теоретических знаний и практического опыта работы в двух или даже нескольких областях знания, в связи с чем найти эксперта, отвечающего предъявляемым требованиям, не так просто. Кроме того, и это главное, производство комплексной экспертизы одним экспертом в определенной степени снижает гарантии объективности и полноты исследования, поскольку уже нельзя говорить о взаимоконтроле и, соответственно, о той высокой степени критического отношения экспертов к результатам своей работы, так выгодно отличающих комплексную экспертизу с участием двух или нескольких специалистов» [16, с. 88].

Между тем ряд авторов не допускают даже теоретической возможности проведения комплексной экспертизы одним лицом, владеющим знаниями в нескольких экспертных специальностях. Они объясняют это тем, что правовые признаки комплексной экспертизы – это количество экспертов и разграничение функций между ними в процессе исследования [8, с. 172; 11, с. 128]. Поэтому в данном случае, по их мнению, следует говорить о комплексном исследовании в рамках единоличной экспертизы [11, с. 128].

Действующее российское законодательство не предусматривает возможность производства комплексной экспертизы одним экспертом, однако, в статье 27 «Производство комплексной судебной экспертизы» законопроекта № 306504-6 ФЗ «О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», принятого Государственной Думой ФС РФ в первом чтении, сказано: «Если эксперт владеет разными экспертными специальностями, необходимыми для производства комплексной судебной экспертизы, в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации, он вправе единолично дать заключение по поставленным вопросам» [7].

В.И. Шиканов не ограничивался рассмотрением общетеоретических вопросов комплексной судебной экспертизы, а также отдельных видов комплексной судебно-медицинской и криминалистической экспертизы. В 1970 году вышла в свет его статья «Вопросы марксистско-ленинской методологии исследования психологических особенностей несовершеннолетних правонарушителей», написанная в соавторстве с известным криминологом В.Я. Рыбальской [10]. Авторы стали одними из первых в СССР, кто представил анализ специфических черт судебно-психологической экспертизы несовершеннолетних, а также ратовали за назначение комплексной психолого-

психиатрической экспертизы в необходимых случаях и считали, что заключение такой экспертизы не противоречит требованиям УПК РСФСР.

В докторской диссертации В.И. Шиканов продолжил рассмотрение вопроса о комплексной судебной экспертизе. Изучая существующие классификации комплексной судебной экспертизы, он выделил классификацию В.С. Митричева. Данный ученый-криминалист, исследуя вопросы криминалистической идентификации целого по частям, предлагал различать: а) завершенную; б) частично завершенную; в) вырожденную комплексную экспертизу. В.И. Шиканов полагал, что эта классификация комплексных экспертиз по своему значению выходит за рамки случаев идентификации целого по частям и должна быть использована в отношении и других видов судебных экспертиз [18, с. 63–64; 19, с. 82].

В 2001 году в УПК РФ комплексная судебная экспертиза нашла, наконец, правовое закрепление в одноименной статье 201. Однако ученые, занимавшиеся проблемами этого вида экспертизы, сразу отметили неудачную законодательную формулировку этого понятия. Не обошел вниманием данный вопрос и профессор В.И. Шиканов, который писал: «В результате использования примитивной законодательной техники содержание текста предельно декларативно и не только не раскрывает сущность комплексной экспертизы, сколько запутывает дело» [20, с. 13].

Игнорирование законодателем достижений юридических наук — одна из давних проблем, но она не является препятствием для прекращения научных изысканий по различным правовым вопросам.

Исследования различных аспектов комплексной экспертизы продолжаются [2; 3; 5; 21 и др.], и они не обходятся без обращения к научному наследию настоящих ученых-криминалистов, таких, как профессор, доктор юридических наук Владимир Иванович Шиканов.

Список использованной литературы

1. Андреева Т.А. Типичные ошибки следователей при назначении комплексных экспертиз с участием психолога // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения : сб. науч. тр. Иркутск, 2008. Вып. 1. С. 124–128.

2. Гамаюнова Ю.Г. Комплексная трасолого-волоконведческая экспертиза. М. : Юрлитинформ, 2006. 176 с.

3. Евстратова Ю.А. Комплексная экспертиза: проблемы содержания понятия // Известия Алтайского государственного университета. 2013. Вып. 2 (78). Т. 1. С. 98–101.
4. Китаев Н.Н., Китаева В.Н. Памяти учителя // Вестник криминалистики. 2009. № 1. С. 179–180.
5. Майлис Н.П., Орлова В.Ф. Еще раз о комплексной экспертизе и путях ее развития // Теория и практика судебной экспертизы. 2014. № 1 (33). С. 138–147.
6. Норе́йко Т.С., Сы́рков С.М., Шика́нов В.И. О возможностях комплексной судебно-медицинской и криминалистической экспертизы // Вопросы криминалистики. 1964. Вып. 10. С. 3–11.
7. О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации: федеральный закон (проект № 306504-6) [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс».
8. Орлов Ю.К. Комплексная экспертиза как правовое понятие // Теория и практика судебной экспертизы. 2013. № 4 (32). С. 170–175.
9. Орлов Ю.К. Современные проблемы доказывания и использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве : науч. учеб. пособие. М : Проспект, 2016. 208 с.
10. Рыбальская В.Я., Шиканов В.И. Вопросы марксистско-ленинской методологии исследования психологических особенностей несовершеннолетних правонарушителей // Труды Иркутского гос. ун-та. 1970. Т. 75. С. 165–182.
11. Усов А.И. О трех версиях комплексной экспертизы / А.И. Усов [и др.] // Теория и практика судебной экспертизы. 2015. № 1 (37). С. 126–136.
12. Шиканов В.И. К выводам эксперта надо относиться критически // Следственная практика. 1959. Вып. 38. С. 71–81.
13. Шиканов В.И. Шире использовать возможности комплексной судебно-медицинской и криминалистической экспертизы // Сборник научно-практических работ судебных медиков и криминалистов. Петрозаводск, 1962. Вып. 1. С. 8–21.
14. Шиканов В.И., Норе́йко Т.С., Сы́рков С.М. Комплексная медико-криминалистическая экспертиза при расследовании уголовных дел / под ред. П.Г. Агапова ; М-во охраны обществ. порядка Карел. АССР. Карел. отд-ние Всесоюз. науч. о-ва судеб. медиков. Петрозаводск : Карел. кн. изд-во, 1965. 104 с.
15. Шиканов В.И. Следы крови как объект исследования судебно-медицинской криминалистической и комплексной экспертиз //

Сборник научно-практических работ судебных медиков и криминалистов. Петрозаводск, 1966. Вып. 3. С. 194–212.

16. Шиканов В.И. Комплексная экспертиза в советском уголовном процессе (некоторые вопросы теории и практики) : дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1967. 391 с.

17. Шиканов В.И. Комплексная экспертиза и ее применение при расследовании убийств. Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1976. 230 с.

18. Шиканов В.И. Актуальные вопросы уголовного судопроизводства и криминалистики в условиях современного научно-технического прогресса. Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1978. 190 с.

19. Шиканов В.И. Проблемы использования специальных познаний и научно-технических новшеств в уголовном судопроизводстве : дис. ... д-ра юрид. наук. Иркутск, 1980. 443 с.

20. Шиканов В.И. Заметки на полях текста нового Уголовно-процессуального кодекса // Сибирские криминалистические чтения : сб. науч. тр. Иркутск, 2002. Вып. 14. С. 1–17.

21. Шуваева М.С. Правовые и организационные основы назначения и производства комплексной экспертизы : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 198 с.

22. Эджубов Л.Г., Карпухина Е.С. О новой концепции комплексной экспертизы // Теория и практика судебной экспертизы. 2012. № 4 (28). С. 16–23.

Информация об авторе

Китаева Валентина Николаевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики, судебных экспертиз и юридической психологии, Байкальский государственный университет экономики и права, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11; e-mail: kivanic@mail.ru.

Information about the author

Kitaeva Valentina Nikolaevna – Candidate of Law, Associate Professor of Department of Criminal Procedure, Forensic Science and Juridical Psychology, Baikal National University of Economics and Law, 11, Lenin str., Irkutsk, 664003; e-mail: kivanic@mail.ru.

МОШЕННИЧЕСТВО В СФЕРЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ КАК ОБЪЕКТ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ*

Федеральным законом от 29.11.2012 г. №207-ФЗ была криминализована статья, предусматривающая уголовную ответственность за совершение мошеннических действий в сфере компьютерной информации. В статье анализируются признаки данных преступлений, которые являются объектом криминалистического исследования и способы совершения мошеннических действий.

Ключевые слова: мошенничество в сфере компьютерной информации, информационные системы, компьютерная сеть, телекоммуникационная сеть, киберпреступность.

V.V. Kolominov

SWINDLE IN THE FIELD OF COMPUTER INFORMATION AS OBJECT OF CRIMINALISTICS COGNITION

Federal law from 29.11.2012 №207-FZ city has criminalized an article providing for criminal liability for committing fraud in the sphere of computer information. The article analyzes the characteristics of these crimes, which are the subject of forensic investigation and ways of committing fraud.

Keywords: fraud in the sphere of computer information, information systems, computer network, telecommunications network, cybercrime.

Федеральным законом от 29.11.2012 г. №207-ФЗ в уголовное законодательство была введена статья 159.6 УК РФ, предусматривающая ответственность за мошенничество в сфере компьютерной информации. Данное мошенничество представляет собой хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем

* Материал подготовлен в рамках выполнения проекта «Повышение эффективности уголовного судопроизводства по делам о киберпреступлениях для обеспечения национальной безопасности» в рамках гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых – докторов наук (Конкурс – МД-2014) на 2014–2015 годы (договор № 14.Z56.14.2691-МД).

ввода, удаления, блокирования, модификации компьютерной информации либо иного вмешательства в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей.

Процесс расследования преступлений в сфере компьютерной информации предусматривает необходимость производства значительного числа регламентированных процессуальным законом следственных и иных процессуальных действий [7, с. 2].

Как известно, при расследовании преступлений необходимо разрешить вопрос о том, что подлежит установлению и доказыванию в каждом конкретном случае. В этой анализ следственной и судебной практики показывает, что определенную сложность при расследовании мошенничества в сфере компьютерной информации представляет установление такого обстоятельства, подлежащего доказыванию как «место совершения преступления».

В уголовно-процессуальной литературе неоднократно подчеркивалось значение предмета доказывания в предварительном расследовании и судебном разбирательстве по уголовному делу. Как справедливо отмечено М.С. Строговичем: «верное определение содержания предмета доказывания обеспечивает целенаправленность и плановость действий следователя, прокурора и суда» [8, с. 361].

Место преступления в криминалистике традиционно определяется как место, в котором реализуется объективная сторона преступления – место преступления, участок местности или помещение, где было совершено преступление [1, с. 115]. В нашем случае также представляется необходимым, в том числе рассматривать понятие места происшествия, под которым понимается, участок местности или помещение, где были обнаружены следы события, требующего расследования.

Одной из основных особенностей рассматриваемого элемента криминалистического знания о событии преступления является то, что место совершения преступления оказывает влияние на весь процесс формирования следовой картины и, соответственно, является носителем, как материальных, так и идеальных следов, а значит, обладает существенной информативностью.

Как отмечает Л.Г. Видонов: «главной характеристикой места преступления являются его признаки, определяющие его назначение для людей и отличающие его от окружающей местности и обстановки» [2, с. 11].

Необходимо отметить, что признаки и свойства места совершения мошенничества в сфере компьютерной информации имеют определяющее значение для разработки практических рекомендаций по его установлению в ходе расследования, а также их использованию в процессе установления обстоятельств преступного деяния. Это обусловлено рядом следующих обстоятельств. Прежде всего, компьютерная информация предусматривает необходимость ее обработки, хранения и обмена, а для этого необходимо наличие компьютерных средств и средств обмена информацией, т.е. сети.

Характерной особенностью, имеющей определяющее значение для возможности контроля движения информации в сети, по мнению И.Н. Воробец, является то, что: «Система адресации в сети Интернет описываемая IP-протоколом, построена на основе присвоения каждому компьютеру, подключенному к Сети, уникального идентификационного номера (IP-адреса). IP-адрес – это набор из четырех десятичных чисел, отделенных точками (например, 192.168.100.47.). Для удобства работы числовые адреса заменяются символьными с использованием доменной системы преобразования имен. Система доменов позволяет преобразовывать символьные имена в IP-адреса и обратно определять имя домена по числовому адресу. IP-адреса могут быть статистическими и динамическими. Размещение в Сети информации, доступ к ней, а также внутрисетевой обмен информацией осуществляется при участии специализированных организаций – поставщиков услуг (провайдеров) [3, с. 71].

Вообще анализ функционирования компьютерных сетей позволяет прийти к выводу о том, что вся их система создавалась с таким расчетом, что в любое время существует возможность контролировать процесс перемещения информации внутри ее, а также установление источников ее происхождения и конечных потребителей. Это обстоятельство, с одной стороны, негативно отражается на соблюдении законных прав и интересов гражданина, с другой стороны, при соблюдении правовых аспектов, контроль сети позволяет эффективно выявлять, раскрывать и расследовать преступления, совершаемые в сфере оборота компьютерной информации.

Однако, по мнению ряда ученых, есть и определенные проблемы, существующие в процессе функционирования сети, которые негативно влияют на раскрытие и расследование рассматриваемых преступлений, характерные для нашего государства. Так, например, «Спамеры», как правило, используют электронные адреса вне домен-

ной зоны RU (Россия), что не позволяет своевременно получить сведения о нахождении их IP-адресов. Отсюда возникают две проблемы, одна из которых состоит в том, что потерпевший обращается в отдел полиции по месту жительства, где и должна производиться проверка сообщения о преступлении, но участники преступления проживают в других городах, следы преступления минимальны. Кроме сведений из компьютера потерпевшего (его компьютерной переписки) собрать какие-либо данные не представляется [9, с. 171–179].

Рассматривая характерные особенности функционирования компьютерной сети, можно сделать выводы о том, что с одной стороны, местом совершения мошенничества в сфере компьютерной информации является сама информационно-телекоммуникационная сеть, в которой происходит ввод, удаление, блокирование, модификация компьютерной информации либо иное вмешательство в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации. С другой стороны, местом совершения мошенничества в сфере компьютерной информации является местонахождение конкретного компьютера, с которого осуществляется неправомерный доступ. Надо отметить, что именно в этом месте находится основной объем информации, характеризующий процесс совершение преступления (способ, орудия и средства и т.п.), т.е. его следы.

Между тем, компьютерное мошенничество предусматривает наличие еще, как минимум одного, или нескольких устройств, которые будут вовлечены в процесс обменом информацией в целях извлечения сведений. При этом между такими устройствами может быть достаточно большое реальное расстояние. Приходится констатировать, что такое положение негативно сказывается на процессе выявления, раскрытия и расследования мошенничества в сфере компьютерной информации, особенно в тех случаях, когда неправомерный доступ к информации осуществляется из-за рубежа.

Таким образом, в рассматриваемом преступном деянии местом совершения преступления является местонахождение компьютерно-технических средств, с которого отправляются команды. Однако это не окончательное определение места совершения мошенничества в сфере компьютерной информации. Специфика установления признаков рассматриваемого преступного деяния обусловлена его двойственным объектом.

«Преступное деяние, – как отмечает в этой связи Н.А. Колоколов, – считается законченным с момента получения виновным суммы

денег (чужого имущества), а равно приобретения им юридического права на распоряжение такими деньгами (имуществом). Сам по себе факт ввода, удаления, блокирования, модификации компьютерной информации либо иного вмешательства в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей в зависимости от обстоятельств дела может содержать признаки приготовления к мошенничеству в сфере компьютерной информации или покушения на совершение такого преступления» [5, с. 6–15].

Таким образом, определение места совершения мошенничества в сфере компьютерной информации при установлении обстоятельств, подлежащих доказыванию, обладает определенной особенностью и влияет на формирование криминалистических знаний о данного вида преступлениях. Такая особенность обуславливает возможность использования знания о нем в процессе расследования. При этом кроме телекоммуникационной сети, местом совершения мошенничества являются места «обналичивания» денежных средств, полученных путем обмана. В зависимости от приемов и способов совершения мошенничества таковыми могут являться банкоматы, магазины, операционные залы банков и т.п.

Конечно, наиболее значимым для формирования криминалистического знания о мошенничестве в сфере компьютерной информации является то место, где находятся компьютерно-технические средства потерпевшего. Обусловлено это, как спецификой самой преступной деятельности мошенников, так и характером функционирования системы в которой она реализуется.

К таким, в частности относят: «сеть Интернет» – это международная информационно-телекоммуникационная сеть ЭВМ, не имеющая единого центра управления и организации, доступ к которой осуществляется посредством соединения по сети передачи данных (сеанса связи) [4].

Однако только одной сетью Интернет система обмена информацией не ограничивается. Это обстоятельство, по результатам проведенного исследования, позитивно влияет на процесс расследования рассматриваемого вида мошенничества. В частности, речь идет о киберпространстве. По мнению отдельных ученых «в состав «кибернетического пространства», входят [6, с. 15–16]:

– отдельные помещения или их набор, в которых размещены автоматизированные информационно-вычислительные системы с соот-

ветствующим техническим комплексом обеспечения ее деятельности (системы связи, электропитания, заземления и т.п.);

- средства автоматизированной обработки информации (вычислительные машины и их системы);

- каналы телекоммуникаций и передачи данных (в том числе звуковые волны и электромагнитные поля);

- машинные носители информации, обеспечивающие хранение информации в виде пригодном для ее автоматизированной обработки;

- непосредственно сама информация, представленная в виде пригодном для ее автоматизированной обработки (данные в соответствующих форматах, управляющие программы и т.п.);

- принятые порядок и последовательность (протоколы – по терминологии теории автоматизированных информационно вычислительных систем) автоматизированной обработки информации, а также установленные правила и распределение обязанностей между должностными лицами автоматизированной информационной системы».

Не вступая в полемику о необходимости отнесения того или иного элемента к кибернетическому пространству, отметим, что каждый из указанных элементов несет информативную составляющую, имеющую значение для формирования криминалистического знания о мошенничестве в сфере компьютерной информации и, как следствие расследования рассматриваемого вида преступлений.

Таким образом, наибольший интерес для формирования криминалистического знания о мошенничестве в сфере компьютерной информации и его расследования, представляют компьютерно-технические средства лица, на которое оказывалось преступное воздействие. Надо отметить, что в данном случае нас интересует именно компьютер потерпевшего, как источник информации и следов преступного воздействия. Такая особенность обусловлена тем, что существует определенная зависимость места совершения компьютерного мошенничества, с техническими средствами которыми оно совершается. Если, например, в месте нахождения лица, осуществляющего неправомерный доступ к компьютерной информации, в целях мошенничества, можно обнаружить весь спектр следов подозреваемого (следы пальцев рук на клавиатуре и других объектах, запаховые следы, иные выделения человека и т.п.), то в месте нахождения потерпевшего только его компьютерно-технические средства.

Список использованной литературы

1. Белкин Р.С. Криминалистическая энциклопедия. М. : Мегатрон XXI, 2000. 334 с.
2. Видонов Л.Г. Криминалистическая характеристика убийств и системы типовых версий о лицах, совершивших убийства без очевидцев. Горький : Прокуратура Горьк. обл., 1978. 122 с.
3. Воробец И.Н. Глобальная сеть Интернет как пространство для совершения преступлений // Доклады международной научно-практической конференции «Экономические, правовые и прикладные аспекты преодоления кризиса в европейских странах и России» / под ред. д.ю.н., проф. А.М. Кустова д.э.н., доц. Т.Ю. Прокофьевой. М., 2012. С. 71.
4. Илюшин Д.А. Особенности расследования преступлений, совершаемых в сфере предоставления услуг Интернет : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград. 2008. 22 с.
5. Колоколов Н.А. Преступления против собственности: комментируем новеллы УК РФ // Мировой судья. 2013. № 1. С. 6–15.
6. Мещеряков В.А. Основы методики расследования преступлений в сфере компьютерной информации : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Воронеж, 2001. 39 с.
7. Смирнова И.Г, Коломинов В.В. Тактические особенности производства допроса по делам о преступлениях в сфере компьютерной информации [Электронный ресурс] // Известия Иркутской государственной экономической академии (Байкальский государственный университет экономики и права). 2015. Т. 6. № 3. Режим доступа: <http://eizvestia.isea.ru/reader/article.aspx?id=20140> (дата обращения: 17.09.2015).
8. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. М. : Наука, 1968. Т. 1. 468 с.
9. Танасчишин А.А., Климчук Ю.А. Об опыте расследования уголовных дел по фактам мошенничества с использованием компьютерных технологий сети «Интернет», совершенных организованной группой // ИБ СД МВД России. 2013. № 1 (155). С. 171–179.

Информация об авторах

Коломинов Вячеслав Валентинович – преподаватель кафедры криминалистики и судебных экспертиз, Байкальский государствен-

ный университет экономики и права, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, д. 11, e-mail: OffRoad88@mail.ru.

Information about the author

Kolominov Vyacheslav Valintinovich – teacher of the department of criminalistics and judicial examinations, Baikal National University of Economics and Law, Lenin st., 11, Irkutsk, 664003, e-mail: OffRoad88@mail.ru.

УДК 17(075.8)

**С.В. Корнакова
О.С. Сергеева**

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМНЫХ АСПЕКТАХ ЭТИКИ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ВЫСШЕГО УЧЕБНОГО ЗАВЕДЕНИЯ

В статье затрагиваются некоторые этические проблемы профессиональной деятельности преподавателя высшей школы. Обращается внимание на взаимосвязь этической культуры преподавателя и качества преподавания. Делается вывод о важности обладания преподавателем не только глубокими научными познаниями, связанными с преподаваемым им курсом, но и высокими моральными качествами.

Ключевые слова: этика профессиональной деятельности, преподаватель высшей школы, культура общения.

**S.V. Kornakova
S.O. Sergeeva**

SOME OF THE PROBLEMATIC ASPECTS OF THE ETHICS OF EACHER OF HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTION

The article touches on some ethical problems of professional activity of teacher of higher school. Attention is drawn to the interrelation between ethical culture of the teacher and quality of teaching. The conclusion about the importance of having a teacher not only deep scientific knowledge related to teaching their course, but also high moral character.

Keywords: ethics of professional activities, a high school teacher, the culture of communication.

Выполнение требований действующего стандарта образования в высшем учебном заведении предполагает, что процесс обучения должен быть направлен на формирование у студентов профессиональных компетенций (соответствующих знаний, умений и навыков), но представляется, что все же первостепенной задачей обучения является формирование на их основе личности будущего профессионала.

Если речь идет о настоящем преподавании, то оно является затруднительным без демонстрации возможных рассуждений по поводу основ науки, знание о которых преподаватель хочет передать студентам. Только в том случае, когда студенту понятно для чего именно необходимы получаемые им знания и умения, у него будет формироваться и учебная, и научная мотивация и, как следствие, личность будущего профессионала. Однако в этом процессе существуют некоторые этические проблемы, оказывающие влияние, как на качество преподавания, так и на качество получения образования.

Одной из таких проблем является проблема, связанная с самоутверждением преподавателя в студенческой аудитории. Каким образом может проходить этот процесс самоутверждения?

Во-первых, преподаватель, имея собственные научные представления, являясь творческой личностью, нередко озвучивает собственное мнение о предмете обсуждения, наряду с имеющимися в науке другими точками зрения в ходе чтения лекции или на семинарском занятии. Зачастую, если студенческая аудитория воспринимает эти представления, то для самоутверждения преподавателя-исследователя это бывает не менее важно, чем признание его научных взглядов в профессиональной среде.

Во-вторых, для преподавателя имеет значение самоутверждение как мастера педагогического процесса, которого не только уважают, но и любят студенты. Многим из нас из личного опыта известно, что слова, сказанные авторитетным человеком, запоминается надолго, если не навсегда, и, напротив, безупречные с точки зрения логики, убедительные речи неуважаемого нами человека нередко вызывают лишь раздражение и желание поступить вопреки. Поэтому любовь студентов – высшая форма авторитета преподавателя. И это также является серьезным показателем его преподавательского мастерства. В связи с этим возможны серьезные сомнения в искренности тех пре-

подавателей, которые говорят, что им все равно – любят их студенты или нет. Более того, если преподавателя преследует стойкая неавторитетность у студентов, то это очень серьезный повод для смены профессии.

Таким образом, самоутверждение преподавателя в студенческой аудитории – необходимый элемент его профессионализма. Тем не менее, самоутверждение не должно становиться самоцелью преподавания. Проблемы могут возникнуть в том случае, когда уважение студентов достигается за счет обольщения или запугивания аудитории.

К наиболее распространенному варианту самоутверждения можно отнести организацию преподавателем «крайне строгой» итоговой аттестации, при которой от студентов требуется не демонстрация за короткое время сути рассматриваемого вопроса, а воспроизведение совершенно ненужных и незначительных нюансов того вопроса, по которому они отвечают. В результате, что естественно, большая часть студентов получает неудовлетворительные оценки. По мнению самоутверждающегося таким способом экзаменатора, подобный опрос студентов способствует как повышению качества их знаний, так и статуса преподавателя в их глазах.

Следует отметить интересную тенденцию, если не закономерность: чем солиднее ученый, тем реже он позволяет себе подобные варианты самоутверждения. И наоборот, чем меньшими знаниями обладает преподаватель, тем сильнее он свирепствует на экзаменах и зачетах. Подобная тенденция поведения нередко имеет место среди начинающих преподавателей и аспирантов, что хоть и отдаленно, но напоминает систему «дедовщины» в армии, когда заканчивающие службу также отыгрываются на новичках. В результате мы имеем студентов-отличников, которые какое-то время хорошо разбирается в несущественных деталях вопроса, не понимая цели такого знания. В немалой степени этому печальному опыту способствуют самоутверждающиеся вышеуказанным способом преподаватели.

В этой связи показательны результаты проведенного рядом авторов исследования проблем, касающихся подготовки бакалавров, в частности, на выявление уровня удовлетворенности студентов процессом обучения, согласно которым, больше половины респондентов (55,6 %) отметили, что существующая система оценки знаний не обеспечивает объективность и справедливость [2, с. 855] . Думается, что поднятая в статье этическая проблема оценки знаний студентов также имеет влияния на подобный результат опроса.

Второй весьма актуальной на сегодняшний день остается проблема профессиональной этики преподавателя высшей школы. С первых слов и приветствия аудитории начинается общение преподавателя со студентом и процесс его воспитания. Во время первого знакомства неизбежна первичная оценка преподавателя студентами – уровня его профессионализма, эрудиции, общий уровень культуры. От этой оценки во многом зависит эффективность дальнейшего общения. Значительную роль для создания положительного имиджа имеет внешний вид преподавателя и манера поведения. Сложно представить, чтобы студент сразу же проникся уважением и почтением к лектору, одетому в облегающие короткие джинсы и обутому в кеды или стоптанные сандалии. К сожалению, это не аллегория, а типаж некоторых современных преподавателей. Такой «свой рубаха-парень» не создает имиджа серьезного преподавателя и не повышает рейтинг вуза.

Не стоит забывать и о внешнем виде студентов, которые дают преподавателю значительную фору. Пожалуй, невозможно представить, чтобы еще 10–15 лет назад студент мог прийти на занятия, зачет или экзамен в спортивном костюме, шортах или едва прикрывающей тело маечке. Сегодня же таких студентов мы, к сожалению, видим в нашем вузе довольно много и часто. Такой внешний вид говорит лишь об отсутствии элементарной этики.

В контексте проблемы, представляется правильным внесение в Устав высшей школы положения, регламентирующего стиль одежды, как для преподавателей, так и для студентов. Это отнюдь не предполагает уравнивания всех и введения формы для юношей и девушек, а лишь обязывает отдавать предпочтение одежде делового стиля.

Форма общения преподавателя со студентами – еще одна насущная проблема, играющая важную роль в воспитании личности-профессионала. Многие преподаватели обращаются к студентам на «ты», не видя в этом ничего предосудительного. А ведь каждый из студентов – это личность, которую необходимо уважать. Очень важно соблюдать правила этики межличностного общения, помня о том, что в будущем это возможный руководитель, а та манера общения, к которой студент привык, может стать нормой поведения с подчиненными и в обществе. Если же речь идет о преподавании на юридических факультетах, то это особенно важно, поскольку в правовой сфере уважение чести и достоинства личности – это охраняемая законом ценность [3, с. 20–21], а, как известно, важнейшими агентами нравст-

венной и правовой культуры личности является школа [4, с. 125], в том числе и высшая.

Кроме этого, говоря об этических проблемах преподавания в высшем учебном заведении, нельзя не затронуть вопрос, касающийся его мотивации, т. е. того, что заставило преподавателя выбрать эту профессию. Ответы на этот вопрос могут быть совершенно разные, но, тем не менее, небесполезно вспомнить известное выражение о том, что все профессии от человека, лишь три от Бога: учить, лечить, судить. Лишь тот, для кого его профессия действительно является призванием, может рассчитывать на удовлетворение от своей профессиональной деятельности. С этой точки зрения стоит задуматься, о том, что удовлетворение деятельностью – это эмоция, а интерес к деятельности – его важнейшая эмоциональная составляющая. Значит, чем больший интерес мы испытываем к какому-то делу, тем сильнее наше стремление сделать это дело хорошо. Отсюда напрашивается закономерный вывод о том, что лишь тот преподаватель, который заинтересован в результатах своей деятельности, в частности, в том, чтобы по преподаваемому им курсу студенты имели необходимые знания, может их заинтересовать. Поэтому тот преподаватель, который испытывает искренний интерес к тому, что говорит, способен «заразить» этим и других.

В формировании интереса к изучению какого-либо курса большую роль играет создание проблемной ситуации, т. е. столкновение студентов с трудностью, которую они не могут разрешить при помощи имеющегося у них запаса знаний, а значит, убеждает в необходимости получения новых. Преодоление трудностей в учебной деятельности – важнейшее условие возникновения интереса к ней. Поэтому если лекции преподавателя представляют собой простой пересказ учебника, который, по словам С. И. Гессена, является «самым примитивным уровнем преподавания» [1, с. 180], у студентов не только не возникает интереса к таким лекциям, но они попросту перестают их посещать. При этом на вопрос о причинах пропусков откровенно заявляют, что учебник способны прочитать и сами.

С другой стороны, трудность учебного материала приводит к повышению интереса у студентов только тогда, когда эта трудность сильна, преодолима, в противном случае интерес быстро пропадает. Существенный фактор возникновения интереса к учебному материалу – его эмоциональная окраска, живое слово преподавателя.

Следует помнить, что любая студенческая аудитория весьма чутко улавливает отношение преподавателя к ним, его заботу о том, чтобы быть понятым. В этом находит проявление уважение к аудитории. Напротив, проявление превосходства, неуважительного отношения, грубости со стороны преподавателя влечет ответное неуважение со стороны студентов, как к преподавателю, так и к преподаваемому им курсу. Каждому из собственного опыта известно, что нелюбовь к чему-либо вызывает и неприятие всего, что с этим связано.

Тем не менее, авторы статьи могут, не задумываясь, назвать несколько преподавателей, которые срываются на крик или не стесняются высмеивать студентов в присутствии других студентов или преподавателей, хотя такое поведение является грубым нарушением преподавательской этики. При этом неприятие студентов может быть вызвано и употреблением преподавателем обезличенных выражений. Например, «для особо одаренных повторяю...», или «надеюсь, вы способны понять...». Подобные высказывания являются конфликтогенами и недопустимы в речи преподавателя, который, по определению, должен отличаться речевой культурой.

Грубость, нетактичность, попытки унижить чье-либо достоинство не должны иметь места ни в каком виде социальных отношений, тем более в профессии преподавателя. Более того, следует иметь в виду, что преподаватель на своем рабочем месте представляет не себя, а то учебное заведение, в котором работает. Поэтому престиж вуза в немалой степени зависит и от уважения к каждому конкретному преподавателю, который в нем работает. А для того, чтобы вызывать уважение, преподавателю недостаточно обладать глубокими познаниями в определенной области знаний, кроме этого, его личностными качествами должны стать такие моральные качества, как вежливое, уважительное отношение, проявление поддержки и такта в общении.

Список использованной литературы

1. Гессен С.И. Основы педагогики. Введение в прикладную философию. М. : Школа-Пресс, 1995. 448 с.
2. Ковынева Л.В. и др. Подготовка бакалавров сервиса и туризма: исследование субъектов образовательной среды // Известия ИГЭА. 2015. Т. 25, № 5. С. 853–860.

3. Корнакова С.В. Основы этики. Профессиональная этика юриста. Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2012. 308 с.

4. Корнакова С.В., Чигрина Е.В. Правовая культура личности как условие эффективной реализации ее прав и свобод // 20 лет Конституции России: актуальные проблемы развития правового государства : сб. ст. Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2014. С. 125–131.

Информация об авторах

Корнакова Светлана Викторовна – кандидат юридических наук, доцент, ведущий доцент кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора, Байкальский государственный университет экономики и права, заместитель декана судебно-следственного факультета, 664024, г. Иркутск, ул. Ленина, 11; e-mail: Svetlana-kornakova@yandex.ru.

Сергеева Олеся Сергеевна – ассистент кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора, Байкальский государственный университет экономики и права, 664024, г. Иркутск, ул. Ленина, 11; e-mail: 79501313907@ya.ru.

Information about the authors

Kornakova Svetlana Viktorovna – PhD in law, associate Professor, senior assistant Professor, Department of criminal procedure and prosecutorial supervision of the Baikal state University of Economics and law, Deputy Dean of the judicial investigation Department, 664024, Irkutsk, Lenina str., 11; e-mail: Svetlana-kornakova@yandex.ru.

Sergeeva Olesya Sergeevna – assistant of the Department of criminal procedure and prosecutorial supervision of the Baikal state University of Economics and law, 664024, Irkutsk, Lenina str., 11; e-mail: 79501313907@ya.ru.

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ*

В статье рассматриваются недостатки, допускаемые при создании криминалистической характеристики преступлений террористической направленности. Отмечается, что несоблюдение выработанных в науке требований к формированию групповой, видовой криминалистических характеристик преступлений, приводит к тому, что они содержат недостоверную информацию и не могут выполнять возложенные на них функции.

Ключевые слова: криминалистическая характеристика преступлений террористической направленности; групповая криминалистическая характеристика преступлений; видовая криминалистическая характеристика преступлений; террористический акт; личность террориста.

V.N. Kitaeva

THE ISSUES OF DEVELOPING THE CRIMINALISTICS CHARACTERISTIC OF TERRORISM CRIMES

The paper analyses some mistakes made when developing the criminalistics characteristic of terrorism crimes. The author points out that as a result of poor observance of established scientific requirements for the development of group and specific criminalistics characteristic of crime such characteristics contain incorrect information and cannot perform their functions.

Keywords: criminalistics characteristic of terrorism crimes; group criminalistics characteristic of crimes; specific criminalistics characteristic of crimes; terrorism act; terrorist personality.

* Статья подготовлена в рамках гранта «Пределы ограничения прав личности в уголовном судопроизводстве в целях обеспечения национальной безопасности государства: уголовно-процессуальный и криминалистический анализ», реализуемого в рамках проектной части государственного задания Минобрнауки РФ в 2014–2016 гг. в сфере научной деятельности (номер задания 29.1247.2014/К).

Ряд авторов, занимающихся вопросами расследования преступлений террористической направленности, разрабатывают криминалистическую характеристику данных преступлений.

В криминалистике принято различать типовую, видовую, групповую криминалистические характеристики преступлений. Видовая криминалистическая характеристика преступлений представляет собой описание с криминалистической точки зрения предусмотренных уголовным законом конкретных общественно опасных наказуемых действий (бездействий) [11, с. 69]. Ряд противоправных деяний, указанных в главе Особенной части УК РФ, имеет повторяющиеся особенности, что позволяет объединить их в группы, которым будет соответствовать групповая криминалистическая характеристика преступлений [17, с. 459].

Согласно примечанию к ст. 205¹ УК РФ в группу преступлений террористического характера входят 15 видов преступлений (ст. 205, 205¹, 205², 205³, 205⁴, 205⁵, 206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279 и 360).

Изучение специальной литературы показало, что исследователи, в основном, разрабатывают видовую криминалистическую характеристику (ст. 205 УК РФ) и только в двух источниках предпринята попытка формирования групповой криминалистической характеристики преступлений террористической направленности [2; 6].

Рассмотрим качество предлагаемых видовых и групповых криминалистических характеристик названных преступлений.

Криминалистическая характеристика вида (группы) преступлений должна содержать обобщенную информацию как результат всестороннего научного исследования по специальной программе значительного массива уголовных дел по определенному виду (группе) преступлений [6, с. 762]. «Значительный массив уголовных дел» каждый исследователь трактует по-своему, т.к. в работах, посвященных криминалистической характеристике преступлений, не обсуждается, какое количество уголовных дел нужно изучить для создания криминалистической характеристики преступлений. Нам встретилась только одна публикация, в которой автор отмечал: «Для исследования криминалистической характеристики определенного вида преступлений, согласно отработанной практике научных исследований, достаточно изучить около 250 уголовных дел и по определенной анкете выявить зависимость между элементами отобранных преступлений» [14, с. 118–119].

Изучение работ, в которых представлена криминалистическая характеристика террористического акта или преступлений террористической направленности, показало, что не все авторы указывают: какое количество уголовных дел, за какой период, из каких регионов РФ они обобщили, чтобы создать криминалистическую характеристику. Так, Д.Н. Хромых (2002) [15, с. 4] изучил 153 уголовных дела по ст.205 УК РФ; В.Г. Гузиков (2003) [4, с. 10] – 19 обвинительных заключений по уголовным делам по ст. 205 УК РФ; Е.В. Давыдов (2004) [5, с. 8] – 31 обвинительное заключение по уголовным делам, возбужденным по ст. 205 УК РФ, прошедших судебное разбирательство; Т.А. Гончарова (2006) [3, с. 6] – 380 уголовных дел по ст. 205 УК РФ из Центрального федерального и Южного федерального округов за период с 1998 по 2005 гг.; В.А. Стекольников (2008) [13, с. 7] – 186 уголовных дел по ст. 205 УК РФ из г. Москвы, Южного федерального округа за период с 2003 по 2007 гг.; Ж.В. Вассалатий (2010) [2, с. 8–9] – 170 уголовных дел по ст. 205, 205.1, 205.2, 206, 208, 211, 277, 278, 279, 360 УК РФ из 9 регионов РФ; А.В. Исаков (2006) [7, с. 8] – 132 уголовных дела из г. Москвы, Московской области, г. Санкт-Петербурга, Краснодарского края, Ставропольского края и др. регионов страны. А.Г. Марутин (2011) [9, с. 7] указал 182 уголовных дела по ст. 205 УК РФ из тех же регионов, что и у А.В. Исакова. Вообще криминалистическая характеристика террористических актов А.Г. Марутина, лишь с небольшими изъятиями, слово в слово повторяет криминалистическую характеристику, предлагаемую А.В. Исаковым.

Не указали количество изученных уголовных дел О.Н. Коршунова (2003) [10, с. 129–160; 12, с. 503–518] и И.И. Артамонов (2013) [1].

Между тем в криминалистике неоднократно отмечалось, что «типовая криминалистическая характеристика вида или группы преступлений, разработанная без учета специфических особенностей конкретного, достаточно узкого региона, имеет лишь ориентировочное значение... Типовые криминалистические характеристики должны быть строго конкретными не только по месту, но и по времени: уже через год-два они могут оказаться устаревшими» [16, с. 345–346; 1, с. 90].

Таким образом, криминалистические характеристики террористических актов некоторых авторов либо вообще не могут использоваться ни в научных, ни в практических целях, либо не имеют прикладного характера.

Анализ работ авторов, указавших количество изученных уголовных дел по преступлениям террористической направленности (из каких

субъектов, за какой период), показал, что названное количество уголовных дел фактически не изучалось. Об этом свидетельствуют следующие: 1) при описании отдельных элементов криминалистической характеристики террористических актов (преступлений террористической направленности) авторы (Д.Н. Хромых, В.Г. Гузиков, Е.В. Давыдов, А.В. Исаков, А.Г. Марутин) ссылаются не на обобщенный результат в процентах, а на работы других авторов, зачастую – не криминалистов; 2) излагаемые в криминалистической характеристике преступлений примеры из практики либо не имеют ссылки на источники и описываются в публицистическом стиле [7, с. 55–58; 15, с. 37–38; 9, с. 92, 93, 95; 2, с. 57, 60, 62]; либо имеют ссылки на уголовные дела из архивов судов, но параметры номера не те, что используются в судах [13, с. 43; 2, с. 67]; либо ссылка дана на архив прокуратуры [7, с. 40, 42], где не хранятся уголовные дела, по которым вынесено судебное решение, а, следовательно, их нельзя использовать при создании криминалистической характеристики преступлений.

Некоторые авторы создают криминалистическую характеристику террористических актов по материалам возбужденных уголовных дел. Например, в кандидатской диссертации Т.А. Гончаровой эмпирическую базу исследования составила «опубликованная и неопубликованная следственная и судебная практика, в частности 380 уголовных дел, возбужденных по ст. 205 УК РФ (в Центральном федеральном и Южном федеральном округах за период с 1998 по 2005 гг.)» [3, с. 6]. В работе данного автора нет ни одной ссылки на уголовное дело, находящееся в архиве какого-либо суда. Возникает вопрос, как можно писать о характеристике личности террористов, если лица не были осуждены? А как в этом случае быть с принципом презумпции невиновности (ст.49 Конституции РФ)?

Практически все исследователи, рассматривающие криминалистические характеристики террористических актов, преступлений террористической направленности, включают в них такой элемент, как личность преступника¹.

Сравнение описания личности террористов, данное в криминалистических характеристиках разных авторов, показало следующее: 1) никто из исследователей не называет, какое количество лиц было осуждено по изученным им уголовным делам; 2) авторы, как правило,

¹ Исключение составляют указанные криминалистические характеристики преступлений, изложенные Драпкиным Л.Я., Злоченко Я.М., Шуклиным А.Е. [6].

не классифицируют террористов по возрасту, выделяя группировки; образовательному уровню, социальному положению; 3) имеются принципиальные расхождения по отдельным признакам личности преступника [8]. В тексте диссертации Т.А. Гончарова пишет: «Исполнителем-смертником террористического акта бывает, как правило, женщины (65 %)... или мужчины 20–25 лет, прошедшие службу в воинских частях РФ (или иных воинских подразделениях) либо состоящие на такой службе, учащиеся гражданских и специальных учебных заведений или обучавшихся в них ранее (35 %)» [3, с. 36]. А в Приложении № 1 к диссертации данный автор отмечает: «6. Характеристика исполнителя преступления. Пол. 1) Мужской 35 %. 2) Женский 65 %» [3, с. 185]. Получается, что все террористические акты совершаются террористами-смертниками, что расходится с данными следственной и судебной практики и результатами других исследований. Ж.В. Вассалатий в тексте диссертационного исследования среди особенностей личности преступников называет: «низкий уровень образования (68,2% имеют уровень образования ниже средне специального); без определенного рода занятий (57,5 %) или занимающие низкое социальное положение» [2, с. 58]. А в Таблице 5. «Характеристика личности преступников», Приложения 2 к работе данный исследователь указывает: «7. Социальное положение, чел.: Без определенного рода занятий – 236 (57,5 %). Руководящие работники государственных и муниципальных предприятий и структур – 50 (12,3 %). Индивидуальные предприниматели – 38 (9,2). Военный, работник правоохранительных органов, силовых структур – 323 (78,9 %). Рабочий, служащий – 109 (26,5 %) [2, с. 213]». Получается, что в основном преступления террористического характера совершают военные, работники правоохранительных органов и силовых структур!? Кроме того, если сложить приведенные цифры, то получится, что Ж.В. Вассалатий изучила личность 756 человек, совершивших преступления террористического характера. Однако если в указанной таблице обратиться к пункту 3. Пол, чел., то обнаружим, что мужчин-террористов изучено 344, а женщин-террористок 66, то есть всего исследовано 410 человек.

В криминалистике при изучении личности преступника обращают внимание на его типизацию по различным основаниям [11, с. 104–106]. Некоторые исследователи-криминалисты, описывая личность террориста по различным специальным работам, а не по результатам обобщения судебной практики, тем не менее, предлагают типологию личности террористов. В.А. Гузиков пишет: «Исполни-

тель акта террора может быть представлен двумя типологиями личности. Первая – это фанатик идеи, второй – криминальный преступник в обычном понимании, не имеющий моральных принципов, принятых в человеческом обществе» [4, с. 55–56]. Эту «типологию» исполнителей террористического акта поддерживает Е.В. Давыдов, также основываясь в своих суждениях на работах других авторов и отмечая: «К сожалению, в настоящее время отсутствуют развернутые характеристики личности террориста даже на репрезентативном уровне. Поэтому мы можем располагать лишь отдельными, разрозненными сведениями по этому поводу» [5, с. 48, 53].

Таким образом, изучение видовых и групповых криминалистических характеристик преступлений террористической направленности показало следующие существенные недостатки, допускаемые при их составлении:

1) Некоторые авторы строят криминалистическую характеристику указанных преступлений, не обобщая материалы уголовных дел.

2) Другие авторы используют сведения из возбужденных уголовных дел, а не из уголовных дел, по которым имеется вступивший в законную силу обвинительный приговор, постановление о прекращении уголовного дела за смертью подозреваемого.

3) Часть авторов использует не репрезентативное количество уголовных дел (19, 31).

4) Авторы завышают количество изученных уголовных дел.

5) Часто авторы заменяют обобщение уголовных дел, обобщением специальной литературы.

В итоге, можно с уверенностью сказать, что в том виде, в каком предлагают авторы криминалистические характеристики преступлений террористической направленности, они не нужны, т.к. содержат недостоверную информацию.

Список использованной литературы

1. Артамонов И.И. Роль криминалистической характеристики преступлений в раскрытии террористических актов // Вестник Национального антитеррористического комитета. 2013. № 1 (8). С. 83–91.

2. Вассалатий Ж.В. Методика расследования преступлений террористического характера : дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2010. 220 с.

3. Гончарова Т.А. Первоначальный этап расследования терроризма : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 199 с.
4. Гузиков В.Г. Особенности технико-криминалистического обеспечения пресечения, раскрытия и расследования преступлений, связанных с терроризмом : дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2003. 191 с.
5. Давыдов Е.В. Техничко-криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования актов терроризма, совершенных с применением взрывных устройств : дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2004. 216 с.
6. Драпкин Л.Я., Злоченко Я.М., Шуклин А.Е. Гл.40. Расследование преступлений террористической направленности // Криминалистика / под ред. Л.Я. Драпкина. М., 2013. С. 762–767.
7. Исаков А.В. Расследование преступлений террористического характера, совершаемых путем взрывов : криминалистические и уголовно-процессуальные аспекты : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 213 с.
8. Китаев Н.Н., Китаева В.Н. Использование судебной экспертизы при изучении личностных особенностей террористов // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2014. № 3. С. 55–62.
9. Марутин А.Г. Расследование террористического акта : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2011. 208 с.
10. Преступления террористической направленности: уголовное преследование на досудебных стадиях / под науч. ред. О.Н. Коршуновой. СПб. : Юридический центр Пресс, 2003. 435 с.
11. Рубцов И.И. Криминалистическая характеристика преступлений: генезис, понятие, проблемы. СПб. : С.-Петерб. ун-т МВД России, 2002. 174 с.
12. Руководство для государственных обвинителей / под ред. О.Н. Коршуновой. СПб. : Юридический центр Пресс, 2003. 688 с.
13. Стекольников В.А. Раскрытие и расследование террористических актов, совершаемых с применением оружия и взрывных устройств : дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2008. 197 с.
14. Халиков А. Вопросы криминалистической характеристики преступлений в практике расследования уголовных дел // Уголовное право. 2006. № 1. С. 116–119.

15. Хромых Д.Н. Методика расследования актов терроризма с использованием взрывных устройств : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2002. 215 с.
16. Филиппов А.Г. Проблемы криминалистики. Избранные статьи. М. : Юрлитинформ, 2007. 352 с.
17. Шурухнов Н.Г. Криминалистика. М. : Юрист, 2005. 639 с.

Информация об авторе

Китаева Валентина Николаевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики, судебных экспертиз и юридической психологии, Байкальский государственный университет экономики и права, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11.; e-mail: kivanic@mail.ru.

Information about the author

Kitaeva Valentina Nikolaevna – Candidate of Law, Associate Professor of Department of Criminal Procedure, Forensic Science and Juridical Psychology, Baikal National University of Economics and Law, 11, Lenin str., Irkutsk, 664003; e-mail: kivanic@mail.ru.

УДК 343.98

С.А. Машков

АКТУАЛЬНЫЕ НАИМЕНОВАНИЯ ТЕХНИЧЕСКИХ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ

В статье автор осуществляет анализ вопроса названий технических оперативно-розыскных мероприятий, которые устарели и не соответствуют их фактическому содержанию.

Автор обращает внимание на отставание законодательства в этой сфере права и предлагает новые дефиниции оперативно-розыскных мероприятий: «прослушивание телефонных переговоров» и «снятие информации с технических каналов связи».

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, оперативно-розыскные мероприятия, закон об ОРД, прослушивание телефонных переговоров, снятие информации с технических каналов связи.

S.A. Mashkov

ACTUAL NAMES OPERATIONAL-SEARCH ACTIONS

In the article the author analyses the question of the names of technical operational-search actions that are obsolete and do not correspond to the actual content.

The author draws attention to the backlog of legislation in this area of law and offers a new definition of operational-search actions: «wiretapping» and «the removal of information from technical communication channels».

Keywords: operatively-search activity, operational-search actions, the law on OSA, wiretapping, the removal of information from technical communication channels.

На сегодняшний момент, можно обоснованно констатировать, что наименование таких технических оперативно-розыскных мероприятий (далее по тексту – ОРМ), как «прослушивание телефонных переговоров», «снятие информации с технических каналов связи» не соответствует их фактическому содержанию и возможностям осуществления.

Это вполне объяснимо. С момента принятия Федерального закона от 12 августа 1995 года № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Закон об ОРД) прошло уже 20 лет. За это время изменилось действующее специальное законодательство в сфере услуг связи и информации, возникли новые технологии и технические возможности, судебная и правоприменительная практика выработала эмпирическое понимание этих терминов, которое во взаимосвязи с конституционными и международными нормами права оказалось шире их буквального значения [1, с. 97–101]. Активное применение данного нормативно-правового акта показало очевидность того, что это «работающий» закон, практика реализации которого широка и неоднозначна. Об этом же свидетельствуют факты многочисленных изменений и дополнений данного закона [2, с. 145–151].

При этом с даты принятия закона – 1995 года изменения не касались перечня и наименования оперативно-розыскных мероприятий (ст. 6 Закона об ОРД)¹. В то же время, с сожалением можно констатировать, что понятия, которыми оперирует Закон об ОРД при наименовании оперативно-розыскных мероприятий, существенно устарели. Особенно это касается соответствия названий ОРМ их техническим и информационным возможностям. Речь, в частности, идет о таких технических оперативно-розыскных мероприятиях, как «прослушивание телефонных переговоров», «снятие информации с технических каналов связи».

Созрела оправданная потребность редактирования Закона об ОРД в этой части, что обусловлено необходимостью актуализации положений Закона об ОРД с законодательством других отраслей права и изменений потребности практики в связи с расширением возможностей оперативно-розыскной деятельности. Закон должен быть актуальным, понятным, исполняемым и точным, тем более закон, который регламентирует правила ограничения прав, свобод и интересов человека и гражданина, гарантированные Конституцией РФ. О Законе об ОРД на данный момент времени этого сказать нельзя.

Закон об ОРД в части наименований ОРМ, во-первых, содержит термины, которые специальное законодательство о связи и информации вообще не использует, во-вторых, правовые и технические возможности ОРМ стали шире их названия, что находит отражение как в практике их осуществления, так и в судебных постановлениях высших судов Российской Федерации. Данная ситуация на практике «сглаживается» правоприменителями и судебными органами, чего быть не должно. Это в свою очередь порождает многочисленные дискуссии в теории, а также неоднозначность, противоречивость правоприменительной и судебной практики. Эти же вопросы стали предметом неоднократного обращения граждан, судов разных уровней, правоохранительных органов с жалобами и запросами в Конституционный суд Российской Федерации, фактически взявшего на себя роль легального толкователя норм Закона об ОРД с точки зрения понимания его коллизий и пробелов.

¹ Исключением является Федеральный закон от 05.01.1999 № 6-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности», которым совершенно обоснованно термин «опрос граждан» сократили до термина «опрос».

Так, Конституционный Суд Российской Федерации своим Определением от 02 октября 2003 г. № 345-О к понятию «тайна телефонных переговоров» отнес «комплекс действий по защите информации, получаемой по каналам телефонной связи, независимо от времени поступления, степени полноты и содержания сведений, фиксируемых на отдельных этапах ее осуществления». А данную информацию определил как «любые сведения, передаваемые, сохраняемые и устанавливаемые с помощью телефонной аппаратуры, включая данные о входящих и исходящих сигналах соединения телефонных аппаратов конкретных пользователей связи». Следовательно, ни форма, ни объем, ни вид этой информации значения не имеют. Главным критерием является ее возникновение при использовании «каналов телефонной связи» и «телефонной аппаратуры». То есть, под телефонными переговорами Конституционный суд РФ предложил понимать, не только информацию речевого (голос, содержание разговора и т.п.) и иного слухового плана (звуковой фон, присутствие иных лиц и устройств, звуки технического плана: сигналы соединения, помехи, эхо и т.п.), но и любую иную информацию технического (факты соединений, их время и место и т.п.) и индивидуализирующего аспектов (телефонный номер, IMAI аппарата и т.п.). Таким образом, максимально расширительно толкуя понятие «телефонных переговоров», Конституционный суд РФ, по сути, обозначил проблему: наименование данного ОРМ значительно уже его смыслового и содержательного плана.

Также к минусам термина «прослушивание телефонных переговоров» следует отнести его необоснованную ограниченность «прослушиванием». При буквальном толковании получается, что если абоненты общаются не звуковыми способами, а, например, иными сигналами: количество вызовов, продолжительность соединения и т.п., то и прослушивать нечего. Но это привело бы к потере фактических данных, которые могут иметь значение для достижения целей ОРД в целом и конкретного ОРМ в частности. Также «прослушивание», по сути, исключает иные способы контроля в рамках данного ОРМ, которые на самом деле широко и обоснованно применяются в его рамках практическими работниками: «запись», «прерывание», «определение местонахождения», «отслеживание маршрута движения», «время соединения и его продолжительность», «количество и периодичность соединений» и т.п.

В контексте вышеизложенного и для адекватного с технической точки зрения наименования данного ОРМ, следует обратиться к нормам Федерального закона от 7 июля 2003 года № 126-ФЗ «О связи» (далее – Закон о связи) и Правил оказания услуг телефонной связи, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 09 декабря 2014 г. № 1342. Данные нормативные акты вообще не используют понятия «телефонные переговоры». Однако применяют следующий термин – «телефонное соединение», под которым понимается «установленное в результате вызова взаимодействие между средствами связи, позволяющее абоненту и (или) пользователю услуг телефонной связи передавать и (или) принимать голосовую и (или) неголосовую информацию». Данная дефиниция полностью коррелируется с ранее озвученной позицией Конституционного суда РФ относительно содержания тайны телефонных переговоров. Поэтому было бы логично при определении данного ОРМ вместо термина «телефонных переговоров» использовать термин «телефонное соединение».

Что касается термина «прослушивание», то его можно обоснованно заменить термином «контроль», который является более широким и включает как прослушивание, так и получение иной информации в процессе осуществления данного ОРМ, а также другие активные и пассивные действия оперативных сотрудников при осуществлении данного ОРМ.

В итоге получается следующее наименование ОРМ – «контроль телефонных соединений», которое отвечает как действующему законодательству, так и широкому пониманию данного ОРМ в актах легитимного толкования.

В целях более корректного наименования такого ОРМ как «снятие информации с технических каналов связи» также необходимо обратиться к Закону о связи, Федеральному закону от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (далее – Закон об информации) и иным нормативно-правовым актам данной отрасли права.

Действующее специальное законодательство в области связи и информации также не содержит термина «технический канал связи», но оно употребляется в непрофильных законах (например, Федеральный закон от 12.06.2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»), которые его понятия не раскрывают, а необоснованно употребляют как устоявшийся бытовой термин.

Закон о связи оперирует понятием «сеть связи», под которым понимает «технологическую систему, включающую в себя средства и линии связи и предназначенная для электросвязи или почтовой связи». При этом «средства связи – это технические и программные средства, используемые для формирования, приема, обработки, хранения, передачи, доставки сообщений электросвязи или почтовых отправок, а также иные технические и программные средства, используемые при оказании услуг связи или обеспечении функционирования сетей связи, включая технические системы и устройства с измерительными функциями», а «линии связи – это линии передачи, физические цепи и линейно-кабельные сооружения связи».

Можно сделать обоснованный вывод, что используемый в Законе об ОРД термин «канал связи» по сути является «сетью связи», так как его ограничение «средством связи» или «линией связи» необоснованно и в практической деятельности данное ОРМ предполагает «снятие информации» и со «средств» и с «линий».

Под информацией при этом в Законе об информации понимается «сведения, сообщения и данные независимо от формы их представления, то есть действий, направленных на ее получение определенным кругом лиц или передачу информации неопределенному кругу лиц». То есть не имеет значение ни форма информации, ни ее содержание, ни факт и способ ее фиксации к моменту проведения ОРМ. Более того, ее фиксация (документирование) может быть исключительно результатом данного ОРД.

Дефиниция «снятие информации» также представляется некорректной, так как если взять его прямое значение, то приходишь к выводу, что «снять» можно лишь уже имеющуюся, зафиксированную информацию. А потребности ОРД в информации значительно шире: это и отслеживание информации в режиме реального времени, и ее фиксация и сохранение в нужном формате и форме, и ожидание поступления информации для ее перехвата, и ее преобразование и расшифровка в текущем режиме, и даже ее изменение, удаление и многое другое. Практика также идет не столько по принципу догонять путем «снятия», а больше по принципу опережения путем «контроля» как «прошлой» информации, так и «текущей» и, конечно, «будущей». Иначе достичь всех целей ОРД просто невозможно.

В связи с этим ОРМ «снятие информации с технических каналов связи» более правильно именовать – «контроль сетей связи». Это

понятие будет отвечать как содержательной сути и задачам данного ОРМ, так и техническим определениям, применяемым действующим законодательством в этой сфере.

Предложенные нами понятия ОРМ также отвечают требованиям лаконичности (внешней краткости) и лапидарности (смысловой емкости). Они точны, не являются «выдуманными юристами», значение терминов, используемых при определении данных ОРМ, раскрыто в Законе о связи и ином специальном законодательстве.

Предлагаемые актуализированные наименования ОРМ («контроль телефонных соединений» и «контроль сетей связи») необходимо внести в Закон об ОРД на смену устаревшим терминам («прослушивание телефонных переговоров» и «снятие информации с технических каналов связи»), что, несомненно, положительным образом скажется на практике применения Закона об ОРД.

Список использованной литературы

1. Машков С.А. Прослушивание телефонных и иных переговоров – вопросы законодательного регулирования и правоприменительной практики // Государство и право. 2006. № 9. С. 97–101.

2. Машков С.А. Подсудность вопроса о даче разрешения на проведение оперативно-розыскных мероприятий // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2013. С. 145–151.

3. Конституция Российской Федерации // Рос. газ. 2009. 21 янв.

4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации // Рос. газ. 2001. 22 дек.

5. Об оперативно-розыскной деятельности : федер. закон от 12 авг. 1995 г. № 144-ФЗ // Рос. газ. 1995. 18 авг.

6. О связи : федер. закон от 7 июля 2003 г. № 126-ФЗ // Рос. газ. 2003. 10 июл.

7. Об информации, информационных технологиях и о защите информации : Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ // Рос. газ. 2006. 29 июля.

8. Правила оказания услуг телефонной связи : утв-ен постановлением Правительства Российской Федерации от 9 декабря 2014 г. № 1342 // СЗ РФ. 22.12.2014. № 51. Ст. 7431.

9. Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Советского районного суда города Липецка о проверке конституционности части

четвертой статьи 32 Федерального закона от 16 февраля 1995 года «О связи» : определение Конституционного Суда РФ от 02.10.2003 г. № 345-О // Рос. газ. 2003. 10 дек.

Информация об авторе

Машков Сергей Александрович – кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики, судебных экспертиз и юридической психологии, Байкальский государственный университет экономики и права, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, д. 11; e-mail: kubik_um@mail.ru.

Information about the author

Mashkov Sergey Alexandrovich – Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure, Forensic Science and Juridical Psychology, Baikal National University of Economics and Law, 11 Lenin st., Irkutsk, 664003; e-mail: kubik_um@mail.ru.

УДК 343.9

**А. А. Протасевич,
Л. В. Телешова**

ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА В КОНТЕКСТЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ СЕРИЙНЫХ УБИЙСТВ

Статья посвящена понятию личности серийного убийцы в контексте криминалистической характеристики серийных убийств, как особой категории преступлений против личности. Проведен анализ отдельных категорий: зарубежные и отечественные серийные убийцы, а также серийные убийцы-женщины. Проведен сравнительный анализ серийных убийц времен СССР и современной России.

Ключевые слова: серийное убийство, личность серийного убийцы, серийные убийцы-женщины, криминалистическая характеристика серийного убийства.

THE FEATURES OF OFFENDER'S IDENTITY IN THE CONTEXT OF THE CRIMINALISTICS CHARACTERISTIC OF SERIAL MURDERS

The article is devoted to the concept of the identity of a serial murderer in the context of criminalistics characteristic of serial murders, as a special category of offences. The analysis of the separate categories: foreign and domestic serial murderers, and female serial murderers. There is the comparative analysis of serial murderers of the Soviet Union and modern Russia.

Keywords: serial murder, the identity of serial murderer, female serial murderers, criminalistic characteristic of serial murder.

Личность преступника – серийного убийцы с огромной степенью вероятности можно назвать центральным элементом криминалистической характеристики данного вида преступлений, ведь именно этим элементом обусловлена вся уникальность явления серийных убийств. Личность преступника – это первоисточник всех главных отличий категории серийных убийств от форм множественности преступлений.

Категория «личность» раскрывается во многих научных дисциплинах, в первую очередь это психология, но понятие «личность преступника» не носит чисто психологического характера, оно вобрало в себя особенности криминалистического и криминологического характера. Таким образом, представляется, что личность преступника будет верно определять с помощью основ общей и юридической психологии.

Основываясь на вышесказанном, определим личность как систему социально-значимых качеств индивида, меру овладения им социальными ценностями и его способность к реализации этих ценностей [2, с. 188].

Под личностью преступника понимается совокупность негативных социальных и социально значимых свойств и качеств человека, которые во взаимодействии с внешними обстоятельствами (ситуацией) привели его к совершению преступления [6, с. 127].

Считается, что, как правило, лица, совершающие убийства, отличаются аморальными наклонностями, дерзким и циничным поведением в быту, пристрастием к алкоголю. Жертвы убийц также нередко характеризуются отрицательно, иногда своими действиями они фактически провоцируют преступление [3, с. 319]. Данная характеристика относится к простым убийствам, так как ни в одном учебнике по криминалистике читатель не встретит выделения криминалистической характеристики серийных убийств в отдельную главу. И справедливо ли указанное утверждение для характеристики личности серийного убийцы, это мы и попытаемся выяснить.

Проводя анализ категории «личность серийного убийцы» необходимо разграничивать понятия «личность серийного убийцы» и «портрет серийного убийцы». Под личностью серийного убийцы как мы уже определили, понимается совокупность негативных социальных и социально значимых свойств и качеств человека, а под портретом серийного убийцы мы будем понимать целостную совокупность характеристик, которая включает в себя: психологический портрет, криминологическую и криминалистическую характеристики.

Психологический портрет носит условный характер, так как отражает не только психологию человека и может содержать в себе следующие признаки:

- пол;
- раса (а иногда и национальная принадлежность);
- возраст;
- общая характеристика личности и преобладающая мотивация преступлений;
- уровень образования, профессиональная квалификация, интеллект, род занятий;
- индивидуальные признаки личности (привычки, хобби, склонности, навыки и т. д.);
- район места жительства;
- район места работы (службы учебы);
- социоэкономический уровень;
- особенности происхождения (родительской семьи) и личной истории жизни;
- семейное положение, стабильность семейной жизни, наличие детей;
- отношение к отдельным видам деятельности (к службе в армии, к спорту и т. п.);

- наличие психической или иной патологии;
- поведение до, в момент и после совершения преступления;
- наличие аналогичного и иного преступного опыта и вероятность рецидива [4, с. 307–308], [1, с. 300].

Портрет, помимо названных, может включать и другие признаки, которые отражают значимые и информативные в определении направлений розыскной работы черты преступника [5, с. 70].

Особенность психологического портрета состоит в том, что он составляется по материалам уголовных и оперативных дел, то есть он содержит признаки предполагаемого неизвестного преступника.

Криминологическая характеристика представляет собой совокупность, систему черт, либо свойств, которые характеризуют лицо, совершившее преступление.

Свойства, которые образуют криминологическую характеристику:

- 1) социально-демографические свойства личности преступника;
- 2) уголовно-правовые;
- 3) социальные роли и статусы: в общественно-политической сфере; в сфере общегражданских отношений; в производственной; в семейно-бытовой; в сфере досуга;
- 4) нравственно-психологические свойства;
- 5) психические свойства: уровень умственного развития (интеллект); способности, навыки, умения, привычки; особенности протекания эмоциональный процессов; эмоциональные свойства, волевые свойства; потребности.

Криминалистическая характеристика лица, совершившего преступление, составляется в комплексе криминалистической характеристики определенного вида преступлений в целом. Для каждого вида преступлений существует характеристика преступника, состоящая из общих черт, присущих большей части лиц, совершивших данный вид преступления, к ним относятся пол, возраст, национальность, социальный статус, материальное положение, отношение к определенным общественным группам и так далее.

Как видно из вышеизложенного, все три характеристики в своем составе имеют несколько одноименных пунктов. Разница состоит в том, что каждая из перечисленных характеристик составляется для разных целей, при наличии различного объема информации о личности преступника и на различных этапах в расследовании преступления.

Характеризуя личность серийного убийцы, важно разграничивать портрет зарубежного и отечественного серийного убийцы. Возможно проведение сравнительного анализа.

Таблица 1

**Сравнительный анализ портретов зарубежных
и отечественных серийных убийц**

Зарубежные серийные убийцы	Отечественные серийные убийцы
Белая раса	Славянская раса
Зрелый возраст (близкий к 30 годам и старше)	Возрастные категории: до 20 лет, 20–35 лет
Уровень интеллекта: – организованный несоциальный тип: высокий, средний; – дезорганизованный асоциальный тип: низкий	
Профессии, которые удовлетворяют их потребности в насилии	
Обстановка в семье: 1. Неполные семьи; властная мать подавляет отца; в детстве становились жертвами насилия в семье; родители – алкоголики, токсикоманы, у самих убийц этих пагубных пристрастий не наблюдается. 2. Семьи внешне благополучны, родители уделяют много внимания интеллектуальному и физическому развитию ребенка, оставляя без внимания эмоциональную сферу	
Симптомы триады «Макдональда»: жестокость по отношению к животным, поджоги, ночное недержание мочи	
Навыки социальной манипуляции	
Асоциальная личность без очевидных психических расстройств, но с аномалиями характера и поведения (психопат, социопат)	

Как видно из таблицы, сравнительный анализ по основным показателям характеристики рассматриваемого типа лиц в России и за ее пределами совпадают. Различные характеристики формируются под влиянием определенных факторов, к примеру, таких как уровень жизни и социального благополучия на той территории, где проживает преступник, время и обстоятельства, которые сопровождают убийства и т. п.

Julie B. Wiest в своей книге «Creating cultural monsters: serial murder in America» (Создание культурных монстров: серийное убийство в Америке) анализирует биографию 15 серийных убийц, попытаемся представить собранные автором книги данные как можно более наглядно.

Общее количество серийных убийц в исследовании: 15 человек;
Пол: мужчины – 14, женщины – 1.

Раса: белой расы – 12; афроамериканцы – 2; мексиканец – 1.

Возраст на момент первого убийства: до 30 лет – 8; от 31 до 50 лет – 7.

Уровень интеллекта: низкий – 2; средний – 9; высокий – 5.

Успеваемость в школе: плохая – 12; средняя – 1; хорошая – 2;

Уровень социальной адаптации: адаптированы – 5; неадаптированный – 11.

Трудовая деятельность на момент задержания: постоянная работа – 10; непостоянная работа – 4; безработный – 1;

Семейное положение: женат/замужем – 3; неженат/не замужем/разведен – 12; наличие детей – 8; отсутствие детей – 7.

Служба в армии (для 14 мужчин): служил – 5; не служил – 9.

Интерес к военной/правоохранительной работе: имел – 3; не имел – 12.

Из представленных данных можно составить усредненный портрет зарубежного серийного убийцы по указанным критериям:

Серийный убийца – это мужчина белой расы старше 30 лет со средним или высоким уровнем интеллекта, имеющий постоянную работу или бизнес, неженатый или разведенный, не служивший в армии и не проявляющий интерес к службе в правоохранительных органах. Данное описание составлено для портрета зарубежного серийного убийцы, однако существенной разницы между зарубежными и отечественными серийными убийцами не установлено. И такое описание не в коей мере не соответствует той характеристики серийного убийцы, которая была приведена в начале статьи и служила для описания простого убийцы.

Не следует забывать и о необходимости анализа личности серийных убийц – женщин. Когда мы слышим выражение «серийный убийца – женщина», возникает некоторое противоречие: серийный убийца – человек, совершивший убийства, одно за другим, лишивший жизни многих людей и женщина – дающая и оберегающая жизнь, объект восхищения и поэтического воспевания. Тем не менее, фактом остается то, что история криминалистики знает случаи совершения женщинами серийных убийств, случаи, на первый взгляд, редкие, но не исключительные. Отличительными признаками «женских» серийных убийств является механизм совершения преступлений и мотив. Попробуем разобраться в этих особенностях.

Для начала необходимо провести полный сбор информации о случаях серийных убийств, совершенных женщинами, исходя их то-

го, что численность таких преступлений не велика, произведена попытка включить в анализ все известные случаи, по которым имеется достаточно информации для проведения подобного анализа. О проведенной работе получены следующие результаты:

Распределение по государствам

- 1) США 57 %;
- 2) Страны Европы 16,5 %;
- 3) Россия (СССР) 16,5 %;
- 4) Мексика 10 %.

По способу убийства

- 1) отравление 52 %;
- 2) удушение 14 %;
- 3) истязания 14 %;
- 4) применение огнестрельного оружия 5 %;
- 5) применение холодного оружия 5 %;
- 6) не прослеживается доминирующего способа 10 %.

По мотиву

- 1) корыстный 48 %;
- 2) личная неприязнь 9,6 %;
- 3) месть 9,6 %;
- 4) следование политическому режиму 9,6 %;
- 5) ревность 5 %;
- 6) неустановлен 18,2 %.

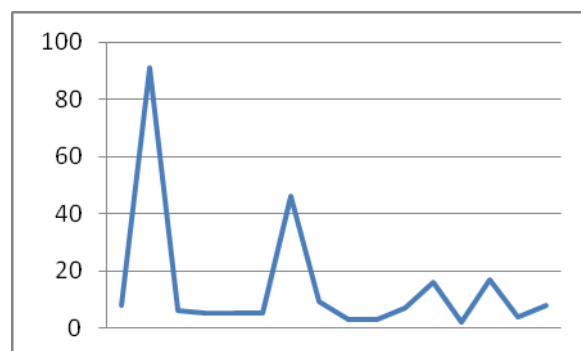
По сексуальной ориентации

- 1) гетеросексуальны 96,7 %;
- 2) гомосексуальны 3,3 %.

Семейное положение

- 1) состояли в браке 64,5 %;
- 2) нет данных 35,5 %.

Интересный результат дает динамика количества жертв серийных убийц-женщин за период после времен произвола над слугами и подданными и Второй мировой войны (рис.). Количество жертв постепенно снижается, и приобретает стабильный характер (за исключением скачка до уровня 46 жертв Дженни Джонс, для построения графика использовано максимальное количество предполагаемых жертв, минимальное количество 11 человек), вне зависимости от факторов политической, экономической и социальной среды разных государств мира. Что позволяет прогнозировать удержание установленного уровня по количеству жертв серийных убийц-женщин.

Динамика количества жертв 1949–2010 гг.

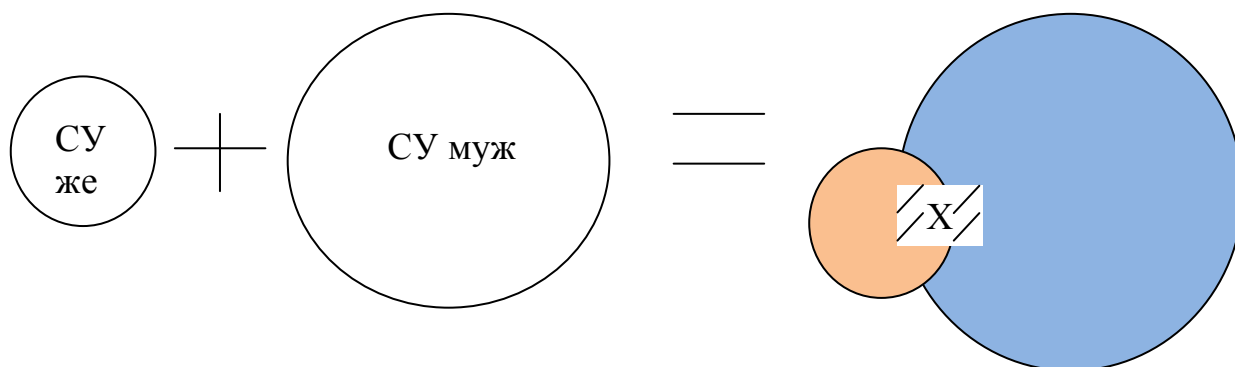
Анализ дает нам возможность построить обобщенный портрет серийного убийцы-женщины: женщина, состоящая или состоявшая в браке, имеющая детей, предпочтительный способ совершения убийств – отравление, преступление совершается из корыстных побуждений, практически всегда жертвами отравления становятся члены семьи, дети, любовники и люди из непосредственного круга общения.

Как было сказано ранее для «почерка» серийных убийц-женщин характерен отличительный способ совершения преступления – отравление. Почему 52 % серийных убийц-женщин избирают именно этот способ? Ответ кажется очевидным: невозможность применения физической силы для достижения результата. На самом деле все не так однозначно, ведь жертвами очень часто становились их собственные дети и престарелые родители, которые значительно уступали в своей физической силе молодым здоровым женщинам. Здесь способ совершения преступления выступает в плотной связке с мотивом, в 48% случаев был установлен корыстный мотив совершения преступления: получение страховых выплат, устранение наследников, личное обогащение и т.п. В таком случае смерть жертв не должна вызывать подозрений и притягивать излишнего внимания. Симптомы отравления ядом схожи с симптомами банального пищевого отравления.

Далее по частоте встречаемости следуют такие способы убийства как истязания (14 %) и удушение (14 %), здесь уже явно прослеживается применение физического насилия к жертвам. Жертвами выступают дети, старики, заключенные концентрационного лагеря – что вполне объяснимо, выбор слабой жертвы характерен и для серийных убийц-мужчин.

Нельзя рассматривать все серийные убийства как простую сумму убийств, совершенных женщинами и убийств, совершенных мужчинами.

ми. Существует некоторая область пересечения, связанная с половой самоидентификацией убийц, а также убийц, совершивших преступления, нетипичным для их пола, возраста, социального положения способом (такие убийства отмечены в представленной схеме как «X»).

Такой формулой можно выразить соотношения некоторых парных признаков, характеризующих серийных убийц на предмет какого-либо значительного критерия, в нашем случае таким критерием выступает способ совершения преступления, например, пол: мужской, женский; уровень благосостояния: малоимущие, обеспеченные; процесс взросления: в полной, не полной семье; имело ли место насилие в процессе воспитания: имело, не имело и т.д. И практически в каждом случае мы сможем наблюдать образование той области пересечения, с которой мы столкнулись при решении вопроса о месте серийных убийц с нарушением половой идентификации среди серийных убийц в целом. Случаи, относящиеся именно к этой области, зачастую вводят в заблуждение при расследовании преступлений, и даже на этапе осуществления первоначальных следственных действий. Необоснованное предубеждение относительно личности серийного убийцы и ее значимых признаков может привести к новым жертвам и потере драгоценного времени. Личность серийного убийцы как ключевого элемента криминалистической характеристики данного вида преступлений требует более обширного анализа, выстраивание четко организованной структуры и системы исследовательских направлений, а также грамотного и адекватного синтеза полученных данных.

Интересен вопрос об изменениях личности серийных убийц в хронологической динамике, а также в контексте политических и геополитических перемен. Ярким примером может послужить сравнительный анализ серийных убийц СССР и современной России. В таб-

лице 2 представленная сравнительная характеристика серийных убийц времен СССР и современной России.

Таблица 2

Сравнительная характеристика серийных убийц СССР и России

Критерий	СССР	Россия
Социально-демографическая характеристика личности преступника	Семейный человек, полноценный член советского общества, возраст: 30–45, пол: мужской, «одиночки»	Группа молодых людей, в большинстве своем из неполных семей, без постоянного места работы или преобладающего вида деятельности, возраст: 14–30, пол: мужской
Доминирующий мотив	сексуальный	самоутверждение
Способ совершения	Насильственные действия сексуального характера, удушение, многочисленные ножевые удары	Забивали жертв молотками, битами, удушение
Характеристика следов преступления	Локализованы на теле жертвы и в непосредственной близости от нее, некоторые уносили трофеи	Локализованы на теле жертвы, фото- видеосъемка, хранение видеозаписей процесса совершения преступления
Способ сокрытия следов	Сокрытие трупов	Демонстрация трупов, частей тела трупов, видеозаписей
Характеристика личности жертвы	Женщины, дети	Неблагополучные слои общества, женщины, дети

Как видно из таблицы такой элемент криминалистической характеристики как «личность преступника» изменился по большинству пунктов. Динамика количественных показателей (число серийных убийц, количество жертв и т. п.) не столь важна как качественные характеристики (способ и механизм совершения преступлений, мотив и т. д.).

Проводя анализ серийных убийств, совершенных в России, Украине и Белоруссии, начиная с 2000 года, можно выявить ряд тенденций изменения личности преступника, причем изменения это разительные. Серийные убийцы «помолодели», т.е. возраст, с которого они начинают совершать преступления, впоследствии превратившиеся в серии, значительно снизился. Если раньше серийные убийцы в большинстве своем были людьми зрелого возраста, то теперь это мо-

лодые люди, чей возраст варьируется в пределах от 14 до 30 лет. Большая часть этих молодых людей выросла в неблагополучных семьях, образование среднее, средне-специальное, уровень интеллекта средний (участники банды «Магия крови», Каримов Дмитрий, Ануфриев Артем, Лыткин Никита). Но имеет место быть и диаметрально противоположная ситуация: дети росли в полных, благополучных семьях, в достатке, не зная нужды, получали достойное образование, и тем не менее совершали жестокие, изощренные убийства (Днепропетровские маньяки).

Если искать тенденции в серийных убийствах последних пяти-шести лет, то можно отметить, что серийные преступления совершаются группой лиц (двумя и более лицами), с использованием средств видео- и фотосъемки своих преступлений, зачастую данные материалы выкладываются в информационно-телекоммуникационной сети Интернет на специальных сайтах, пропагандирующих насилие, жестокость или вражду в отношении определенных групп населения. Совершая такие действия, убийцы стремятся похвастаться своими «подвигами», возможно, обозначить свою гражданскую позицию.

Авторы статьи провели анализ портретов зарубежных серийных убийц, серийных убийц СССР и современных российских серийных убийц, в том числе серийных убийц-женщин, и пришло время сравнить их, с приведенной в самом начале статьи характеристикой убийцы, которая обычно включается в состав криминалистической характеристики убийств и приводится в большинстве учебников по криминалистике. Подходят ли серийные убийцы под описание дикого, малообразованного, одиночки с аморальным поведением и пристрастием к алкоголю, по всей видимости – нет. Этим и обуславливается необходимость рассмотрения серийных убийств как особой категории преступлений против личности, и оказание особого внимания такому элементу криминалистической характеристики серийных убийств как личность преступника.

Список использованной литературы

1. Богомолова С., Образцов В. «Психологический профиль» на службе полиции США // Записки криминалистов. М., 1994. Вып. 4. С. 292–305.
2. Еникеев М.И. Основы общей и юридической психологии : учебник для вузов. М. : Юристъ, 1996. 631 с.

3. Криминалистика : учебник / под ред. А.Г. Филиппова. М. : Высш. образование, 2007. 448 с.

4. Петухов В. О разработке в России психологических портретов лиц, совершающих серийные преступления против личности // Записки криминалистов. М., 1994. Вып. 4. С. 305–309.

5. Протасевич А.А. Поисковый портрет преступника как интегративная система. Иркутск : Изд-во ИГЭА, 1998. 108 с.

6. Репецкая А.Л., Рыбальская В.Я. Криминология. Общая часть : учеб. пособие. Иркутск : Изд-во ИГЭА, 1999. 239 с.

Информация об авторах

Протасевич Александр Алексеевич – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, декан Судебно-следственного факультета, Байкальский государственный университет экономики и права 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11; e-mail: dekssf@isea.ru.

Телешова Любовь Вячеславовна – аспирант, кафедра криминалистики, судебных экспертиз и юридической психологии, Байкальский государственный университет экономики и права, инспектор по кадрам деканата заочного обучения судебно-следственного факультета, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11. E-mail: tolkacheva-91@mail.ru.

Information about the authors

Protasevich Alexandr Alekseevich – Doctor of Law, Professor, Head of Judicial-Investigation Faculty, Baikal National University of Economics and Law, 11, Lenin St., Irkutsk, 664003; e-mail: dekssf@isea.ru.

Teleshova Lyubov Vyacheslavovna – Post-graduate student, Department of Criminal Procedure, Forensic Science and Juridical Psychology, Baikal National University of Economics and Law, inspector of the correspondence course of the Judicial-Investigation Faculty, 11, Lenin St., Irkutsk, 664003; e-mail: tolkacheva-91@mail.ru.

КЛАССИФИКАЦИЯ ИСТОЧНИКОВ ИНФОРМАЦИИ О ЛИЦЕ, СОВЕРШИВШЕМ ПРЕСТУПЛЕНИЕ

В статье предлагается классифицировать информационную составляющую следственных ситуаций при расследовании преступления, совершенного в условиях неочевидности, по видам имеющихся следов, которые могут стать источниками информации о преступнике. Большинство ученых классифицируют следы, основываясь на специфике отображаемых объектов, условиях формирования следов, либо характере информации, содержащейся в них. В статье предлагается классификация следов, основанная на характеристике природы и функциональной предназначенности воспринимающего объекта, которая обуславливает специфику работы со следами на нем.

Ключевые слова: свойства и признаки человека, следы преступления, неизвестный преступник.

A.V. Sibilkova

CLASSIFICATION OF INFORMATION ABOUT THE PERPETRATOR OF THE CRIME

The article proposes to classify the informational contents of investigative situations in the investigation of crime committed in conditions of non-obviousness, by types of existing traces, which can be a source of information about the offender. Most scientists classify the traces based on the specifics of displayed objects, the conditions of formation of traces or the nature of the information contained in them. The article proposes a classification based on characteristic nature and functional purpose of perceiving the object, which leads to the specificity of work with traces on it.

Keywords: a features and characteristics of a human, the vestiges of a crime, an unknown offender.

Ученые-криминалисты придают большое значение информационной составляющей расследования преступления [11; 4, с. 140; 13; 5, с. 46]. Наиболее сложным раскрытие и расследование преступления представляется тогда, когда отсутствует информация, которая позво-

лила бы изобличить конкретного человека в совершении им преступления, поэтому имеет смысл детализация информационной составляющей расследования преступления.

И.Ф. Герасимов классифицировал следственные ситуации на основе видов недостающей информации [6, с. 174]. А.И. Святненко отмечает, что возможна детализация сведений, недостаток которых оказывает ключевое влияние на следствие, что и создает проблемную ситуацию [13].

Предлагаем классификацию информационной составляющей расследования преступлений, совершенных в условиях неочевидности, основанную не на видах недостающей информации, а, напротив, на имеющихся источниках, из которых можно получить информацию о произошедшем событии и его участниках. Такими источниками могут стать следы преступления, ведь следы человека занимают особое место в криминалистике, поскольку в результате их изучения открывается самый короткий путь к установлению лица, совершившего преступление в условиях неочевидности.

Большинство ученых подразделяют следы на материальные и идеальные в зависимости от характера информации, содержащейся в них [10, с. 49; 2, с. 65; 15, с. 117]. Существуют еще и другие классификации следов по различным основаниям [9, с. 195; 1, 106; 18, с. 14–17], но они характеризуют, в основном, специфику отображаемых объектов, условия формирования следов, либо характер информации, содержащейся в них. Предлагаем классификацию следов, основанную на характеристике природы и функциональной предназначенности воспринимающего объекта, которая обуславливает специфику работы со следами на нем.

К первой группе относятся следы, содержащиеся в памяти человека, традиционно их называют идеальными [14, с. 36].

Существуют также следы, которые традиционно относят к материальным. Объектами, воспринимающими информацию о преступлении, являются различные предметы неживой природы: земля, пол, стены, окна, двери, мебель, инструменты и т. п. К этому же виду объектов относят и аудио- и видеозаписывающие устройства. Например, Г.В. Оленин пишет: «Материальными носителями видео- и аудиоинформации служат аналоговые и цифровые записи» [11, с. 22]. Однако эти объекты необходимо разделить в связи с разным качеством содержащейся в них информации. Безусловно, следы на всех материальных объектах отличаются от упомянутых выше идеальных следов,

и отображения различных частей тела человека на предметах обстановки места происшествия и, например, видеозаписи с камер наблюдения характеризуются объективностью отражения. Идеальные же следы носят субъективный характер, поскольку при восприятии преломляются через сознание очевидца, его представления о норме и отклонениях во внешних свойствах человека, подвергаются искажению в связи с его эмоциональным состоянием. Но существует и другой критерий, руководствуясь которым можно разделить следы на материальных объектах так, что следы рук или ног на различных предметах и видеозаписи нельзя отнести к одному виду. Это критерий функциональной предназначенности объекта для запечатления на нем информации.

Различные аудио- и видеозаписывающие устройства, которые создаются человеком для фиксации на материальных носителях различной информации можно отнести к специальным объектам. Если же говорить о предметах мебели, поверхности стен, пола, то у них другие функции. Их создают для бытового комфорта, они могут выполнять эстетические функции, но производители этих предметов не ставят перед собой задачи сделать их такими, чтобы они наилучшим образом запечатлевали на себе информацию о людях, соприкасавшихся с ними. Это, конечно, часто происходит, но запечатлевается информация другого качества, нежели та, которая отображается специальными объектами, рассмотренными выше. Нельзя получить представление о чертах лица, голосе, особенностях фигуры человека, следы рук и ног которого обнаружены на месте происшествия, специальные же объекты – устройства видеозаписи могут сохранить такую информацию.

Таким образом, к первой группе относятся следы на неспециальных материальных объектах оставленные путем физического контакта с ними. Это следы рук, других открытых частей тела (губ, ушей, лба и т. п.), зубов, ног (босых, одетых в носки, обутых), одежды, крови, слюны, спермы, запаховые следы, волосы, рукописный текст. Такие следы могут оставаться на улице: на земле, асфальте, траве, деревьях, стенах построек и т.д., в помещении: на полу, окнах, стенах, мебели и т. д. Для получения из них информации о свойствах преступника необходимо использовать различные экспертные диагностические методики. В результате может быть получена информация различной степени вероятности о таких свойствах преступника, как пол, возраст, рост, профессия и т. д.

Вторая группа – следы на специальных материальных объектах оставленные путем специально созданных человеком механизмов.

Это аналоговые и цифровые аудиозаписи, фотоизображения, видеозаписи. В результате работы с ними может быть получено целостное изображение преступника, а также информация о некоторых его свойствах – профессии по характерной жестикуляции, заболевании по проявлениям определенных симптомов и т. д. При этом специальные носители видео- и аудиоинформации (компакт-диски, флэш-карты), а также записывающие устройства (видеокамеры, фотоаппараты) могут выступать и как неспециальные объекты, когда на них остаются, например, следы рук преступника.

Третья группа – идеальные следы. Они могут оставаться в памяти потерпевших и очевидцев. Работа по получению из них информации о свойствах преступника включает применение тактических приемов допроса, психологических методов активизации памяти, методов словесного и субъективного портретов. В результате работы с ними может быть получено изображение преступника, а также информация о различных его свойствах, если человек заметил какие-то характерные черты, свидетельствующие о них.

На основании вышеизложенного, предлагается классификация информационной составляющей расследования преступлений по видам имеющихся следов, которые могут стать источниками информации о преступнике. При расследовании преступления, совершенного в условиях неочевидности возможны следующие информационные аспекты расследования:

1. Обнаружение следов человека на неспециальных материальных объектах. Если другие виды следов могут отсутствовать, то присутствие человека на месте преступления всегда приводит к оставлению им каких-либо следов на окружающих предметах: полу, коврах, стенах, окнах, мебели, бытовой технике и т. д. Вопрос только в том, чтобы обнаружить их, правильно изъять и исследовать в целях получения информации о свойствах оставившего их человека.

2. Выявление идеальных следов. Такие следы, как отображение внешнего облика преступника в памяти свидетелей и потерпевших, не всегда наличествуют, но если они есть, могут существенно помочь в установлении преступника. Необходимо обеспечить составление максимально объективного словесного портрета лица, совершившего преступление. При этом нельзя забывать об обнаружении и исследовании других видов следов. Ранее отдавалось предпочтение этому виду следов по сравнению с материальными следами. Были периоды, например, когда в юридической науке и практике господствовала

«царица доказательств», а роль материальных следов преступлений, криминалистических средств и методов работы с ними низводилась до вспомогательной [4, с. 28]. В настоящее время в криминалистике идеальные и материальные следы рассматриваются как равнозначные источники информации. Информация, полученная из разных источников, может взаимодополняться, и создавать общее представление о преступнике.

3. Обнаружение следов на специальных материальных объектах. В ходе раскрытия и расследования преступлений с недавнего времени стали использоваться материалы, полученные системами видеонаблюдения, которые позволяют зафиксировать некоторые элементы механизма совершения преступления и преступников посредством видеозаписи. Также в использовании у граждан появились мобильные телефоны с функцией фото- видеосъемки и аудиозаписи, автомобили оснащаются видеорегистраторами, что позволяет запечатлеть процесс совершения преступления и преступника практически в любое время и в любом месте. В отличие от следов на неспециальных материальных объектах, диагностические исследования которых могут дать лишь предположительное знание о свойствах оставившего их человека, при достаточном качестве изображения на специальных материальных объектах можно достоверно установить некоторые важные свойства преступника. По сравнению с идеальными следами, изображения, зафиксированные камерой видеонаблюдения, дают объективную информацию о внешности преступника, что также является их существенным преимуществом.

Обнаружение данного вида следов может сочетаться с наличием следов из двух предыдущих категорий, в этом случае получаемая при исследовании информация может быть объединена с ними для получения наиболее точной модели преступника.

Предложенная классификация материальных следов и информационных составляющих расследования преступлений может быть полезна для организации работы следователя при расследовании преступлений, совершенных в условиях неочевидности, поскольку она содержит описание следов, которые могут быть обнаружены при расследовании преступления, методов наиболее эффективной работы с ними, и розыскной информации, получаемой в результате этой работы. Иными словами, работа со следами на неспециальных объектах имеет свою специфику, и информация о свойствах преступника, получаемая при их исследовании, носит, в основном вероятностный ха-

ракти, поскольку методики диагностического исследования таких следов разработаны в большинстве случаев на основе статистических исследований и выведении средних показателей. При исследовании следов на неспециальных объектах можно получить информацию об отдельных свойствах и признаках преступника, но целостное представление о внешнем облике преступника можно получить только при исследовании следов на специальных объектах. В то же время, и они имеют свои недостатки – возможно низкое качество изображения на видеозаписи, не позволяющее получить представление об отдельных признаках внешности запечатленного человека, в случае наличия идеальных следов возможно сильное искажение признаков описываемого человека, вызванное различными причинами.

Знание особенностей работы с каждым из видов следов позволит следователю наиболее эффективно организовать свою деятельность и избежать возможных ошибок, связанных с неправильным их использованием.

Список использованной литературы

1. Биржанов Б.К. Классификация источников информации по способу отражения фактических данных // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения : сб. науч. тр. Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2015. Вып. 1 (7). С. 105–118.
2. Булгаков В.Г. Основы криминалистического исследования динамических признаков человека / под ред. проф. А.М. Зинина. М. : Изд-во «Юрлитинформ», 2009. 176 с.
3. Волчецкая Т.С. Криминалистическая ситуалогия : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1997. 395 с.
4. Волинский В.А. Техничко-криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений. М. : ВНИИ МВД РФ, 1994. 80 с.
5. Воронин С.Э. Проблемно-поисковые следственные ситуации и установление истины в уголовном судопроизводстве: дис. ... д-ра юрид. наук. Барнаул, 2001. 404 с.
6. Герасимов И.Ф. Некоторые проблемы раскрытия преступлений. Свердловск : Средне-Урал. кн. изд-во, 1975. 184 с.
7. Колесниченко А.Н. Научные и правовые основы расследования отдельных видов преступлений : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Харьков, 1967. 27 с.

8. Корниенко Н.А. Следы человека в криминалистике. СПб. : Питер, 2001. 352 с.
9. Криминалистика : учебник для вузов / Т.В. Аверьянова [и др.]. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Норма, 2007. 976 с.
10. Кужугет Т.К. Проблемы доказывания в уголовном судопроизводстве по делам о налоговых правонарушениях : монография. Кызыл : Аныяк, 2005. 243 с.
11. Оленин Г.В. Экспертиза цифровой аудио- и видеозаписи. Применение в следственной практике устройств цифровой фиксации аудио- и видеоинформации // Эксперт-криминалист. 2009. № 2. С. 21–23.
12. Онучин А.П. Проблемы расследования дорожно-транспортных преступлений с учетом ситуационных факторов. Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1987. 184 с.
13. Святненко А.И. Тактическая операция как способ разрешения следственных ситуаций с высокой степенью информационной неопределенности : дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2008. 219 с.
14. Суворова Л.А. Идеальные следы в криминалистике. М. : Юрлитинформ, 2006. 200 с.
15. Яблоков Н.П. Криминалистика : учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юристъ, 2009. 718 с.

Информация об авторе

Сибилькова Анна Васильевна – кандидат юридических наук, следователь Главного следственного управления МВД по Республике Башкортостан, 450000, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Ленина, д. 7; e-mail: soft-swan@yandex.ru.

Information about the author

Sibilkova Anna Vasilevna – Candidate of juridical sciences, an investigator of the Main Investigatory department, MIA of Republic Bashkortostan, Republic Bashkortostan, Ufa, Leninast., 7, 450000; e-mail: soft-swan@yandex.ru.

ТАКТИЧЕСКАЯ ОПЕРАЦИЯ «ПОЛУЧЕНИЕ ИНФОРМАЦИИ ОТ СВИДЕТЕЛЕЙ ПРЕСТУПЛЕНИЯ»

В статье анализируются возможности повышения уровня информационного обеспечения расследования преступлений, посредством производства тактических операций. Исследуется содержание процесса формирования информации у лиц, непосредственно воспринимавших событие преступления. Делается вывод о необходимости совершенствования деятельности следователя на основе дальнейшей разработки теоретических основ тактических операций и внедрения достижений науки в практическую деятельность.

Ключевые слова: информация, информационное обеспечение, свидетель, свидетельские показания, следователь, тактическая операция.

О.А. Slavgorodskaya

TACTICAL OPERATION «OBTAINING INFORMATION FROM WITNESSES OF CRIME»

The possibility of increasing the level of information security crime investigation through the production of tactical operations. We study the content of the process of formation of information from the persons directly perceive the offense. The conclusion about the need to improve the activities of the investigator on the basis of further development of the theoretical foundations of tactical operations and implementation of scientific achievements in practice.

Keywords: information, information technology, witness testimony, the investigator, tactical operation.

Достижения науки и техники, оснащая следователей современными методами, существенно расширяющими границы восприятия и возможности получения, сохранения и использования информации не способны вытеснить из процесса расследования человеческий фактор, реализуемый в организации расследования, принятии следователем решений, определяющих его направление и результат.

В связи, с чем деятельность следователя остается объектом пристального внимания и исследования, предоставляя широкие возможности для ее дальнейшего совершенствования. О необходимости всестороннего изучения деятельности следователя в свое время писал Г. Гросс, подчеркивая, что труд следователя «не есть искусство, но есть искусная деятельность, состоящая из отдельных действий или приемов, которые нужно знать, а для этого предварительно их изучать» [4, с. 13].

Традиционно одним из ключевых элементов в деятельности следователя является ее информационное обеспечение. Получение криминалистически значимой информации из всех допустимых источников, наряду с профессиональными действиями со стороны лица его осуществляющего составляет основу успешного расследования преступления.

Информация может быть получена в результате производства отдельных следственных действий, оперативно-розыскных мероприятий, но наиболее оптимальным является ее получение посредством совокупности разноуровневых действий, ориентированных на достижение конкретных целей в процессе расследования. Внимание к повышению качества получаемой информации составляет один из компонентов оптимизации процесса расследования. «Проблема информационного обеспечения раскрытия и расследования преступления всегда имела особую значимость в деятельности работников правоохранительных органов. Дело в том, что предварительное расследование и в конечном итоге уголовное судопроизводство носят поисково-исследовательский характер. Однако непременным условием этого процесса, так или иначе является надлежаще организованное взаимодействие всех субъектов, работающих по уголовному делу в условиях риска и неопределенности» [11, с. 64].

Поскольку совершенствование способов получения криминалистически значимой информации составляет одну из актуальных задач криминалистики, то следует обратить внимание на возможность получения информации в процессе реализации эффективного взаимодействия при осуществлении поисково-познавательной деятельности посредством реализации тактической операции.

Подход к рассмотрению тактической операции в криминалистике традиционно представляет собой совокупность следственных, оперативных, ревизионных и иных действий, разрабатываемых и производимых в процессе расследования по единому плану под руково-

дством следователя с целью реализации такой тактической задачи, которая не может быть решена производством по делу отдельных следственных действий [7, с. 44]. Однако в криминалистической литературе наряду с термином тактическая операция используется и термин тактическая комбинация. В самом общем виде она представляет собой определенное сочетание тактических приемов или следственных действий, преследующее цель решения конкретной задачи расследования и обусловленное этой целью и следственной ситуацией [2, с. 210]. А.В. Дулов в своей работе «Тактические операции при расследовании преступлений» отмечает, что «тактическая операция» по своему содержанию является более широким понятием, чем тактическая комбинация. В то же время он считает возможным существование тактической комбинации как разновидности тактической операции, направленной на реализацию отдельного тактического приема [7, с. 45]. По мнению Л.Я. Драпкина, термин «тактическая операция», будучи заимствованным из теории оперативно-розыскной деятельности, недостаточно отражает сущностное содержание данного понятия [6, с. 57].

В.И. Шиканов также отмечает заимствованность термина «тактическая комбинация» из теории и практики оперативно-розыскной деятельности. Подчеркивая его определенную функциональную и смысловую нагрузку, считает вполне допустимым для применения в криминалистике, однако, не равнозначным «тактической операции» [14, с. 18–19].

По пути определения как самостоятельных понятий «тактической операции» и «тактической комбинации» пошел Р.А. Каледин, подчеркивая, что тактическая комбинация является самостоятельным тактическим образованием и отличается от тактической операции по задачам, способу достижения цели и содержанию [8, с. 39].

В.В. Степанов и А.Е. Михальчук, указывая на самостоятельный характер тактической комбинации и исходя из того, что она представляет собой сочетание однородных приемов, дали определение «тактической комбинации» как «оптимальное сочетание тактических приемов, применяемых в процессе производства отдельного следственного действия, направленное на решение конкретной промежуточной задачи расследования и обусловленное сложившейся следственной ситуацией» [12, с. 36].

Н.П. Яблоков, характеризуя тактическую комбинацию, отмечает, что она направлена на установление одного обстоятельства или на

решение одной криминалистической задачи. Основной ее целью является воздействие на следственную ситуацию для ее изменения. Тактическая операция представляет более широкий тактический комплекс и может решать не одну, а несколько взаимосвязанных тактических задач [10, с. 369–370].

Анализируя имеющиеся концепции, следует отметить, что предпочтительнее на наш взгляд, точка зрения, разграничения тактической операции и тактической комбинации, поскольку первое понятие является более емким, а второе – представляет совокупность тактических приемов в рамках одного или нескольких следственных действий и порой входит, как составное звено, в тактическую операцию.

Тактическая операция позволяет выстроить линию сбора доказательств в строго определенной логической последовательности, с выделением базовых элементов и может рассматриваться в качестве механизма реализации эффективной тактики доказывания. Тактика доказывания представляет «систему научно разработанных рекомендаций, направленных на то, чтобы оптимизировать процесс выдвижения следственных версий, собирание, проверку, оценку доказательств и обоснование достоверных выводов по обстоятельствам дела, имеющим уголовно-правовое значение» [14, с. 7].

Поскольку фундаментом доказывания служит информация, получаемая в процессе расследования, то выступая в качестве его ключевого элемента получение доказательственной информации, составляет основу поисково-познавательной деятельности.

Расширение источников доказательственной информации первоначально происходит посредством внедрения в практику расследования достижений научного прогресса. Однако при всей востребованности современных возможностей науки и появления новых источников доказательств неизменным остается привлечение в целях установления всех обстоятельств преступления его очевидцев. Информационные источники, несущие на себе отражение события преступления, разделяются на различные виды, однако одним из значимых является образование, относящееся к высшей форме отображения, формирующиеся в сознании человека и существующие в виде мысленных образов отображаемых объектов, явлений и действий [10, с. 36].

В настоящее время практически расследования не одного преступления не может обойтись без использования показаний свидетелей, являющихся альфой и омегой уголовного процесса поскольку «обык-

новенно предметом свидетельского показания является преступное событие или отношение к нему определенного лица» [13, с. 4].

Процедура получения свидетельских показаний на стадии предварительного расследования включает несколько взаимосвязанных этапов: 1. Установление очевидцев, 2. Обеспечение явки свидетеля для дачи показаний, 3. Получение показаний от свидетеля.

Каждый этап характеризуется определенной спецификой и требует применения тактически обоснованных методов, позволяющих получать от свидетелей наиболее полную и объективную информацию.

Исследуя сущность информации, криминалисты связывали ее с понятием информационного сигнала. Информация тесно связана с информационным сигналом и с содержанием доказательств. «Содержание доказательства – это заключающаяся в нем как в информационном сигнале доказательственная информация» [1, с. 291].

Информационный сигнал находит выражение посредством различных кодов, одним из которых выступает человеческая речь. Описывая определенные события лица, непосредственно их воспринимавшие передают содержательную сторону. В результате возможности получения сведений о совершенном преступлении от непосредственных его наблюдателей, или очевидцев происходит посредством сбора данных, выраженных в виде показаний.

Р.С. Белкин и А.И. Винберг подчеркивали, что сами свидетельские показания «есть еще не сам информационный сигнал, а зашифрованная словесным кодом форма его выражения» [3, с. 177–178]. Понятие информационного сигнала тесно связано с получением доказательств. Доказательством является отражение события в сознании свидетеля в виде соответствующего информационного сигнала.

Обеспечение объективности показаний требует перевода образов, возникающих в сознании свидетелей под воздействием события преступления в форму, доступную для восприятия и использования. Объективность непосредственно связана с достоверностью, обеспечить которую должны существующие методы криминалистики, реализуемые в законодательно определенных рамках. «Достоверным является доказанное знание истинность которого не вызывает сомнения. В отличие от истинного, достоверное знание предполагает наличие обоснованности своей истинности. Результатом уголовно-процессуального доказывания должно быть доказанное (значит достоверное) знание, полученное путем собирания,

проверки и оценки доказательств в точном соответствии с установленным законом правилами и не вызывающее сомнения в своей обоснованности» [9, с. 73].

Деятельность следователя направленную по получение максимально объективной информации от непосредственных очевидцев события преступления следует реализовывать в рамках тактической операции.

Характеризуя особенности, присущие тактическим операциям В.И. Шиканов, отмечает следующее: 1) каждая тактическая операция должна иметь четко поставленную цель; 2) эффективность тактической операции обусловлена оптимальным использованием соответствующих сил и средств; 3) необходимость планирования каждой тактической операции во времени; 4) эффективность тактической операции зависит от централизованного и единого руководства [14, с. 13–14].

Основными элементами тактической операции направленной на получение информации от свидетелей с учетом общеметодологических основ ее подготовки и проведения следует выделить: 1) Получение информации о лицах располагающих криминалистически значимой информацией, с возможностью производства ряда мероприятий, направленных на выявление очевидцев преступления; 2) организация розыска возможных очевидцев и установления степени их информационной осведомленности; 3) допрос свидетелей.

Организация розыска и обеспечение получения информации от свидетелей составляют наиболее сложную часть деятельности в организационном плане. При определенных условиях следует рассматривать данный этап в качестве самостоятельной тактической операции «выявление очевидцев преступления» [5, с. 141].

При проведении тактической операции по получению свидетельских показаний, одним из важных элементов, направленных на выявление свидетелей является взаимодействие с общественностью.

Отдельное внимание при проведении тактической операции по получению свидетельских показаний необходимо уделять ее ключевому элементу – допросу свидетелей.

Следовательно, деятельность следователя представляет целенаправленный процесс, переходящий от достижения одной цели к другой и реализуемый в рамках расследования цепочки последовательно сменяющих друг друга тактических операций.

Любое спланированное, организованное следователем решение, ставящее перед собой цель – изменить направление расследования в благоприятную сторону следует рассматривать как тактическое решение. Принятие тактического решения по производству тактической операции должно соответствовать требованиям законности, нравственности, своевременности, обоснованности и реальности исполнения [2, с. 181].

Тактическая операция по получению информации от свидетелей преступления, реализуемая в рамках производства расследования с учетом складывающейся ситуации требует дальнейшего теоретического обоснования и внедрения в деятельность следователя. В связи с чем, по-прежнему, востребованы «надежные рекомендации, которые позволят упростить процесс принятия следователем оперативных решений при осуществлении тактических операций» [15, с. 64].

Список использованной литературы

1. Белкин Р.С. Избранные труды. М. : Норма, 2008. 768 с.
2. Белкин Р.С. Курс криминалистики : в 3 т. М. : Юрист, 1997. Т. 3. 480 с.
3. Белкин Р.С., Винберг А.И. Криминалистика и доказывание (Методологические проблемы). М. : Юрид. Лит., 1969. 216 с.
4. Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики. Новое изд., перепечат. с изд. 1908 г. М. : ЛексЭст, 2002. 1088 с.
5. Драпкин Л.Я. Основы теории следственных ситуаций. Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1987. 164 с.
6. Драпкин Л.Я. Первоначальные следственные действия в методике расследования преступлений и проблема повышения их эффективности // Вопросы методики расследования преступлений : науч. тр. Свердловск, 1976. Вып. 50. С. 56–58.
7. Дулов А.В. Тактические операции при расследовании преступлений. Минск : Изд-во БГУ, 1979. 128 с.
8. Каледин Р.А. О содержании понятия «тактическая операция» // Тактические операции и эффективность расследования. Свердловск, 1986. С. 35–37.

9. Корнакова С.В. Соотношение понятий «достоверность» и «истинность» доказательств в уголовном процессе // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2010. № 2. С. 69–75.

10. Криминалистика : учебник для вузов / отв. ред. проф. Н.П. Яблоков. М. : БЕК, 1995. 708 с.

11. Мерецкий Н.Е. Некоторые проблемы использования методологии в процессе алгоритмизации расследования преступлений // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения : сб. науч. тр. Иркутск, 2009. Вып. 1(2). С. 63–73.

12. Михальчук А.Е., Степанов В.В. Соотношении тактических операций и комбинаций в криминалистике // Проблемы интенсификации деятельности по расследованию преступлений. Свердловск, 1987. С. 31–37.

13. Скопинский А.В. Свидетели по уголовным делам. М. : Кн. магазин И.К. Голубева под фирмой «Правоведение», 1911. 194 с.

14. Шиканов В.И. Теоретические основы тактических операций в расследовании преступлений. Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1983. 200 с.

15. Шиканов В.И. Теория тактических операций следователя (перспективы развития) // Алгоритмы и организация решения следственных задач : сб. науч. тр. Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1982. С. 64–67.

Информация об авторе

Славгородская Ольга Александровна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминалистики, ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия», 410056, г. Саратов, ул. Вольская, д.1; e-mail:slavkur-htc@yandex.ru.

Information about the author

Slavgorodskaya Olga Alexandrovna – Ph.D. associate professor, assistant professor of crimininalistics, VPO «Saratov State Academy of Law», 410056, Saratov, ul. Volsky, 1; e-mail: slavkur-htc@yandex.ru.

**Е.В. Смахтин,
Е.В. Христинина**

ТАКТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВА ДОПРОСА ПОДОЗРЕВАЕМОГО ПО ДЕЛАМ О ПОЛУЧЕНИИ ВЗЯТКИ В СФЕРЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

В статье авторами рассмотрены тактические особенности производства допроса подозреваемого по делам о получении взятки в сфере высшего образования. Анализ материалов практики позволил выделить тактические приемы, которые дают наиболее ощутимые результаты в ходе расследования уголовных дел исследуемой категории. Кроме того, определен перечень обстоятельств, подлежащих установлению в процессе допроса подозреваемого по делам о взяточничестве в сфере высшего образования.

Ключевые слова: тактика допроса, особенности, подозреваемый, получение взятки, высшее образование, конфликтная ситуация, бесконфликтная ситуация, тактический прием.

**E.V. Smachtin,
E.V. Khristinina**

TACTICAL PECULIARITIES OF SUSPECT'S INTERROGATION CONDUCTING IN THE CASES OF BRIBES' TAKING IN HIGH EDUCATION SPHERE

In the article authors examine tactical peculiarities of suspect's interrogation conducting in the cases of bribes' taking in high education sphere. The practical's matters allow to highlight tactical options to take more efficient results of mentioned criminal cases' investigation. Furthermore the authors define the list of circumstances which are proved in the process of suspect's interrogation in cases of bribes' taking in high education sphere.

Keywords: interrogation's tactics, peculiarities, suspect, bribes' taking, high education, conflict situation, nonconfrontational situation.

Допрос подозреваемого относится к следственным действиям первоначального этапа расследования. Особое внимание рекомендуется уделять его подготовке, а именно сбору данных о личности допраши-

ваемого, что позволяет правильно определить тактику проведения допроса, направленную на установление психологического контакта с подозреваемым и формирование бесконфликтной ситуации, когда интересы следователя и подозреваемого совпадают [4, с. 102].

Проведенное нами обобщение практики показало, что в ходе расследования дел о получении взятки в сфере высшего образования следователи формально подходят к изучению личности подозреваемого, которое, как правило, на этом этапе в лучшем случае выражается в истребовании служебных характеристик.

Вместе с тем, при производстве допроса важное значение имеет не только характеризующий материал, но и иные данные о личности допрашиваемого, которые позволяют установить с ним психологический контакт. В частности, его формированию непосредственно в ходе допроса могут способствовать такие тактические приемы, как беседа, снятие напряжения, разъяснение допрашиваемому важности его показаний для установления истины, убеждение в необходимости давать достоверную информацию, разъяснение негативных последствий в случае дачи ложных показаний и противодействия расследованию, и некоторые др.

Сведения о личности могут быть получены как в ходе производства неотложных следственных действий, например, в ходе допроса очевидцев и родственников взяткополучателя, так и в ходе оперативно-розыскной деятельности, результаты которой в установленном порядке представляются следователю.

Также целесообразно сопоставлять эмоциональное поведение допрашиваемого с получаемыми показаниями, что позволяет следователю корректировать свое поведение в ходе допроса. Применительно к рассматриваемой проблеме, важность применения знаний психологии и физиогномики в ходе допроса для получения достоверной информации подчеркивала А.А. Черкесова [7, с. 123].

Рассмотрим более подробно тактические особенности допроса подозреваемого в получении взятки в сфере высшего образования через призму двух следственных ситуаций:

- 1) бесконфликтной, когда интересы следователя и подозреваемого совпадают (38,7 %);
- 2) конфликтной, когда интересы следователя и подозреваемого противоположны (61,3 %), из них 100 %:
 - а) подозреваемый дает заведомо ложные показания (78,4 %);

б) подозреваемый отказывается от дачи показаний (21,6 %) ¹.

Безусловно, особенности тактики допроса подозреваемого достаточно подробно изложены в юридической литературе [3, с. 103].

В условиях бесконфликтной ситуации подозреваемый, либо осознает противоправность совершенного деяния и раскаивается в содеянном, либо находится в состоянии растерянности в связи с неожиданным задержанием и готов давать признательные показания. Однако признательные показания подозреваемого необходимо оценивать в совокупности с другими доказательствами для проверки их достоверности, так как возможен самооговор со стороны преподавателя с целью скрыть истинно виновных в совершении преступления.

При применении тактических приемов в бесконфликтных ситуациях, как правило, особых трудностей не возникает. Например, следователь проводил допрос подозреваемой по факту получения взятки за выставление зачета по физической культуре, в ходе которого установил, что на иждивении у нее находится 4 детей, а размер заработной платы составляет 5000 рублей. Следователь выразил неудовлетворенность заработной платой в сфере высшего образования, высказал сочувствие малообеспеченным многодетным семьям педагогов, что помогло установить с подозреваемой психологический контакт, а в последующем получить признательные показания [1].

Конфликтная ситуация при допросе подозреваемого возникает, например, когда допрашиваемый заранее настроен отрицать причастность к совершенному преступлению и давать заведомо ложные показания, либо на основании ст. 51 Конституции РФ отказывается от их дачи. В этих условиях следователь также применяет тактические приемы психологического и логического воздействия: детализация показаний, оживление ассоциативных связей, «допущение легенды» и некоторые др. [7, с. 127].

При этом в ходе производства следственного действия, когда подозреваемый дает ложные показания, отрицая свою причастность к получению взятки, следователю необходимо принимать во внимание следующие возможные причины и мотивацию такой позиции:

1) использование якобы законных полномочий (оплата учебных занятий, проведенных во внебюджетной форме, оплата дополнитель-

¹ Эмпирическую основу статьи составляют 311 уголовных дел о получении взятки в сфере высшего образования, законченных производством в Новосибирской, Тюменской и Омской областях в 2010–2014 гг. (прим. авт.).

ных курсов обучения, оплата за проведенные консультации по учебным дисциплинам и т. п.);

2) осуществление иных якобы законных действий (получение вознаграждения в качестве подарка от обучаемых лиц, возвращение долга и т. д.);

3) существование алиби (нахождение преподавателя во время совершения преступления в отпуске, на больничном, дома и т. д.);

4) оговор со стороны студентов или их родителей либо других лиц из-за сложившихся с ними неприязненных отношений (провокация со стороны учащихся на получение взятки; подбрасывание предмета взятки со стороны вышеуказанных лиц и т. п.).

В случаях, если подозреваемый, понимая бессмысленность отрицания факта получения взятки, сообщает о ней как о выполнении якобы законных полномочий, возможно применение и таких тактических приемов, как «пресечение лжи» с разъяснением ошибочности занятой позиции. В процессе применения этих приемов можно предъявить доказательства: документы образовательного учреждения, регламентирующие порядок поступления и получения финансовых средств, бухгалтерские документы и некоторые др.

Кроме того, возможно применение такого тактического приема, как демонстрация осведомленности следователя, когда допрашиваемому частично оглашают сведения известные следователю, сознательно оставляя пробелы в информации, позволяющие додумывать подозреваемому о наличии дополнительных сведений, свидетельствующих о причастности его к совершению преступления.

В ситуации, когда подозреваемый вообще отрицает факт знакомства с взяткодателем, следователь вновь может использовать тактический прием «предъявление доказательств», представив ему документы, стенограммы разговора, показания взяткодателя, подтверждающие факты встреч.

Например, следователем был проведен допрос подозреваемого по факту получения взятки за выставление зачета по дисциплине «Инженерная графика», где подозреваемый указал, что получил материальную помощь для учебного заведения. Следователь в целях пресечения ложных показаний использовал тактические приемы: «допущение легенды», совместно с демонстрацией возможностей расследования, предъявив доказательства подозреваемому (результаты оперативно-розыскной деятельности: стенограмму разговора о предварительной договоренности на передачу-получение взятки), что

способствовало получению от подозреваемого в последующем признательных показаний [2].

Когда подозреваемые отрицают причастность к совершению взятничества, ссылаясь на алиби, или сообщают об оговоре со стороны студентов или их родителей из-за сложившихся с ними неприязненных отношений, следователю необходимо заранее подготовить документы, свидетельствующие о характере взаимоотношений между преподавателем и студентами, получить показания лиц, наблюдавших встречи (лаборанты, методисты, другие преподаватели). Как уже отмечалось, в данной ситуации целесообразно применять тактические приемы: «пресечение лжи», совместно с демонстрацией возможностей расследования (предъявление доказательств, опровергающих показания подозреваемого по нарастающей силе или начиная с самого веского).

Если подозреваемый, признает факт знакомства со студентами, но категорически отрицает факт совершения действий в интересах взяткодателя, тогда необходимо предъявить ему официальные документы (зачетная книжка, экзаменационная ведомость), где имеется подпись преподавателя.

В случае, когда следователь не может опровергнуть показания подозреваемого имеющимися доказательствами, возможно использовать тактический прием повторного допроса в иной последовательности, совместно с детализацией показаний и логическим анализом противоречий, имеющих в показаниях подозреваемого. Подозреваемые не всегда готовы к такой подробной детализации и, следовательно, начинают давать противоречивые показания по уголовному делу. Впоследствии можно указать на выявленные несоответствия в показаниях допрашиваемого, с целью пресечения ложных показаний и возможности получения правдивых сведений.

Когда допрашивают подозреваемого после проведения тактической операции «задержание с поличным», то он часто заявляет о том, что предмет взятки был подброшен. Как правило, тактическая операции проводится с использованием технических средств, следовательно, подозреваемому может быть предъявлено доказательство: видеозапись, где фиксировался факт получения незаконного вознаграждения или аудиозапись, где записан разговор подозреваемого. В случае дальнейшего отрицания своего участия в получении взятки, может быть разъяснено, что при помощи фоноскопической экспертизы его голос можно идентифицировать. Кроме того, если в процессе тактической операции денежные средства были помечены специальным

химическим порошком, то делаются смывы с рук подозреваемого и с соответствующим постановлением направляются на производство экспертизы материалов, веществ и изделий, при проведении которой устанавливается тождество объектов по химическому составу. Указанные денежные средства исследуются также на наличие следов пальцев рук подозреваемого, а в дальнейшем назначается дактилоскопическая экспертиза. Все полученные доказательства могут быть предъявлены подозреваемому в ходе допроса.

При возникновении второй разновидности конфликтной ситуации допроса, где подозреваемый на основании ст. 51 Конституции РФ отказывается от дачи показаний, следователь, как правило, стремится убедить его в неправильности избранной позиции.

Мотивы отказа от дачи показаний, естественно, могут быть разными. В их числе:

- 1) нежелание сотрудничать с органами следствия;
- 2) эмоциональное волнение, связанное с задержанием и допросом в качестве подозреваемого по уголовному делу;
- 3) нежелание свидетельствовать против себя;
- 4) боязнь привлечения к уголовной ответственности.

В этой ситуации рекомендуется использование следующих групп тактических приемов:

1) беседа на отвлеченную тему в сочетании с убеждением подозреваемого в необходимости предоставлять правдивую информацию и разъяснение благоприятных последствий при содействии расследованию; воздействие на положительные стороны личности преподавателя;

2) «вовлечение допрашиваемого в спор», который позволит ему разъяснить сущность преступного события;

3) воспроизведение следователем события преступления, что позволит подозреваемому сделать вывод о бессмысленности занятой позиции;

4) демонстрация возможностей и намерений следователя по сбору доказательств (например, указать возможности некоторых видов экспертиз и т. п.).

В процессе допроса подозреваемого по делам о взяточничестве в сфере высшего образования следователем выясняются следующие обстоятельства:

- 1) характеристика личности преступника;
- 2) перечень должностных обязанностей, входящих в служебные полномочия лица, и документы, их подтверждающие (приказы о прие-

ме на работу, должностные инструкции, трудовые договоры, положения учебного заведения, справки о заработной плате лица и т. д.);

3) характер взаимоотношений взяточполучателя и студента;

4) обстоятельства, способствующие получению взятки (несдача зачета, экзамена, дипломного проекта, нежелание подвергаться учебному контролю и т. п.);

5) информация о предметах, документах, подтверждающих характер взаимоотношений взяточполучателя с высшим учебным заведением и конкретным студентом (зачетная книжка, ведомость, экзаменационный лист);

6) характеристика предмета взятки;

7) обстоятельства непосредственного получения взятки;

8) в некоторых случаях, факт соучастия в совершении преступления и роль каждого соучастника в совершенном преступлении;

9) характер служебных действий, совершенных взяточполучателем;

10) круг возможных свидетелей и очевидцев взяточничества;

11) обстоятельства задержания подозреваемого.

В заключение отметим, что мы в целом разделяем позицию тех авторов, которые рекомендуют в ходе допроса подозреваемого с участием адвоката, для дополнительной фиксации хода и результата проведения следственного действия использовать аудио- и видеозапись [5, с. 23]. Вместе с тем вряд ли можно безоговорочно согласиться с точкой зрения М.В. Лямина, который полагает, что нужна обязательная фиксация следственного действия при даче подозреваемым признательных показаний или при предъявлении ему доказательств, а также, если свидетели могут изменить показания или проживают в труднодоступных районах [6, с. 130].

Аудио- и видеозапись допроса подозреваемого действительно позволяет дополнительными средствами объективного контроля зафиксировать его признательные показания, минимизировать дальнейшее противодействие расследованию, в том числе путем изменения показаний. Однако полагаем, что применение дополнительных средств фиксации необходимо не во всех случаях. Например, факт совершения преступления очевиден, подтвержден совокупностью всех собранных доказательств. Вряд ли в этой ситуации возникает необходимость аудио-, либо видеозаписи допроса подозреваемого, прежде всего с учетом трудоемкости следственного действия и оптимизации расследования.

Список использованной литературы

1. Уголовное дело № 200900008/75 // Архив Калининского районного суда г. Тюмени за 2009 г.
2. Уголовное дело № 243298 // Архив Первомайского районного суда г. Омска за 2014 г.
3. Еникеев М.И., Образцов В.А., Эминов В.Е. Следственные действия: Психология, тактика, технология. М. : Проспект, 2011. 216 с.
4. Еникеев М.И. Юридическая психология. М. : Норма, 2014. 256 с.
5. Зинин А. М. Криминалист в следственных действиях : учеб.-практ. пособие. М. : Экзамен : Право и закон, 2004. 144 с.
6. Лямин М.В. Использование криминалистических методов при расследовании взяточничества в правоохранительных органах : дис.... канд. юрид. наук. Саратов, 2003. 231 с.
7. Черкесова А.А. Раскрытие и расследование взяточничества в условиях противодействия : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 233 с.

Информация об авторах

Смахтин Евгений Владимирович – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и процесса, Институт государства и права, Тюменский государственный университет; e-mail: smaxt@yandex.ru.

Христинина Елена Викторовна – аспирант Омской академии МВД России; e-mail: elena.nikitina83@mail.ru.

Information about the authors

Smachtin Evgeniy Vladimirovich – doctor Sciences, associate Professor, Professor of chair of criminal law and procedure of Institute of State and Law, Tyumen State University, 625003, Tyumen, Respubliki Street, 14/9, e-mail: smaxt@yandex.ru.

Khristinina Elena Viktorovna – candidate of Omsk's Academy of MVD of Russia, 625003, Tyumen, Respubliki Street, 14/9; e-mail: elena.nikitina83@mail.ru.

**И.В. Смолькова,
Р.Г. Ардашев,
А.Н. Архипова**

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ОБНАРУЖЕНИЯ И ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ СЛЕДОВ КРОВИ

Статья посвящена проблемным вопросам обнаружения и предварительного исследования следов крови при осмотре места происшествия при расследовании преступлений против жизни. Обоснован вывод о недопустимости использования раствора люминола при производстве следственных действий.

Ключевые слова: следы крови, расследование убийств, осмотр места происшествия, раствор люминола.

**I.V. Smolkova,
R.G. Ardashev,
A.N. Arkhipova**

PROBLEMATIC ISSUES OF DETECTION AND PRELIMINARY INVESTIGATION OF BLOOD TRACES

The article considers problematic issues of detection and preliminary investigation of blood stains at the crime scene examination in the investigation of crimes against life. A conclusion is reasonable about impermissibility of the use of solution of luminol at the production of inquisitional actions.

Keywords: bloodstains, murders investigation, crime scene examination, luminol solution.

Известно, что даже сам факт наличия человеческой крови на определенном предмете или в определенном месте может иметь решающее значение для раскрытия преступления и изобличения виновного. Анализ следственной и судебной практики показывает, что преступники весьма легко и быстро могут уничтожить такие следы крови, которые хорошо заметны (замыть, соскоблить, закрасить и т.д.). Однако, как отмечал А.Х. Кежоян, следы крови обычно остаются, если они небольшого размера, стали малозаметными или находятся в необычных и труднодоступных местах [8, с. 43], поэтому следователи

должны в совершенстве владеть приемами обнаружения следов крови, сохранения пятен, которые могут оказаться кровяными, уметь делать правильные выводы из сопоставления особенностей обнаруженных следов с другими фактическими обстоятельствами расследуемого события [13, с. 16–20].

Следы крови, как свидетельствует практика, могут иметь различные расцветки, что объяснимо изменениями гемоглобина¹, происходящими в результате различных внешних воздействий. Так, засохшая кровь по истечении небольшого промежутка времени изменяет свой цвет на темно-коричневый, а позже приобретает зеленоватый оттенок [10, с. 103]. Еще Г. Гросс справедливо отмечал: «При первоначальных осмотрах пятна сомнительного происхождения лучше принимать за кровяные, так как в том случае, если они не окажутся таковыми, дело ничего от этого не проиграет, если же будут пропущены пятна действительно кровяные, то этим будет причинен несомненный ущерб делу» [5, с. 693].

Предмет познания при расследовании преступлений является по своему объему значительно более широким, чем предмет доказывания. Одним из источников непроцессуальной информации, имеющей предположительный характер, является предварительное (внеэкспертное) исследование материальных объектов. Его может предпринять сам следователь (например, при следственном осмотре), или – сведущие лица, привлеченные в качестве специалистов для участия в производстве следственного действия. Такие предварительные (внеэкспертные) исследования объектов, на которых может предположительно находиться кровь, проводятся до назначения экспертизы и имеют своей задачей быстро получить ориентирующую информацию, которую следователь может незамедлительно использовать, чтобы упростить работу по отбору объектов, подлежащих экспертному исследованию.

В настоящее время известны различные по своей природе методы определения наличия крови, в литературе выделяются на пять групп: физико-химические, химические, морфологические, кристаллические и спектральные [15, с. 34–39]. Из названных две группы (физико-химические и химические) можно отнести к недоказательным методам, так как они не могут доказать присутствие крови, но они помогают выявить следы, подозрительные на кровь. Данной теме

¹ Гемоглобин – белковое соединение, придающее крови специфический красный цвет [7, с. 8].

посвящены, в частности, интересные работы известного ученого-криминалиста В.И. Шиканова [18; 19, с. 94–117].

В следственной практике давно получила известность реакция хемолуминесценции, характерная тем, что при химическом воздействии крови со специальным реактивом (люминолом) происходит его окисление и возникает голубоватое свечение – люминесценция, которое можно наблюдать в темноте в течение нескольких секунд. Эта проба сохраняет обычно свою чувствительность и после попыток уничтожения следов крови (использование горячего утюга, стирка окровавленной одежды с мылом или стирающим порошком).

Реактив для такого исследования готовится из 1 литра дистиллированной воды, 0,1 г. люминола и 5 г. кальцинированной соды, при хранении в темном месте он может храниться до 6 месяцев, не теряя своих качеств. Перед употреблением к раствору добавляют 10 мл. 30 % перекиси водорода (пергидроля). В процессе следственного осмотра подозрительные участки опрыскиваются приготовленным раствором, который может также наноситься на пятна, похожие на кровавые, с помощью пипетки. Такая обработка проводится в темноте, чтобы наблюдать возможную люминесценцию.

Следователи должны иметь в виду, что реакция с раствором люминола (голубое свечение обработанных объектов) специфична не только для крови, а наблюдается и при воздействии на соли некоторых металлов соков некоторых фруктов и овощей. Поэтому реакция хемолуминесценции, не подтверждая наличие следов крови, дает возможность локализовать при осмотре определенные участки, на которых затем необходимо сосредоточить поиски невидимых следов крови, брать пробы для судебных экспертиз.

История применения раствора люминола отечественными следователями свидетельствует о противоречивом отношении к этому недоказательному методу. Так, еще в 1963 г. ВНИИ криминалистики Прокуратуры СССР за подписью В.И. Винберга направил во все прокуратуры страны информационное письмо, в котором следователи ориентировались на то, что скрытые следы, выявленные с помощью раствора люминола и зафиксированные в протоколе в присутствии понятых, имеют доказательственное значение, то есть могут рассматриваться как следы крови [14].

Следственная практика в различных регионах СССР показала, что такие однозначные рекомендации не могут считаться научно обоснованными и влекут серьезные следственные и судебные ошибки. Следст-

венное управление Прокуратуры СССР вынуждено было разослать во все прокуратуры циркулярное письмо, в котором подчеркивались два аспекта. Во-первых, реакцию с раствором люминола надлежит считать лишь предварительной (ориентировочной) для обнаружения крови, и такие подозрительные предметы направлять на судебно-медицинскую экспертизу. Во-вторых, реакцию с раствором люминола нужно использовать при следственных осмотрах лишь в тех случаях, когда выявление подозрительных следов сопряжено с особыми трудностями [17].

Сотрудники ВНИИ Прокуратуры СССР позднее отмечали, что предварительное исследование при помощи раствора люминола не препятствует в дальнейшем установлению наличия крови посредством иных методов, но «может отрицательно повлиять на установление ее групповой принадлежности. Поэтому реакцией хемолуминисценции следует пользоваться только при наличии большого количества пятен крови» [4, с. 79]. В другом источнике рекомендовано: «Пробу пятен на кровь при осмотре места происшествия можно проводить лишь в случаях, когда обнаружено достаточное количество ее предполагаемых следов» [11, с. 121]. В этой связи А.А. Леви и А.И. Михайлов отмечают, что нанесение раствора люминола «не всегда безразлично для исследования спектроскопическими методами, а тем более для определения видовой и групповой принадлежности крови на основе биологических исследований» [9, с. 50].

Из этого можно сделать вполне обоснованные выводы: если пятна, похожие на кровь, отчетливо видны при осмотре, нет необходимости обрабатывать эти места раствором люминола, а надлежит сразу их изъять для последующих экспертных исследований красящим веществом. Если же визуально не наблюдается подозрительных пятен (например, замыты ранее), то обработка раствором люминола предполагаемых мест прежнего расположения кровяных следов может привести вообще к утрате важнейшего доказательства. В настоящее время судебными медиками применяется высокочувствительный метод определения группы крови по системе АВО, получивший название метода абсорбции-элюции. При пользовании им «для установления группы крови достаточно иметь две пропитанных кровью нити из одежды длиной примерно 0,5 см. Для исследования пригодно пятно, содержащее до 0,0001 мг. сухой крови. Благодаря указанному методу можно исследовать даже замытые пятна крови» [3, с. 52].

Пропаганда применения раствора люминола при осмотре места происшествия (поиск следов, которые могут быть кровяными) велась

весьма настойчиво на протяжении длительного времени. В 1988 г. НИИ Генеральной прокуратуры СССР выпустил Информационное письмо «О применении раствора люминола для обнаружения и предварительного исследования следов крови». Составителями данного документа были юристы А.И. Дворкин, В.В. Клочков и Э.У. Бабаева из указанного НИИ, а также медики Л.О. Барсегянц и А.А. Солохин из Центрального института усовершенствования врачей.

Для оценки уровня достоверности и распространенности анализируемого недоказательного метода (пробы) одним из авторов был сделан запрос одному из сторонников реакции хемолуминисценции А.И. Дворкину [6, с. 20], который сообщил: «Помимо меня никто серьезно проблемой люминола не занимался, и в литературе Вы можете найти только конкретные случаи его применения. Всего на практике мне пришлось применять люминол десятка полтора раз, в том числе в шести случаях это способствовало раскрытию убийств. Описание этих случаев (кроме некоторых) в литературе я не приводил» [12].

Самым известным случаем участия А.И. Дворкина в осмотре места происшествия (квартиры) для отыскания следов человеческой крови является эпизод расследования деятельности казанской преступной группировки «Хади Такташ», о чем, в частности, писали работники прокуратуры г. Казани Ф. Багаутдинов и М. Беляев: «Один из бывших членов группировки согласился на следственный эксперимент с выездом в Москву. В ходе эксперимента, проведенного в 2000 г., он показал квартиру, в ванной комнате которой в 1993 г. члены банды Галиакберова убили члена противоборствующей им части группировки «Хади Такташ» – Аксанова. Для осмотра квартиры был приглашен известный специалист в области криминалистики А. Дворкин. В результате использования им при осмотре места происшествия люминола через 7 лет со времени совершения убийства были обнаружены следы крови» [1, с. 20–21].

В другой публикации, посвященной расследованию преступлений «Хади Такташ», указанные авторы повторили утверждение, что с помощью А. И. Дворкина, применявшего раствор люминола при осмотре ванной комнаты, были обнаружены следы крови [2, с. 66].

Это оптимистичное заявление не находит подтверждения при изучении настоящего архивного уголовного дела. На с. 40 обвинительного приговора по членам группировки «Хади Такташ» указано: «Согласно заключению биологической экспертизы, на фрагментах плитки, изъятых в квартире 16 дома 9/11 по Товарищескому переулку

г. Москвы, крови не обнаружено (т. 1, л. д. 204–205). Однако такое заключение само по себе не может поставить под сомнение достоверность показаний свидетеля Макарова О., т.к. изъятие образцов плитки и их экспертное исследование произведены через шесть с половиной лет после происшествия. За это время кровь, как биологическое белковое соединение, под воздействием влажного воздуха в ванной комнате могла потерять свои свойства, что и могло помешать ее обнаружению. Кроме того, Макаров О. показал, что после расчленения трупа Аксанова С. они тщательно помыли пол и стены ванной комнаты» [16].

Иными словами, разрекламированная помощь следствию от применения раствора люминола здесь оказалась обыкновенным вымыслом. Показательно, что один из авторов указанных сообщений (М.В. Беляев) с 1998 по 2002 гг. состоял в должности следователя по особо важным делам прокуратуры г. Казани и входил в состав следственной группы, расследовавшей преступления группировки «Хади Такташ», то есть – должен был обладать полной информацией о несостоятельности применения люминола по названному эпизоду.

Обобщая сказанное, можно прийти к выводу о недопустимости использования раствора люминола при производстве следственных действий, поскольку такое применение может привести лишь к уничтожению возможных вещественных доказательств.

Список использованной литературы

1. Багаутдинов Ф., Беляев М. Обвиняется преступное сообщество // Законность. 2002. № 4. С. 18–22.
2. Беляев М.В., Багаутдинов Ф.Н. Бандитизм и преступное сообщество – вопросы организации расследования и доказывания // Следственная практика. М., 2005. Вып. 166. С. 59–71.
3. Викторова Л.Н. Современные возможности экспертиз вещественных доказательств. М. : ВНИИ Генерал. прокуратуры СССР, 1977. 63 с.
4. Выборнова А.А., Дворкин А.И., Энглин А.А. Методы предварительного анализа вещественных доказательств в следственной работе. М. : ВНИИ Генерал. прокуратуры СССР, 1968. 112 с.
5. Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики. М. : ЛексЭст, 2002. 1088 с.

6. Дворкин А.И. Предварительное исследование вещественных доказательств при расследовании преступлений : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1974. 21 с.
7. Загрядская А.П. Современные возможности судебно-медицинской экспертизы некоторых вещественных следов преступления. Горький : Горьк. мед. ин-т, 1977. 26 с.
8. Кежоян А.Х. Вещественные доказательства по делам об убийствах. М. : Юрид. лит., 1973. 104 с.
9. Леви А.А., Михайлов А.И. Обыск: справочник следователя. М. : Юрид. лит., 1983. 95 с.
10. Львов В.Е. Фабриканты чудес. Л. : Лениздат, 1974. 302 с.
11. Осмотр места происшествия (Справочник следователя) / И.Е. Быховский, Е.Н. Викторова, Ю.А. Горинов, Г.Я. Гриневич и др. М. : Юрид. лит., 1979. 223 с..
12. Письмо от 14 июля 2010 г. // Личный архив А.Н. Архиповой.
13. Сапожников Ю.С. Криминалистика в судебной медицине. Киев : Здоровье, 1970. 268 с.
14. Способ обнаружения невидимых следов крови : Информационное письмо № 13 ВНИИ криминалистики Прокуратуры СССР. М., 1963.
15. Туманов А.К. Основы судебно-медицинской экспертизы вещественных доказательств. М. : Медицина, 1975. 408 с.
16. Уголовное дело № 02п-01/5-2002 г. // Архив Верховного Суда Республики Татарстан.
17. Циркулярное письмо зам. начальника следственного управления Прокуратуры СССР от 12 июня 1967 г. № 3 (Н-46) 67.
18. Шиканов В.И. Криминалистическое значение следов крови. Иркутск : Изд-во ИГУ, 1974. 160 с.
19. Шиканов В.И. Комплексная экспертиза и ее применение при расследовании убийств. Иркутск : Вост.-Сиб. Кн. Изд-во, 1976. 231 с.

Информация об авторах

Смолькова Ираида Вячеславовна – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, заведующая кафедрой уголовного процесса и прокурорского надзора, Байкальский государственный университет экономики и права. 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, д. 11; e-mail: kupik@isea.ru.

Ардашев Роман Георгиевич – соискатель кафедры уголовно-правовых дисциплин, Иркутский государственный технический университет. 664074, г. Иркутск, ул. Игошина, 4; e-mail: ardashev.roman@gmail.com.

Архипова Анастасия Николаевна – старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин, Иркутский государственный технический университет. 664074, г. Иркутск, ул. Игошина, 4; e-mail: v52@istu.edu.

Information about the authors

Smolkova Iraida Vyacheslavna – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, The Head of Criminal Procedure and Procuracy Supervision Department, Baikal National University of Economics and Law, Lenin str. 11, Irkutsk, 664003; e-mail: kupik@isea.ru.

Ardashev Roman Georgievich – PHD candidate Department of Postgraduate Studies of Irkutsk State Technical University. Igoshin str. 4, Irkutsk, 664074; e-mail: ardashev.roman@gmail.com.

Arkhipova Anastasiya Nikolaevna – senior teacher of department of criminal law disciplines, Irkutsk State Technical University. Igoshin str. 4, Irkutsk, 664074; e-mail: v52@istu.edu.

УДК 343.13

**Е.И. Фойгель,
А.А. Козулева**

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕТОДА ПРОФАЙЛИНГА В ОПЕРАТИВНОЙ, СЛЕДСТВЕННОЙ И ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ*

В статье раскрывается понятие профайлинга как метода получения криминалистически значимой информации. Обосновывается це-

* Подготовлена при финансовой поддержке проекта «Пределы ограничения прав личности в уголовном судопроизводстве в целях обеспечения национальной безопасности государства: уголовно-процессуальный и криминалистический анализ», реализуемого в рамках проектной части государственного задания Минобрнауки РФ в 2014–2016 гг. в сфере научной деятельности (номер задания 29.1247.24 /К).

лесообразность использования профайлинга в деятельности правоохранительных органов. Определены основные цели использования метода. Обозначены основные направления использования профайлинга в оперативной, следственной и экспертной практике, описаны проблемные вопросы организационного и процессуального характера.

Ключевые слова: профайлинг, психологический профиль преступника, поисковый портрет преступника, диагностика ложных показаний, тактические приемы следственных действий.

**E.I. Foygel
A.A. Kozuleva**

USING PROFILING IN THE OPERATIONAL, INVESTIGATIVE AND EXPERT ACTIVITIES

The article deals with the concept of profiling as a method of producing forensically relevant information. The feasibility of the use of profiling in law enforcement. The main purpose of using the method. The basic directions of use of profiling in the operational, investigative and expert practice, described the problematic issues of organizational and procedural nature.

Keywords: profiling, psychological profile of the criminal, a portrait of the criminal search, diagnostics false testimony, the tactics of the investigation.

Одной из основных задач осуществления поисково-познавательной деятельности субъекта расследования преступлений является собирание и анализ криминалистически значимой информации. Процессуальная форма данного вида деятельности реализуется посредством осуществления следственных и процессуальных действий, не процессуальная чаще всего — в виде оперативно-розыскных мероприятий. Возможности современной криминалистической науки предоставляют в распоряжение сотрудников правоохранительных органов мощный арсенал современных средств и методов собирания, исследования и анализа криминалистически значимой информации.

К числу наиболее интересных методов получения ориентирующей информации относится метод профайлинга. Традиционно под профайлингом принято понимать совокупность психологических методов и методик оценки и прогнозирования поведения человека на

основе анализа наиболее информативных частных признаков, характеристик внешности, невербального и вербального поведения [9].

Проблемами составления психологического профиля, поискового портрета преступника посвящены труды таких известных ученых криминалистов, как В.А. Образцов [6], В.И. Шиканов [5], А.А. Протасевич [8].

В чистом виде метод профайлинга может быть реализован в уголовном судопроизводстве в виде использования специальных познаний, поскольку преимущественно осуществляется высококвалифицированными специалистами в области психологии, однако возможность обучения сотрудников следственных и оперативных подразделений элементам профайлинга способствует значительному повышению эффективности производства процессуальных, следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий.

Использование метода профайлинга в оперативной и следственной деятельности ставит перед собой следующие задачи:

- осуществление психологической диагностики;
- осуществление мер правомерного психологического влияния;
- прогнозирование дальнейшего поведения;
- диагностика ложных показаний;
- побуждение к даче правдивых показаний.

В настоящее время в деятельности правоохранительных органов можно выделить следующие основные направления использования метода профайлинга.

1. Производство оперативно-розыскных мероприятий по поиску неизвестного преступника

Анализ места преступления с точки зрения профайлинга на сегодняшний день отличается от осмотра места происшествия оперативными сотрудниками. Оперативные сотрудники, не владея технологией профайлинга, пропускают много информации, которая может помочь найти преступника. Это связано с тем, что с точки зрения профайлинга внешнее пространство является отражением внутреннего мира человека, поэтому грамотный анализ следовой картины преступления открывает большой пласт информации о личности преступника и о том, кого и где нужно искать.

Безусловно, процесс составления профиля неизвестного преступника – это очень сложный процесс. И до сих пор уже много лет идут споры о его применимости, его эффективности и надежности, насколько достоверны полученные данные, насколько оперативные

сотрудники могут пользоваться и основываться на данных поискового профиля неизвестного преступника и принимать его во внимание при разработке оперативных мероприятий.

На основе проведенного анализа уголовных дел, где использовался составленный специалистами профиль преступника, мы можем выделить следующие причины недостаточной эффективности применения метода профилирования неизвестного преступника.

Одной из причин низкой эффективности применимости профиля является составление не поискового, а психологического профиля преступника. В психологическом портрете неизвестного преступника делается акцент на личности преступника, его индивидуальных особенностях, возможных проблемах психического плана. Данные могут быть очень полезны на этапе работы с известным преступником, когда он уже пойман, и с ним необходимо устанавливать контакт с целью получения информации о событии.

Поисковый портрет предполагает предоставление конкретных рекомендаций для оперативных сотрудников на этапе оперативно-розыскных мероприятий, которые основаны на анализе следовой картины преступления: личность какого психотипа, его внешность и особенности в одежде, особенности поведения и речи, как организовано его пространство, его увлечения, где и кем может работать или работал, где искать территориально, его истинные причины совершенного преступления и др. В поисковом портрете круг подозреваемых сужается по выделенным в результате анализа места преступления критериям.

Следующей причиной низкой надежности профилирования неизвестного преступника является недостаточная подготовленность специалистов-психологов, незнание методики составления профиля преступника. В Израиле, например, обучение по методике составления поведенческого профиля неизвестного преступника занимает примерно один год. В России на сегодняшний день подобного обучения нет.

Еще одной причиной, которая снижает результативность применения поискового портрета преступника, является определенная пассивность со стороны оперативных сотрудников, которые в силу своей загруженности, работают по отработанной схеме, не принимают во внимание рекомендации специалиста по поиску преступника. Безусловно, такое положение связано с недоверием результатам проведенного анализа либо неудачным его применением в прошлом.

Как мы видим, все три основные причины взаимосвязаны, и, соответственно, проблемы с этим связанные должны решаться одновременно – для получения эффективных результатов.

Грамотно составленный поисковый портрет неизвестного преступника включает в себя четкие рекомендации кого искать, позволяет сузить географию поиска и сократить время поиска. Применение поискового портрета неизвестного преступника крайне необходимо при расследовании сексуальных серийных преступлений, в том числе в отношении несовершеннолетних, но может применяться и по одиночным преступлениям.

2. Производство следственных действий.

В уголовном процессе ложь, сохраняя свое основное значение средства введения в заблуждение и управления поведением других лиц, нередко противопоставляется усилиям сотрудникам по раскрытию преступления и изобличению виновных. Для успешной реализации задач правосудия доброкачественность информации, на основании которой принимаются решения по уголовным делам, имеет исключительное значение. Поэтому психодиагностика лжи является необходимым условием установления истины по делу [2, с. 16].

Внимание следователя во время проведения допросов и других следственных действий концентрируется на наблюдении за человеческим поведением с целью определения психологического состояния личности и той роли, которую тело играет в передаче информации об искренности или неискренности говорящего.

Конечно, каждый сотрудник в процессе работы иногда сам того не замечая, неизбежно опирается на данные психологии. Но чаще всего это эмпирическая, житейская психология, эклектично существующая в его профессиональном багаже. По большей части подобные знания в целом позволяют ориентироваться в обыденных ситуациях, но оказываются недостаточными в сложных проблемных ситуациях.

Знания, которые сотрудники приобретают в процессе обучения профайлингу, позволяют оценить личность опрашиваемого лица, понять, как установить в кратчайшие сроки психологический контакт с человеком, как вывести на дачу правдивых показаний, как распознать ложь в показаниях и, наконец, получить признательные показания у причастного лица.

Следователи, поставленные в жесткие процессуальные рамки, часто сталкиваются с невозможностью выполнения задач в установленные сроки. Применение таких методик как индивидуальная про-

файлинговая беседа с применением опросника Натана Гордона, метода когнитивного интервью и групповой профайлинг показывают свою эффективность при расследовании многих преступлений. Данные инструменты уже сегодня активно применяются при проведении следственных действий, таких как очная ставка, обыск, проверка показаний на месте преступления, допрос, и на практике показали свою эффективность.

3. Производство доследственных проверок на этапе возбуждения уголовного дела.

При получении объяснений от граждан и должностных лиц в рамках рассмотрения сообщения о совершении преступлений, сотрудники применяют технологию профайлинга для оценки поведения опрашиваемых лиц и выявления признаков наличия скрываемой информации, что может существенно повлиять на принятие решения о возбуждении уголовного дела либо отказе в возбуждении уголовного дела.

4. Профайлинг при выполнении оперативно-служебных задач, связанных с обеспечением безопасности граждан и общественного порядка

В соответствии с п. 5 ст. 12 Федерального закона РФ от 07.02.2011 г. №3 ФЗ «О полиции» в обязанности полиции входит «обеспечение безопасности граждан и общественного порядка... на транспортных магистралях, вокзалах, в аэропортах, в морских и речных портах и других общественных местах» [7].

Технология профайлинга позволяет его использование для обеспечения безопасности практически на всех видах общественного транспорта и во всех общественных местах.

В рамках данного направления профайлинг применяется для выявления лиц с признаками криминальных намерений и для опроса пассажиров. Настораживающее поведение является оправданным поводом для проведения более тщательного досмотра и проверки документов [4, с. 78].

5. Осуществление экспертной деятельности.

На сегодняшний день с применением профайлинга возможно проведение следующих видов судебно-психологических экспертиз:

1. Психолингвистическая (нейролингвистическая) экспертиза – данный вид экспертиз позволяет определить истинность или ложность высказываний, показаний подозреваемого или свидетеля, определить фрагменты истинного или ложного высказывания. Это не простая психолингвистическая экспертиза, – ее особенность заключается

в том, что, анализируя ответы подэкспертного, степень причастности или непричастности к событию определяется не только быстро и точно, но еще версия эксперта легко демонстрируется судье или суду присяжных.

2. Психоэмоциональная экспертиза или экспертиза мимики и эмоций – в основе этой экспертизы лежит общепринятая мировая методика, созданная Полом Экманом FACS и EmFACS, которая по мимике позволяет определить соответствие тому, что говорит человек и что он думает на самом деле. Использование специализированного программного обеспечения позволяет считать этот вид экспертиз самым точным с точки зрения детекции лжи.

3. Психолого-почерковедческая экспертиза, а также различного рода экспертизы, устанавливающие подлинность подписи или документов, – это одно из новых, но, в то же время, быстроразвивающееся направление судебных экспертиз. На сегодняшний момент с высокой долей вероятности можно, как техническими, так и почерковедческими способами, определить степень значимости того или иного участка рукописного текста или определить, например, по рукописному тексту объяснения степень правдивости или ложности в описании выделенного фрагмента или целого документа.

4. Определение причастности лица по косвенным признакам – еще один вид судебной экспертизы, который позволяет собрать воедино большое число уликовых признаков, как если бы, к делу не относящихся, и сделать однозначный вывод о возможной причастности или непричастности лица к совершенному правонарушению. Методика великолепно зарекомендовала себя, как способ получения основной доказательной базы в момент ее проведения.

5. Проективная методика установления истинности – данная методика разработана на базе американских аналогов и позволяет достаточно точно определять причастность или непричастность человека к тому или иному правонарушению, обычно используется, как дополнительный аргумент при фиксации доказательной базы.

6. «Оценка валидности утверждения показаний» – международная психологическая и психолингвистическая методика, определяющая степень надежности или достоверности показаний свидетелей, потерпевших или обвиняемых. Данная методика великолепно зарекомендовала себя в международном уголовном праве и процессах; в адаптированном виде используется для судебных экспертиз. Суждение о причастности или непричастности выносится на основании

19 критериев, выделенных судебными психиатрами, и на основе математической обработки информации, что позволяет достаточно точно определять истинные показания от заранее подготовленных.

7. Непосредственно сама профайлинговая экспертиза: «Методика определения соответствия модели поведения подэкспертного профиля лица, совершившего расследуемое преступление». Данная экспертиза направлена на определение профиля преступника, совершившего данное преступление, она позволяет определить возможность причастности того или иного лица к совершению инкриминируемого ему деяния [4, с. 131].

6. Обучение профайлингу оперативных сотрудников

Современный подход к формированию кадрового состава оперативных работников, комплектование его специалистами подготовленными и владеющими современными технологиями в области человековедения, требует разработки новых форм и методов обучения. Перед нами ставится задача подготовки юриста – специалиста высшей квалификации, не только наделенного набором профессиональных знаний, но и имеющего психологическую подготовку, в частности в области профайлинга. Одна из проблем высшего юридического образования заключается в том, что оно пока еще не в должной мере обеспечивает надлежащий уровень обучения практическим навыкам в области криминалистической психологии, психологии личности, психологии общения, психологии и психодиагностики лжи.

Сотрудники правоохранительных структур, осознавая необходимость в таких знаниях, стремятся расширить свой тактический репертуар, используя разные источники информации.

Принимая во внимание существующую проблему, нами была разработана и апробирована экспериментальная программа обучения в рамках повышения квалификации оперативных сотрудников. Целью экспериментальной программы явилось обучение сотрудников правоохранительных структур практическим навыкам использования технологии профайлинга и методикам безинструментальной детекции лжи.

Главными темами программы явились: 1) психотипология личностей с точки зрения криминалистической психологии; 2) современные подходы к изучению личности преступника на основе знаний оперативной психодиагностики; 3) содержание и особенности установления психологического контакта и управления коммуникацией с фигурантами по уголовным делам во время проведения оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий, психологические приемы воз-

действия на допрашиваемого; 4) феномен лжи и психологические особенности лица, дающего ложные показания, профайлинг и безынструментальная детекция лжи опрашиваемых лиц; 5) индивидуальная профайлинговая беседа и групповой профайлинг в расследовании преступлений, тактика разоблачения лжи и получения признательных показаний; 4) определение лиц с признаками намерений совершить противоправные действия, в том числе террористические акты.

Важно отметить, что психологическая подготовка сотрудников правоохранительных органов должна вести и в направлении обучению сотрудников антитеррористических подразделений: знание психологии людей, способных к совершению терактов, и знания, позволяющие в многолюдном потоке выявить человека, готовящегося совершить данное преступление, по внешним признакам и особенностям его поведения [1, с. 3].

И как показало проведенное нами исследование, эффективное овладение технологией профайлинга и методиками безынструментальной детекции лжи возможно только при прохождении специального обучающего курса, что было бы целесообразно проводить на юридических факультетах в рамках программ обучения и повышения квалификации.

7. Обучение профайлингу следователей. Обучение следователей технологии профайлинга имеет свою особенность. Основная задача следователя – закрепление в процессуальной форме доказательств, ведение расследования уголовных дел и организация работы всей следственно-оперативной группой. В связи с этим обучение выстраивается с именно учетом специфики деятельности следователя.

Таким образом, технология профайлинга является универсальным комплексным и современным инструментом, который целесообразно использовать в правоохранительных органах в следственной, оперативной, кадровой и управленческой деятельности.

Перечень аспектов применения профайлинга, представленный нами, безусловно, не является исчерпывающим и будет расширяться по мере того, как методики профайлинга будут внедряться в практическую деятельность сотрудников правоохранительных органов.

Список использованной литературы

1. Анисимова Н.Н. Особенности визуальной психодиагностики личности террориста. Обнаружение криминального искажения информации : учеб.-метод. пособие. Домодедово : ВПИК МВД России, 2007. 78 с.
2. Блинова И.В., Козулева А.А. Психодиагностика лжи в показаниях допрашиваемых лиц. Методическое пособие для следователей. Иркутск : Изд-во Иркут. Ин-та повышения квалификации прокурорских работников ГП РФ, 2004. 54 с.
3. Вачковская О.В. Психология коррупционного поведения госслужащих : монография. СПб. : ООО «Книжный Дом», 2013. – 264 с.
4. Волынский-Басманов Ю.М., Эриашвили Н.Д. Профайлинг : Технологии предотвращения противоправных действий : учеб. пособие. М. : ЮНИТИ-ДАНА : Закон и право, 2013. 199 с.
5. Монологи: Криминалисты о своей науке, призванной адекватно противостоять современной преступности / отв. ред. И.В. Смолькова и В. И. Шиканов. Иркутск ; Москва : Изд-во ИГЭА, 1999. 352 с.
6. Образцов В.А., Богомолова Н.Н. Криминалистическая психология. М. : Юнити-Дана, 2002. 448 с.
7. О полиции : федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ // Рос. газ. 2011. 8 февр.
8. Протасевич А.А. Поисковый портрет как интегративная система. Иркутск : Изд-во ИГЭА, 1998. 108 с.
9. Профайлинг [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: 12.10.2015).
10. Спирица Е.С. Реальная психология лжи. М. : Междунар. Акад. Исследования Лжи, 2015. 256 с.
11. Центр судебных экспертиз IARL. Международная академия лжи. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://iarl.ru> (дата обращения: 12.10.2015).

Информация об авторах

Фойгель Елена Игоревна – заведующая кафедрой уголовного процесса и криминалистики, Иркутский институт Всероссийского государственного университета юстиции, кандидат юридических наук, доцент, 664011, г. Иркутск, ул. Некрасова, 4; e-mail: foiguelena@gmail.com.

Козулева Анна Алексеевна – эксперт-профайлер, психолог, преподаватель Иркутского Представительства Международной Академии Исследования лжи, г. Иркутск, ул. Гоголя, 53/2; e-mail: kozulevaanna@gmail.com.

Information about the author

Foygel Elena Igorevna – Holder of a chair of criminal process and criminalistics Irkutsk Institute (Affiliate) of the All-Russian State University of Justice, Ph D in Law, Associate Professor, 664011, Nekrasova, 4; e-mail: foiguelena@gmail.com.

Kozuleva Anna Alekseevna – expert-profiler, a psychologist, a teacher of Irkutsk Branch of the International Academy of Research of lies, Irkutsk, Gogolya, 53/2; e-mail: kozulevaanna@gmail.com.

УДК 343.163

Я.А. Климова

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОЛНОМОЧИЙ ПРОКУРОРА НА СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

В статье анализируется проблема полномочий прокурора, рассматривается исторический аспект их трансформации на стадии возбуждения уголовного дела. Аргументируется необходимость тщательной правовой регламентации процессуальных полномочий прокурора в данной стадии. Делается вывод о целесообразности расширения полномочий прокурора.

Ключевые слова: полномочия прокурора, трансформация, стадия возбуждения уголовного дела, прокурорский надзор, возбуждение уголовного преследования, отказ в возбуждении уголовного дела.

Y.A. Klimova

THE TRANSFORMATION OF THE OFFICE OF THE PROSECUTOR AT STAGE OF CRIMINAL CASE INITIATION

The article analyzes the problem of the powers of the prosecutor, is considered the historical aspect of their transformation at the stage of a criminal case. The necessity of careful legal regulation of procedural powers of the prosecutor in this stage. The conclusion of the feasibility of expanding the powers of the prosecutor.

Keywords: powers of the prosecutor, transformation, stage of a criminal case, public prosecutor's supervision, criminal prosecution, the refusal to institute criminal proceedings.

В настоящее время продолжается процесс реформирования досудебного производства с модернизацией полномочий участников судопроизводства на стадии возбуждения уголовного дела и предварительного расследования. Однако до сих пор не выработано единое общепризнанное концептуальное решение по реформированию правового статуса прокурора на первоначальном этапе уголовного процесса. Для определения путей оптимизации того или иного процессуального института и его компонентов необходимо знать особенности его возникновения и развития. В этой связи считаем целесообразным рассмотреть трансформацию полномочий прокурора на стадии возбуждении уголовного дела через призму исторического анализа становления института возбуждения уголовного преследования в отечественном уголовном судопроизводстве.

По мнению большинства ученых, история вопроса берет свое начало в 1864 г., когда был принят Устав уголовного судопроизводства. Так, Р.С. Акперов считает, что в России самостоятельный институт возбуждения уголовного дела отсутствовал вплоть до принятия Устава уголовного судопроизводства 1864 г. [1, с. 11]. Л.А. Сиверская также говорит о том, что нормативно-правовое регулирование института возбуждения уголовного дела произошло в 1864 году [13, с. 250]. Иную точку зрения высказывает А.А. Усачев, связывающий начало становления института возбуждения уголовного дела с принятием в 1832 году Свода законов Российской Империи, закреплявшего полномочия должностных лиц о начале производства по уголовному делу [15, с. 13]. Позиция М.Г. Ковалевой также заслуживает внимания. Рассматривая гл. 2 «О процессе или тяжбе» Краткого изображения процессов или судебных тяжб 1715 года, М.Г. Ковалева полагает, что некоторые аспекты деятельности по возбуждению уголовного дела получили законодательную регламентацию еще в период правления Петра I [10, с. 40]. При этом Н.А. Власова утверждает, что отечественное дореволюционное законодательство не предусматривало возбуждения уголовного дела ни как самостоятельной стадии, ни как процессуального акта о начале производства по делу, поэтому понятие института возбуждения уголовного дела сформировалось только к 1918 г. и получило свое развитие лишь в советском уголовном процессе [6, с. 19].

Считаем правильным присоединиться к мнению большинства ученых, придерживающихся точки зрения, что до 1864 г. в законодательстве отсутствовала стадия возбуждения уголовного дела. Однако

следует проводить различия между двумя понятиями: возбуждение уголовного дела как процессуальный институт, стадия процесса и как отдельный процессуальный акт. Согласимся с точкой зрения Э.Р. Исламовой, считающей, что отдельными полномочиями при решении вопроса о возбуждении уголовного преследования прокурор был наделён задолго до принятия Устава уголовного судопроизводства [7, с. 16].

Первые упоминания о полномочиях прокурора при возбуждении уголовного дела содержались в Циркулярном ордере к губернским прокурорам от 22 сентября 1802 г. Ордер впервые выделял надзор за ходом расследования как особую сферу контроля прокуроров, которые должны были наблюдать, не допускаются ли пристрастные допросы, насилие и другие притеснения, но вместе с тем должны были выявлять и пресекать сокрытие преступлений и послабления преступникам.

Однако, как правильно отметил В.Г. Бессарабов, отсутствовал единый законодательный акт о прокурорском надзоре, и в частности на стадии возбуждения уголовного дела [3, с. 161]. В этой связи полномочия прокурора в сфере надзора и функции прокуроров были весьма обширными, но в то же время очень размытыми и неопределёнными, что привело к низкой эффективности надзора в стадии возбуждения.

В этой связи важным историческим шагом в развитии регламентации полномочий прокурора на стадии возбуждения уголовного дела явилось принятие Устава 1864 г., где впервые на законодательном уровне были закреплены правовые основания, наличие которых влекло освобождение от уголовного преследования. При этом Устав напрямую не содержал положений, регламентирующих решения об отказе в возбуждении уголовного дела. Однако он предусматривал решение прокурора, не допускающее возбуждения уголовного преследования. Примечательно, что от прокурора не требовалось вынесения отдельного постановления или иного процессуального документа, это решение выражалось лишь в уведомлении заинтересованных лиц (ст 312 УУС)¹. Таким образом, прокурор мог инициировать как отказ в возбуждении уголовного дела, так и в его возбуждение.

¹ Статья 312 УУС гласит, что прокурор и его товарищи не должны требовать «начатие» следствия без достаточных к тому оснований.

Огромное влияние на формирование полномочий прокурора оказал советский этап. Так, УПК РСФСР 1922 г. наделял прокурора обширными полномочиями на стадии возбуждения. При этом ст. 9 УПК РСФСР 1922 г. обязывала прокуратуру возбуждать уголовное преследование перед следственными и судебными органами по всем преступлениям. В ст. 100 УПК РСФСР 1922 г. закреплялось полномочие прокурора отказывать в производстве дознания или предварительного следствия ввиду отсутствия признаков преступления, о чем объявлялось заинтересованным лицам. Аналогичные полномочия прокурора были закреплены и в УПК РСФСР 1923 года.

Постановление ВЦИК от 05.05.1925 г. впервые в компетенцию прокурора включает решение вопроса о целесообразности возбуждения уголовного дела и производства расследования. В результате УПК РСФСР 1923 г. был дополнен ст. 4-а, согласно которой прокурор был уполномочен отказывать в возбуждении уголовного преследования на основаниях малозначительности деяния и нецелесообразности.

Продолжение этой тенденции наблюдается в указаниях для прокурора, содержащихся в директивном письме от 20 августа 1928 г., утвержденном НКЮ и Верховный Суд РСФСР. Согласно директиве возбуждать уголовное дело необходимо только после тщательного рассмотрения прокурором возможности отказа в производстве расследования при отсутствии состава преступления, при малозначительности деяния, при отсутствии общественно-опасных последствий. В этот период (30-е–50-е гг.) на практике прокурор даже самостоятельно проводил доследственные проверки и после этого решал вопрос о необходимости возбуждения или отказа в возбуждении уголовного дела. Это способствовало положительной динамике в обеспечении прокурорского надзора за обоснованностью и законностью возбуждения уголовного дела.

Немаловажным шагом стало введение М.С. Строговичем понятия «отказ в возбуждении уголовного дела» в теорию советского уголовного процесса [4, с. 259–260]. Однако законодательное закрепление термин «отказ в возбуждении уголовного дела» получил лишь в Уголовно-процессуальном кодексе РСФСР 1960 г. (ст. 113 УПК). Норма статьи гласила, что прокурор при отсутствии оснований для возбуждения уголовного дела, обладал полномочием самостоятельно отказать в возбуждении уголовного дела. Это полномочие распространялись также на те случаи, когда имелись обстоятельства, исключающие уголовное преследование. Перечень обстоятельств, ис-

ключающих производство по уголовному делу, содержался в ст. 5 УПК. При этом ст. 116 УПК РСФСР 1960 г. содержала оговорку, что прокурор мог отменить постановление о возбуждении уголовного дела только при условии, если по уголовному делу следственные действия не проводились, в ином случае предусматривалось только прекращение уголовного дела [2, с. 47–49]. Прокурор в соответствии со ст. 3 УПК РСФСР был обязан в пределах своей компетенции возбуждать уголовное дело, а по ряду дел прокурор мог инициировать расследование даже при отсутствии жалобы потерпевшего (ст. 5, ст. 27 УПК РСФСР). Роль прокурора на стадии возбуждения уголовного дела состояла, прежде всего, в осуществлении надзора за деятельностью органов предварительного расследования по рассмотрению поступивших сообщений с целью выяснения наличия или отсутствия правовых предпосылок для возбуждения уголовного дела.

Таким образом, на стадии возбуждения уголовного дела полномочия прокурора были существенно расширены.

В дальнейшем эти полномочия были систематизированы и их императивный характер был закреплён в первом Законе Союза ССР «О прокуратуре СССР», принятом Верховным Советом СССР 30 ноября 1979 года.

Принятие закона «О прокуратуре Российской Федерации» 17 января 1992 г. способствовало формированию прокуратуры смешанного типа, т.е. осуществляющей надзор за исполнением законов и уголовное преследование, это имело огромное значение для определения полномочий прокурора в новых социально-экономических условиях, способствовало повышению значения организационно-правовых начал в деятельности прокуроров по осуществлению надзора.

Принятие Федерального закона от № 168-ФЗ от 17 ноября 1995 года внесло существенные изменения, в частности с включением самостоятельной главы «Надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина» в Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» в деятельности прокуратуры на первый план выходит обеспечение защиты прав и свобод человека и гражданина. Как отмечают В.Г. Бессарабов и К.А. Кашаев, несмотря на то, что приоритетным направлением остается обеспечение верховенства закона, единства и укрепления законности, при этом «стержнем» прокурорской деятельности становится правозащитная функция [4, с. 223].

Кардинальные изменения в стране повлекли необходимость принятия нового законодательства, соответствующего реалиям вре-

мени. Одним из важнейших шагов в осуществлении судебно-правовой реформы стало принятие Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) 21 ноября 2001 г., вступившего в действие с 01 июля 2002 г. С этого момента начинается новейший этап в развитии роли прокуратуры. Так, на стадии возбуждения прокурор не только был уполномочен самостоятельно возбуждать уголовное дело публичного обвинения, а в ряде случаев по делам частного и частно-публичного обвинения даже при отсутствии заявления потерпевшего (п. 2 ч. 2 ст. 37, ч. 2 ст. 147 УПК РФ) мог инициировать начало уголовного преследования, но и давал согласие на возбуждение уголовных дел любой категории следователю и дознавателю. Принятие Федерального закона от 05 июня 2007 года № 87-ФЗ значительно сократило полномочия прокурора, в том числе на стадии возбуждения уголовного дела, выразившееся не только в ликвидации процедуры получения согласия прокурора на возбуждение уголовного дела, но и в лишении его права возбуждать уголовное дело.

Эта «модернизация» статуса прокурора критиковались многими учеными и практиками. Общие претензии к законодателю можно выразить высказыванием С.Ю. Лапина, справедливо указавшим на новую роль прокурора в стадии возбуждения – пассивного созерцателя, имеющего право надзора, но лишенного действенных полномочий для его осуществления [12].

Особенную актуальность полномочия прокурора приобретают в свете принятия изменений в УПК РФ, внесенных Федеральным законом от 4 марта 2013 года № 23-ФЗ и Федеральным законом от 22 октября 2014 г. № 308-ФЗ. Согласно указанным новеллам, был расширен перечень процессуальных действий, проводимых до возбуждения уголовного дела. Это свидетельствует о том, что законодатель обратил свое внимание на необходимость повышения эффективности проверки сообщения о преступлении и недопущения нарушений именно до начала производства по уголовному делу, с целью избежать как необоснованное возбуждение уголовного дела, так и необоснованный отказ в его возбуждении. Тем самым в настоящее время возрастает значение самой стадии возбуждения уголовного дела и, соответственно, полномочий прокурора на этой стадии, в связи с чем еще острее ощущается необходимость возвращения реального прокурорского надзора за деятельностью органов предварительного расследования.

На необходимость повышения эффективности надзора на заседании коллегии Генеральной прокуратуры, состоявшейся 24 марта 2015 года, указал президент России Владимир Путин. Безосновательный отказ в регистрации преступлений, неоправданное затягивание сроков расследований нарушает такой базовый правовой принцип, как неотвратимость наказания, дает основания пострадавшим людям усомниться в эффективности правоохранительной системы, в силе закона и в целом в возможности государства восстановить справедливость, защитить их права, безопасность, личное достоинство и имущество, отметил президент России Владимир Путин [9].

Решение этой проблемы мы видим в возвращении прокурору права самостоятельного возбуждения уголовного дела. Это характерное, исторически присущее прокуратуре полномочие, положительно зарекомендовавшее себя как в отечественном, так и в зарубежном уголовном процессе. Реализация этого полномочия прокурором будет способствовать обеспечению законности и защите прав человека и гражданина в стадии возбуждения уголовного дела. За возвращение прокурору полномочия возбуждать уголовные дела высказываются большинство ученых – процессуалистов и практиков [5, с. 51; 11, с. 14–15].

Однако, как справедливо отмечает Э.Р. Исламова, в действующем уголовно-процессуальном законе до сих пор отсутствует должная правовая регламентация процессуальных полномочий прокурора в стадии возбуждения уголовного дела [9, с. 68–54].

Таким образом, необходимость трансформации полномочий прокурора на стадии возбуждения не вызывает сомнений. Полагаем, что следует выстраивать собственную, отечественную модель прокурорской деятельности при принятии решения об инициации уголовного процесса – принимая во внимание ранее существовавшую практику, зарубежный опыт, а также реалии современного периода. Было бы логичным расширить полномочия прокурора путем предоставления ему права самостоятельного возбуждения уголовных дел по фактам выявленных им в ходе прокурорских проверок преступлений. Для остальных случаев за прокурором необходимо сохранить надзорные полномочия, позволяющие эффективно, а не только на декларативном уровне, реагировать на незаконные решения органов предварительного расследования о возбуждении уголовного дела.

Список использованной литературы

1. Акперов Р.С. Возбуждение уголовного дела в уголовно-процессуальном праве Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2010. 20 с.
2. Арзиани С. Отмена незаконного постановления следователя о возбуждении дела // Законность. 2010. № 1. С. 47–49.
3. Бессарабов В.Г. Дореформенная (петровская) прокуратура (1772–1864 гг.) // Журнал российского права. 2002. № 8. С. 152–161.
4. Бессарабов В.Г., Кашаев К.А. Защита российской прокуратурой прав и свобод человека и гражданина. М. : Городец, 2007. 223 с.
5. Быков В. Права прокурора на стадии возбуждения уголовного дела // Законность. 2013. № 4. С. 49–53.
6. Власова Н.А. Пути совершенствования форм досудебного производства в уголовном процессе // Российский следователь. 2000. № 5. С. 19–23.
7. Исламова Э.Р. Процессуальные полномочия прокурора в стадии возбуждения уголовного дела : дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2009. 202 с.
8. Исламова Э.Р. Проблемы обеспечения законности в стадии возбуждения уголовного дела // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения : сб. науч. тр. Иркутск, 2014. Вып. 2 (6). С. 58–64.
9. Информационный портал «РИАновости» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ria.ru/incidents/20150324/1054204020.html#ixzz3YgWxZrJc> (дата обращения: 17.09.2015).
10. Ковалева М.Г. Возбуждение уголовного дела и обеспечение его законности и обоснованности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2005. 40 с.
11. Крюков В.Ф. Правовой статус прокурора в уголовном преследовании (досудебное и судебное производство) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2012. 51 с.
12. Лапин С.Ю. Прокурор-следователь: революция началась // Эж-Юрист. 2007. № 26. [Электронный ресурс] // СПС «Консультант-Плюс».

13. Сиверская Л.А. Ретроспективный взгляд на эволюцию уголовно-процессуального института «Рассмотрение сообщения о преступлении» // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2011. № 1. С. 248–253.

14. Строгович М.С. Уголовный процесс : учебник. М. : Изд-во НКЮ СССР, 1938. 427 с.

15. Усачев А. А. Возбуждение уголовного дела в российском уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2003. 22 с.

Информация об авторе

Климова Яна Александровна – начальник отдела по расследованию преступлений в сфере экономики СУ Волгоградского ЛУ МВД России на транспорте, адъюнкт кафедры уголовного процесса УНК по предварительному следствию в ОВД, Волгоградская Академия МВД России; e-mail: musissss@rambler.ru.

Научный руководитель: *Зайцева Елена Александровна* – профессор кафедры уголовного процесса учебно-научного комплекса по предварительному следствию в ОВД Волгоградской академии МВД России, д.ю.н., профессор. 400089, Россия, г. Волгоград, ул. Историческая, 130; e-mail: zaitceva-expert@rambler.ru.

Information about the author

Klimova Yana Aleksandrovna – Chief of Department for investigation of economic crimes Office of Investigations of the Volgograd LA Transport Department of the Ministry of Interior of Russia, Adjunct of the Department of Postgraduate Training of the Volgograd Academy; e-mail: musissss@rambler.ru.

Academic advisor: *Zaitseva Elena Aleksandrovna* – the professor of the chair of the criminal process of the Volgograd academy of the MIA Russia, the doctor of jurisprudence, the professor. 400089, Russia, Volgograd, Istoricheskaya St., 130; e-mail: zaitceva-expert@rambler.ru.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА СТРАН СНГ, РЕГУЛИРУЮЩЕГО ПРЕДМЕТ ДОКАЗЫВАНИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ, СТРАДАЮЩИХ ПСИХИЧЕСКИМИ РАССТРОЙСТВАМИ

В статье дается сравнительный анализ уголовно-процессуального законодательства стран СНГ, устанавливающего обстоятельства предмета доказывания по уголовным делам о преступлениях несовершеннолетних, страдающих психическими расстройствами. Представлен анализ существующих законодательных подходов. Делается вывод о принципиальном сходстве данных обстоятельств на основе сравнения с положениями УПК РСФСР 1960 года.

Ключевые слова: законодательство, СНГ, предмет доказывания, уголовное дело, несовершеннолетний, психическое расстройство.

A.V. Razdrogin

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE CRIMINAL PROCEDURAL LEGISLATION OF THE CIS COUNTRIES REGULATORY SUBJECT OF PROOF IN CRIMINAL CASES INVOLVING OFFENSES COMMITTED BY MINORS WITH MENTAL DISORDERS

The article provides a comparative analysis of the criminal procedural legislation of the CIS countries, sets out the circumstances of the subject of proof in criminal cases involving minors with mental disorders. The analysis of existing legislative approaches. The conclusion about the fundamental similarity of these circumstances on the basis of comparison with the provisions of the CPC of the RSFSR of 1960.

Keywords: legislation, the CIS, the subject of proving a criminal case, a minor, a mental disorder.

Уголовно-процессуальное законодательство России и стран СНГ имеет много общего, так как основой для их создания послужил УПК

РСФСР 1960 года. Вместе с тем существуют определенные различия в предмете доказывания по делам несовершеннолетних в этих государствах. Так почти во всех УПК стран СНГ, кроме Белоруссии [3], имеются отдельные статьи, посвященные предмету доказывания по делам несовершеннолетних с учетом их психического состояния. Вместе с тем конкретное содержание их может значительно разниться.

Наиболее распространенными обстоятельствами предмета доказывания по данной категории дел в УПК стран СНГ являются: возраст несовершеннолетнего (число, месяц и год рождения), условия жизни и воспитания несовершеннолетнего, уровень его развития и иные личностные характеристики. Законодательства, Азербайджана [1], Армении [2], Казахстана [4], Кыргызстана [5], Молдовы [6], России [7], Таджикистана [8], Туркменистана [9], Узбекистана [10], Украины [11] единодушно указывают на установление в качестве обязательных.

При этом УПК Молдовы определяет условия жизни и воспитания, как «повседневные», УПК Таджикистана добавляет к ним еще и условия обучения, а УПК Туркменистана – условия быта.

Наблюдаются различные подходы к определению доказывания уровня развития. Так по УПК Армении, Украины и Узбекистана достаточно установление общего уровня развития, по УПК РФ только психического. По УПК Кыргызстана следует устанавливать степень интеллектуального и психического развития. Законодательство Казахстана, Молдовы, Таджикистана, Туркмении добавляет к перечисленному и уровень волевого развития. В Азербайджане помимо упомянутого интеллектуального следует устанавливать также уровень физического и умственного развития несовершеннолетнего.

В большинство правовых порядков стран СНГ считается необходимым изучение личности несовершеннолетнего за пределами различных уровней его развития. Особенности характера и темперамента, потребности и интересы несовершеннолетнего подлежат установлению в Казахстане, Таджикистане, Туркменистане. В Молдове вместо потребностей установлению подлежат запросы. В Узбекистане правоприменитель удовлетворяется установлением характерных черт личности, а в РФ иных особенностей личности. В Украине исследование других социально-психологических черт лица ограничено рамками необходимости их учета при индивидуализации ответственности или избрании меры воспитательного характера.

Менее распространенным обстоятельством предмета доказывания по данной категории дел в УПК стран СНГ является наличие взрослых подстрекателей и иных соучастников. В уголовном процессе Узбекистан и Кыргызстана доказыванию будет подлежать не только наличие указанных лиц, но и их отсутствие.

По другому пути в установлении причастности к преступлению взрослых лиц пошли правовые порядки Казахстана, Молдовы, Таджикистана – доказыванию подлежит влияние на несовершеннолетнего взрослых лиц и других несовершеннолетних. Влияние только старших лиц на несовершеннолетнего подлежит доказыванию в РФ.

Некоторое совмещение подходов прослеживается в УПК Туркменистана по которому доказывать следует влияние на несовершеннолетнего сверстников, взрослых, подстрекателей.

Прочие обстоятельства предмета доказывания характерны лишь для отдельных стран СНГ.

Так при наличии схожих положений в УПК стран СНГ только УПК Азербайджана указывает на необходимость доказывания возможности выделения производства по уголовному делу в отношении несовершеннолетнего при наличии других участников в преступлении.

В УПК Молдовы и Туркменистана подчеркнута важность установления причин и условий совершения преступления несовершеннолетним включением данных обстоятельств в специальный предмет доказывания. При этом следует отметить, что во всех УПК стран СНГ данные обстоятельства устанавливаются должностным лицом при проводящем предварительное следствие.

Состояние здоровья несовершеннолетнего обязательно к доказыванию в Армении, Узбекистане и Украине. В РФ внимание законодателя к здоровью несовершеннолетнего ограничено наличием или отсутствием у несовершеннолетнего заболевания, препятствующего его содержанию и обучению в специальном учебно-воспитательном учреждении закрытого типа, для рассмотрения судом вопроса о возможности освобождения несовершеннолетнего от наказания и направлении его в указанное учреждение, в том случае если деяние относится к определенному виду и категории тяжести.

Только в Украине подлежит доказыванию довольно многогранное обстоятельство субъективной стороны преступления – отношение несовершеннолетнего к совершенному им деянию.

В различных вариантах правовые порядки стран СНГ (далеко не все из них) переняли положения УПК РСФСР 1960 года о необходимо-

сти при наличии данных об умственной отсталости несовершеннолетнего, не связанной с душевным заболеванием, выявлять, мог ли он полностью сознавать значение своих действий.

Подобные обстоятельства, согласно УПК некоторых стран СНГ следует выяснять при наличии данных о умственной отсталости (Кыргызстан), слабоумии (Молдова), умственной отсталости (Таджикистан, Украина), отставание в психическом развитии (РФ). Обязательным условием является отсутствие связи с душевным заболеванием (Кыргызстан, Таджикистан), психическим заболеванием (Молдова), психической болезнью (Украина), психическим расстройством (Россия). При наличии данных обстоятельств выясняются интеллектуальный и волевой критерий умысла в различных вариациях.

По УПК Кыргызстана следует доказывать то, мог ли несовершеннолетний сознавать значение своих общественно опасных действий или руководить ими (альтернативность интеллектуального и волевого критерия умысла). Схожая формулировка содержится в УПК РФ. УПК Украины помимо этого требует установления того, в какой степени мог несовершеннолетний руководить своими действиями.

Законодательство Молдовы обязывает правоприменителя установить сознавал ли он полностью совершение действия (интеллектуальный критерий). Осознание или неосознание действий несовершеннолетнего следует доказывать согласно УПК Таджикистана.

Для установления этих обстоятельств могут быть допрошены родители несовершеннолетнего, педагоги, воспитатели и другие лица, которые могут дать нужные сведения, а равно истребованы необходимые документы и проведены иные следственные и судебные действия (Кыргызстан, Туркменистан, Молдова).

УПК Украины определяет, что в случае необходимости для решения вопроса о наличии у несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого психического заболевания или задержки психического развития и его способности полностью или частично осознавать значение своих действий и руководить ими в конкретной ситуации назначается комплексная психолого-психиатрическая экспертиза. Для выяснения уровня развития, других социально-психологических черт личности несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого, которые необходимо учитывать при назначении наказания и избрании меры воспитательного характера, может быть назначена психологическая экспертиза.

УПК других стран специальных способов доказывания данных обстоятельств не приводят.

Проанализировав ряд положений уголовно-процессуального законодательства стран СНГ, можно прийти к следующим выводам: содержательная направленность норм составляет учет в специальном предмете доказывания определенных особенностей, объясняемых специфическими требованиями уголовно-процессуального закона к процессу расследования преступлений, совершаемых несовершеннолетними с теми или иными психическими расстройствами.

Общие положения в УПК стран СНГ объясняются общей основой – УПК РСФСР 1960 года, а различия теми государственно-правовыми путями пройденными правовыми порядками стран за время их независимости. Вместе с тем стоит отметить, что учет специфических особенностей несовершеннолетних, страдающих психическими расстройствами во многих УПК стран СНГ остался на уровне УПК РСФСР 1960 года, не впитав достижений науки и практики последующих лет, что, конечно же, не может не отрицательно отразиться на расследовании данной категории дел.

Список использованной литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс Азербайджанской республики от 14 июля 2000 года № 907-ІГ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.unodc.org/tldb/pdf/Azerbaijan_Code_of_Criminal_Procedure_in_Russian_Full_text.pdf (дата обращения: 07.07.2015).

2. Уголовно-процессуальный кодекс республики Армения от 1 сентября 1998 года №ЗР-248. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=7460 (дата обращения: 07.07.2015).

3. Уголовно-процессуальный кодекс республики Беларусь от 16 июля 1999 г. № 295-З. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.pravo.by/world_of_law/text.asp?RN=hk9900295 (дата обращения: 07.07.2015).

4. Уголовно-процессуальный кодекс республики Казахстан от 13 декабря 1997 года № 206-І. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1008442 (дата обращения: 07.07.2015 года).

5. Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики от 30 июня 1999 года № 62. [Электронный ресурс]. Режим досту-

па: http://online.adviser.kg/Document/?doc_id=30241915 (дата обращения: 07.07.2015).

6. Уголовно-процессуальный кодекс республики Молдова от 14 марта 2003 года №122-XV. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=3833 (дата обращения: 07.07.2015).

7. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://base.garant.ru/12125178/1/#block_1000#ixzz3fCbKT8Sv (дата обращения: 07.07.2015).

8. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан от 3 декабря 2009 года, № 564. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.geneva-academy.ch/RULAC/pdf_state/Criminal-Procedure-Code-TJ.pdf (дата обращения: 07.07.2015).

9. Уголовно-процессуальный кодекс Туркменистана от 18 апреля 2009 года. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=27706 (дата обращения: 07.07.2015).

10. Уголовно-процессуальный кодекс республики Узбекистан от 22.09.1994 г. № 2013-XII. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://lex.uz/pages/getact.aspx?lact_id=111463 (дата обращения: 07.07.2015).

11. Уголовно-процессуальный кодекс Украины от 13.04.2012 № 4651-VI. URL: <http://kodeksy.com.ua/ka/upku-2012.htm> (дата обращения: 07.07.2015).

Информация об авторе

Раздрогоин Анатолий Владимирович – аспирант кафедры уголовного процесса и правоохранительной деятельности, ИПСУБ ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет», 426034, г. Ижевск, ул. Университетская, 1; e-mail: industrialsledstvie@mail.ru.

Научный руководитель: *Татьянина Лариса Геннадьевна* – профессор кафедры уголовного процесса и правоохранительной деятельности, доктор юридических наук, профессор, ИПСУБ ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет», 426034, г. Ижевск, ул. Университетская, 1; e-mail: larisa-lisa@mail.ru.

Information about the author

Razdrogin Anatoly Vladimirovich – a postgraduate student of the department of criminal procedure and law-enforcement activity, IPSUB VPO «Udmurt State University», 426034 Izhevsk, st. University, 1; e-mail: industrialsledstvie@mail.ru.

Academic advisor: *Tatyanina Larissa Gennadievna* – professor of department of criminal procedure and law-enforcement activity, Doctor of Law, Professor, IPSUB VPO «Udmurt State University», 426034 Izhevsk, st. University, 1; e-mail: larisa-lisa@mail.ru.

УДК 343.98

А.Ю. Рогов

О ЗНАЧЕНИИ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА В ПРОЦЕССЕ РАССЛЕДОВАНИЯ ЗАКАЗНЫХ УБИЙСТВ

Статья посвящается проблемам криминалистического изучения личности заказных убийств. Рассмотрены различные категории исполнителей по данной категории преступления. Приведены наиболее эффективные тактические примеры производства следственных действий с участием подозреваемого, обвиняемого.

Ключевые слова: заказное убийство, расследование, допрос, личность преступника, тактические приемы.

A.Yu. Rogov

ABOUT THE IMPORTANCE OF FORENSIC STUDY OF PERSONALITY THE OFFENDER IN THE PROCESS OF INVESTIGATING CONTRACT KILLINGS

The article is devoted to problems of criminalistic study of personality customized assassinations. Describes the various categories of performers in this category of crimes. The most effective examples of tactical investigative action with the participation of the suspect, accused.

Keywords: murder, customized assassinations, investigation, questioning, personality, criminal, tactical techniques.

Анализируя громкие заказные убийства последних 20 лет, можно выделить следующие основные моменты. Практически все самые громкие заказные убийства последних лет имели политический контекст. Все преступления не были раскрыты полностью или в части заказчиков. Только по единичным из них исполнители понесли наказание. Ни по одному из них заказчики не были найдены и не понесли наказание.

Не вдаваясь в детальный анализ криминологической характеристики преступности, сложившейся за годы перестройки в России, отметим, что в комплексе факторов, повлиявших на стремительный рост преступности в стране, конечно же, главенствующую роль сыграли осуществленные радикальные преобразования в общественно-политической, социально-экономической, правовой и других сферах общественной жизни Российской Федерации.

Заказные убийства получают все большее распространение, от 20 до 30 случаев ежегодно. Их совершение в большинстве случаев диктуется желанием свести счеты с конкурентами по криминально-экономической деятельности, отомстить неплательщикам долгов, устранить других предпринимателей и членов криминальных структур. Практически все указанные преступления совершаются с применением огнестрельного (реже – холодного) оружия или взрывчатых веществ [4, с. 48].

Таким образом, следует отметить, что расследование заказных убийств имеет свою специфику, так как требует получения максимального количества сведений о происшедшем. Эти сведения, полученные из разных источников и относительно разных обстоятельств убийства, следовательно преобразует в информационную модель события.

При выполнении заказного убийства исполнитель желает получить определенную выгоду (материального или нематериального характера) не от самого факта лишения жизни потерпевшего, а за совершение действий, направленных на выполнение заказа или в связи с его исполнением. Именно это обстоятельство принципиально отличает заказное убийство от других убийств, совершенных под влиянием посторонних лиц.

Исполнители таких убийств принадлежат к двум условным группам. Первая – это безработные, потерявшие надежду найти вы-

сокооплачиваемую работу, а также лица, имеющие долги и не имеющие возможности их вернуть. К другой группе следует отнести профессионалов, среди которых можно выделить:

а) лица, прошедшие службу в рядах армии, МВД, принимавших участие в боевых действиях в «горячих точках», возраст – до 30 лет;

б) хорошо подготовленные бывшие офицеры или прапорщики (возраст 30–40 лет), которые после увольнения из армии работают в охранных фирмах, частных служб безопасности; сами планируют и отрабатывают детали совершения будущих убийств;

в) лица, проходившие подготовку в элитных подразделениях (такие лица работают, как правило, в службах безопасности крупных финансово-промышленных концернов, активно задействованные в криминальном бизнесе и имеющие значительные финансовые возможности;

г) так называемые «одиночки» – лица, поддерживающие связь с посредниками, не входят ни в какие структуры; энтузиасты, сделали убийства своей профессией.

Анализируя исполнителей заказных убийств, следует отметить, что роль профессионалов несколько завышена. Действительно, встречаются исполнители, которые имеют очень высокую квалификацию. Однако современное огнестрельное оружие, которое зачастую используется при исполнении заказа, не требует от исполнителей навыков профессионалов-снайперов.

В тоже время характеристика исполнителей, которые используют взрывные устройства, выглядит следующим образом. Для их изготовления и использования во время убийств нужны специфические знания. В практике известны неоднократные криминальные взрывы в результате нарушения техники безопасности в обращении с такими устройствами (при изготовлении, транспортировке или установке), что свидетельствует о недостаточно высоком профессиональном уровне подготовки таких лиц [6, с. 3].

В этой связи стоит подробнее остановиться на особенностях допроса подозреваемого. Допрос – это следственное действие, содержанием которого является получение и фиксация показаний свидетеля, потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого или эксперта об известных им фактах, имеющих значение для расследования преступлений. [9, с. 66].

Тактика проведения допроса зависит от того, в качестве кого подозреваемые проходят по делу о заказном убийстве и какими дан-

ными следствие располагает в отношении них. Так, подозреваемые могут быть организаторами, посредниками, исполнителями.

Как правило, первыми допрашиваются посредники, так как им грозит менее суровое наказание, особенно при чистосердечном признании. Посредник допрашивается с целью выявления его связей с другими соучастниками (заказчиком, исполнителем), о полученном им вознаграждении, информации о событии преступления. Такой допрос должен быть проведен как можно быстрее, пока не обдуман план дачи показаний с целью искажения информации. Нужно помнить, что подозреваемый ориентируется на информацию о доказательствах, имеющихся у следователя. Поэтому предъявлять доказательства следует осторожно, с учетом их взаимосвязи [8, с. 332].

В случае задержания исполнителя проводятся допросы, по необходимости – очные ставки и опознания, экспертизы, направленные на доказательство вины задержанного и установление личности заказчика. Предъявление для опознания является не только важным, но и довольно часто проводимым в рамках расследования заказных убийств следственным действием. С одной стороны, опознание подозреваемого свидетелем является прямым доказательством, но, с другой стороны, ошибочная идентификация подозреваемого потерпевшим или свидетелем является главной причиной судебных ошибок.

С нашей точки зрения, повышению эффективности предъявления для опознания, а также достоверности его результатов в определенной степени может способствовать применение на предварительном допросе опознающего и на других этапах методик составления субъективных портретов и полученных с их помощью наглядных изображений.

Рассмотрим данное утверждение более подробно. Для начала необходимо определить, что основная цель предварительного допроса – выяснение обстоятельств, непосредственно предшествовавших восприятию объекта, который будет предъявляться для опознания; объективных факторов наблюдения, субъективных факторов восприятия; признаков, по которым будет опознаваться объект.

Выяснение признаков объекта, которые сохранились в памяти и могут использоваться при опознании, – довольно сложная задача, поскольку допрашиваемые нередко оказываются не в состоянии четко их воспроизвести, хотя уверенно заявляют о своей способности опознать объект. Это обусловлено тем, что для психики человека воспроизведение признаков является более сложным процессом, чем уз-

навание. Цельный образ объекта, хранящийся в памяти, дает допрашиваемому уверенность в опознании, но конкретизировать признаки ранее наблюдавшегося объекта, особенно человека, ему бывает сложно. Это происходит потому, что, во-первых, восприятие нередко происходило непреднамеренно (случайно) и в затрудненных условиях (плохая видимость); во-вторых, многие признаки внешнего облика человека, подлежащего опознанию, относятся к числу средних, «обычных», «нормальных» для той популяции, к которой принадлежит опознаваемый.

В данной ситуации предварительного допроса специалист может оказать помощь в получении более подробных и точных данных о признаках объектов, которые будут предъявляться для опознания. Для этой цели целесообразно использовать фотоальбомы, справочники, каталоги, базы данных в справочных системах, где имеются изображения и описания объектов, аналогичных тем, о которых рассказывает допрашиваемое лицо. При этом специалист должен не просто демонстрировать изображения, но и пояснять признаки, их индивидуализирующие, способствуя тем самым оживлению ассоциативной памяти допрашиваемого.

Привлечение специалиста для составления субъективного композиционного портрета в этом случае расширяет возможности получения информации об облике разыскиваемого и уточняет ее с позиций криминалистических характеристик черт внешности. Например, при составлении субъективного портрета в процессе допроса могут быть выявлены дополнительные особенности внешности и обстоятельств дела, которые явились результатом ассоциативного мышления. Эта информация может стать впоследствии полезной при раскрытии заказного убийства. Участие в допросе специалиста, который может помочь более грамотно и полно описать внешний облик, способствует использованию полученных данных при предъявлении для опознания, особенно в тех случаях, когда подозреваемый после совершения преступления изменяет свою внешность [7, с. 158].

Составление субъективного композиционного портрета – это сложное и ответственное мероприятие, успех которого зависит от умения следователя и эксперта наладить психологический контакт и получить информацию о разыскиваемом лице. Важную роль играют профессиональные навыки эксперта и психологические особенности личности человека, который составляет субъективный портрет. Человек всегда воспринимает образ другого человека в целом, а не по

элементам его внешности. Такой характер сохраняется и при восприятии демографических характеристик объекта, во многом ассоциативных [3, с. 165].

Таким образом, полнота, достоверность и характер оценки одного человека другим определяются не только индивидуальностью процесса образования мысленного образа, но и особенностями сохранения и воспроизведения этого вида отображения у разных людей.

Основой любого субъективного портрета является мысленный образ искомого лица, сформировавшийся в сознании очевидца и сохранившийся в его памяти. Психологи считают, что мысленный образ сохраняется в среднем в течение месяца. Поэтому важно такое следственное действие, как допрос очевидца о чертах внешности подозреваемого, составление субъективного портрета со слов очевидца, не откладывать, а выполнять в максимально короткие сроки.

Использование субъективных портретов осуществляется в основном в ходе различных оперативно-розыскных мероприятий, направленных на активный поиск преступников по горячим следам, а также для раскрытия ранее совершенных преступлений.

Субъективные портреты дают возможность визуализировать внешний облик лиц, не известных к началу розыска. Следует отметить, что субъективные портреты отображают внешность разыскиваемого не так полно и точно, как фотоснимки. Это обусловлено как определенными закономерностями восприятия человека человеком, процессом сохранения полученной информации, так и особенностями воспроизведения мысленного образа. Однако полученные субъективные изображения позволяют участникам розыска получить визуальную информацию об особенностях внешнего облика разыскиваемого лица. Таким образом, субъективные портреты имеют оперативно-розыскное значение и не могут использоваться в качестве судебного доказательства тождества личности [2, с. 113].

При составлении субъективных портретов в них, прежде всего, должен быть воспроизведен антропологический тип, те или иные анатомические особенности разыскиваемого человека, т.е. отражена совокупность признаков, ориентирующая на выделение в общей массе людей группы, в которую могут входить представители данного типа.

Эта задача обычно решается при изготовлении портретов, в которых отображаются ориентирующие, хорошо заметные издали признаки, поскольку они меньше других зависят от условий наблюдения и позволяют выделить человека в массе других людей.

Если потерпевший (свидетель) не может составить субъективный портрет (малая длительность наблюдения, слабое освещение и др.), то составляется подробный словесный портрет либо субъективное изображение отдельных хорошо запомнившихся элементов внешности преступника [1; с. 54].

В настоящее время в экспертно-криминалистических подразделениях России эксплуатируются автоматизированные информационно-поисковые системы (АИПС) «Портрет-поиск», «Каскад-поиск».

Поэтому важнейшей задачей в повышении эффективности расследования и раскрытия заказных убийств являются всестороннее применение и использование криминалистических средств и методов по всем направлениям следственной и экспертной практики в целом и по изложенному выше вопросу в частности.

При этом необходимо:

1) в ходе первоначального допроса очевидцев совершенного преступления привлекать специалиста в целях оказания квалифицированной помощи в осуществлении сбора и фиксации информации о внешнем облике разыскиваемого и составлении словесного портрета;

2) в кратчайшие сроки с момента составления словесного портрета выносить отдельное поручение оперативному уполномоченному как инициатору изготовления субъективного портрета и обеспечивать контроль исполнения.

Невыполнение данных рекомендаций может привести к несоблюдению основных правил при описании внешности по методу словесного портрета (оптимальная полнота описания, употребление единой специальной терминологии, последовательность описания), что, в свою очередь, станет предпосылкой возникновения правовой ситуации, когда элементы внешности, изложенные в протоколе допроса, не будут соответствовать элементам внешности изготовленного субъективного портрета и возникнут условия ухода подозреваемого от ответственности.

Следует отметить еще одну проблему, связанную с предъявлением для опознания. Она заключается в том, что в ходе самого опознания опознаваемый или его защитник (а иногда и статисты) могут умышленно или ненароком совершить действия, прямо или косвенно выделяющие опознаваемого в группе предъявляемых для опознания лиц, и тем самым обесценить результаты опознания. Считаем, что необходимо согласиться с теми авторами криминалистической литературы, которые приводят некоторые рекомендации по предотвраще-

нию или ослаблению такого рода воздействия, однако они нуждаются в законодательной регламентации [5, с. 285].

Таким образом, предъявление для опознания на предварительном следствии подозреваемого при расследовании заказных убийств представляет собой достаточно сложное следственное действие, которое требует от следователя определенных навыков и опыта. Для достоверности проведения опознания считаем необходимым, привлекать специалистов, которые должны обеспечить помощь в составлении словесного портрета подозреваемого.

Список использованной литературы

1. Исаева Л. Предъявление лиц для опознания // Законность. № 10. 2002. С. 52–56.
2. Лузгин И.М., Зуйков Г.Г. Участие специалиста-криминалиста в следственных действиях // Криминалистическая экспертиза. 1996. Вып. 1. С. 113–164.
3. Моисеев Н.А. Тактика предъявления лица для опознания в условиях противодействия расследованию // Противодействие расследованию преступлений и меры по его преодолению : материалы 51-х криминалистических чтений. М., 2010. Ч. 1. С. 161–168.
4. Редин М.П. Понятие убийства в российском уголовном законодательстве // Российская юстиция. 2013. № 10. С. 48–49.
5. Руководство по расследованию преступлений / под ред. А.В. Гриненко. М., 2002. 285 с.
6. Скрипниченко В.В. К вопросу о раскрываемости убийств (заметки судмедэксперта) // Российский следователь. 2012. № 10. С. 3–4.
7. Следственные действия. Криминалистические рекомендации. Типовые образцы документов. М. : Юристъ, 2001. 499 с.
8. Соколова О.А. Комплексный подход к проблеме установления личности человека при расследовании преступлений // Информация и информационная безопасность правоохранительных органов : сб. тр. XIX Межд. науч. конф. 25–26 мая 2010 г. М. : Акад. управления. 2010. С. 332–334.
9. Фойгель Е.И., Яковлев Д.Ю. Криминалистика в схемах, таблицах и диаграммах : учеб. пособие. Ч. 2. Иркутск; М. : РПА Минюста России, 2015. 180 с.

Информация об авторе

Рогов Александр Юрьевич – магистрант кафедры уголовного процесса и криминалистики, Иркутский Институт (филиал) ВГУЮ (РПАМИНЮСТА России), 664011, г. Иркутск, ул. Некрасова, 4; e-mail:ROGOV6873@yandex.ru.

Научный руководитель: *Фойгель Елена Игоревна* – заведующая кафедрой уголовного процесса и криминалистики, Иркутский институт Всероссийского государственного университета юстиции, кандидат юридических наук, доцент, 664011, г. Иркутск, ул. Некрасова, 4; e-mail: foiguelelena@gmail.com.

Information about the author

Rogov Alexander Yurievich – magister student of the Department of criminal process and criminalistics, Irkutsk Institute (branch) of VGYU (RPA of the Ministry of JUSTICE of Russia), Russia, 664011, Irkutsk, Nekrasova str., 4 e-mail:ROGOV6873@yandex.ru.

Academic advisor: *Foygel Elena Igorevna* – Holder of a chair of criminal process and criminalistics Irkutsk Institute (Affiliate) of the All-Russian State University of Justice, Ph D in Law, Associate Professor, 664011, Nekrasova, 4; e-mail: foiguelelena@gmail.com.

УДК 343.9

Л.В. Телешова

ВЗАИМОСВЯЗЬ И ВЗАИМОЗАВИСИМОСТЬ СВОЙСТВ ЛИЧНОСТИ С МЕХАНИЗМОМ И СПОСОБОМ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

В статье рассмотрены взаимосвязь и взаимозависимость свойств личности серийного убийцы и избираемыми им механизмом и способом совершения убийства. Предпринята попытка установления как прямой связи в цепочке «убийца – способ убийства – жертва», так и обратной, в цепочке «жертва – способ убийства – убийца».

Ключевые слова: серийное убийство, способ совершения преступления, жертва серийного убийства, личность серийного убийцы, половая самоидентификация преступника.

L.V. Teleshova

THE INTERCONNECTION AND INTERDEPENDENCE OF PERSONALITY TRAITS WITH THE MECHANISM AND THE METHOD OF COMMITTING CRIMES

The article examines of the interconnection and interdependence of personality traits of the serial murderer with the mechanism and the method of committing serial murders. Attempted to establish as the direct link in the logistic chain «murderer – method of murder – victim», so the reverse link in the logistic chain «victim – method of murder – murderer».

Keywords: serial murder, method of committing crime, victim of serial murder, identity of serial murderer, gender identity of offender.

Морально-психологические установки личности человека влияют на способ его взаимодействия с окружающим миром, выбор способа общения с другими людьми, принимаемые решения и основополагающие мотивы действий. Свойства личности преступника проецируются на способ совершения преступления. Морально-психологические установки личности серийного убийцы – это готовность, предрасположенность лиц, совершивших два и более убийств, возникающая при предвосхищении ими появления определенного объекта и обеспечивающая устойчивый целенаправленный характер протекания деятельности по отношению к данному объекту, обусловленная совокупностью принятых на личностном уровне норм поведения, общения и взаимоотношений, отраженных через призму их психологических свойств и особенностей. Исходя их сложности и громоздкости данного определения, целесообразным представляется выделить признаки данного определения, из которых оно складывается:

- 1) субъект – лицо, совершившее два и более убийств;
- 2) готовность, предрасположенность к деятельности;
- 3) целенаправленность деятельности;
- 4) удовлетворение потребности субъекта в чем-либо, как результат деятельности;
- 5) деятельность обуславливается принятыми нормами;

6) нормы принимаются на личностном уровне;

7) нормы преломляются через призму психологических свойств и особенностей лица, совершившего преступление.

Три последних пункта имеют ключевое значение: прививаются определенные нормы поведения, отбор и принятие на личностном уровне проходят не все нормы, и, проходя через дополнительный фильтр психологических особенностей личности, рождается уникальный набор личностных качеств, установок на определенную деятельность и модель поведения.

Серийное убийство осложнено многими факторами и в первую очередь фактором личности преступника. Анализ личности преступника, составление его психологического портрета (психопрофиля) – один из важнейших этапов при расследовании убийств, характеризующихся признаками серийности.

В контексте данной статьи было бы интересно рассмотреть такую категорию, как особенности личности серийных убийц – женщин. Проведенный анализ дает нам возможность построить обобщенный портрет серийного убийцы-женщины: женщина, состоящая или состоявшая в браке, имеющая детей, предпочтительный способ совершения убийств – отравление, преступление совершается из корыстных побуждений, практически всегда жертвами отравления становятся члены семьи, дети, любовники и люди из непосредственного круга общения.

Особый интерес представляют преступницы, совершавшие убийства нетипичным для женщин способом, т.е. с применением физической силы, холодного или огнестрельного оружия, их не так много: Ирма Гриз, Ваннета Итель Хойт, Тереза Норр, Эйлин Уорнос, Хуана Барраса, Петрова Мария, Гайдамачук Ирина, Джин Вебер.

Ирма Гриз избивала до смерти женщин, находящихся под ее надзором в концентрационном лагере, и по этой причине жертвы просто были не в состоянии оказывать физическое сопротивление. Все остальные делятся на две группы: а) те, кто применял физическую силу по отношению к более слабым (детям, старикам) и б) те, кто обладал определенной физической подготовкой и имел холодное или огнестрельное оружие. Во всех случаях прослеживается установка на доминирование над жертвой. Более того, некоторые из перечисленных женщин-серийных убийц выполняли мужскую роль в повседневной жизни, это выражалось в гомосексуальной ориентации (Эйлин Уорнос), сфере деятельности, традиционно приписываемой мужчи-

нам (Ирма Гриз – надзиратель концлагеря, Хуана Бараса – профессиональный реслер, Петрова Мария – преподаватель физической культуры), внешнем виде (Хуану Барасу свидетели описали как мужчину, переодетого в женскую одежду). На данном этапе встает вопрос о важности половой идентификации серийного убийцы-женщины и гипотеза о возможности связи половой самоидентификации с выбором способа убийства. Различают биологический и психологический пол личности. Биологический пол – совокупность генетически детерминированных признаков особи, определяющих ее роль в процессе оплодотворения [5]. Психологический пол – характеристика личности и поведения с точки зрения маскулинности и фемининности [2]. С определением биологического пола вопросов не возникает, а вопрос об установлении психологического пола и половой самоидентификации личности убийцы безосновательно остается без внимания. Из анализируемого числа серийных убийц-женщин 38 % выбрали для себя нетипичный способ совершения преступления, способ, предполагающий применения грубой физической силы и огнестрельного оружия, что наиболее характерно для преступников-мужчин.

Социальный пол, так называемы гендер, определяет поведение человека в обществе, по отношению к себе и другим людям [3]. Гендер определяет поведение с точки зрения маскулинности и фемининности, различий в поведении мужчин и женщин. Схожую тенденцию в нарушении половой самоидентификации возможно проследить и среди серийных убийц-мужчин: Дж. Дамер, Дин Корлл, Дж. Гейси, Роберт Берделла, Денис Нильсон. Все они были гомосексуалистами, и в большинстве случаев их агрессия была направлена также на мужчин-гомосексуалистов. Так можем ли мы говорить о связи нарушений половой самоидентификации и склонности к проявлению насилия над другими людьми. Может ли трансгендерность (несовпадение гендерной идентичности человека с его биологическим полом) быть одним из факторов, обуславливающих наличие потенциала серийного убийцы. Нарушение полового влечения у здоровых мужчин вызывает потребность в компенсации неудовлетворенной сексуальной потребности. Невозможность удовлетворить сексуальные потребности традиционными способами приводит мужчин к гомосексуальным связям, извращенным способам физического контакта, получению удовольствия от причинения боли и насилия над другими людьми (если мы говорим о садистах) и так далее. При разговоре о серийных убийствах, совершенных мужчинами, в 70 % случаях мы можем говорить

о сексуальном мотиве совершенных преступлений. В этом контексте становится уместным вопрос о связи половой самоидентификации и способах удовлетворения сексуальных потребностей. В случае серийных убийств по сексуальному мотиву, причинение физических и моральных страданий жертве, истязания, удушение, нанесение колото-резанных ран, убийство, постмортальные манипуляции с трупом или частями тела трупа становятся способами удовлетворения сексуальной потребности преступника. Убийца испытывает физическое удовольствие от страданий и агонии жертвы. Нарушения и провалы в половой самоидентификации личности вытесняются в сферу половых влечений и извращенных сексуальных потребностей, что в последствие проявляется в физическом насилии над другими людьми.

В процессе проведения анализа не было установлено ни одного случая, когда женщина совершала серию убийств, руководствуясь сексуальным мотивом. Исключение может составлять Ирма Гриз, в западной послевоенной прессе постоянно обсуждались возможные сексуальные девиации Ирмы Гриз, которые имели место и в издевательствах над заключенными концентрационного лагеря, но никакого подтверждения этим сведениям нет.

Анализ связи половой самоидентификации серийных убийц, как женщин, так и мужчин, со способом совершения преступления привел к результату, который можно представить в виде следующей матрицы (табл. 1).

Таблица 1

Матрица соотношения половой идентификации серийного убийцы и способа совершения преступления

Убийца \ Жертва	Одного пола с убийцей	Противоположного пола с убийцей
гомосексуальный	непосредственное физическое доминирование: удушение, утопление, нанесение ножевых ранений (сокращение дистанции)	с применением дополнительных инструментов воздействия: огнестрельное оружие, яд (увеличение дистанции)
гетеросексуальный	с применением дополнительных инструментов воздействия: огнестрельное оружие, яд (увеличение дистанции)	непосредственное физическое доминирование: удушение, утопление, нанесение ножевых ранений (сокращение дистанции)

Для дальнейшей работы со свойствами личности серийного убийцы и их проекцией на способы совершения преступлений видится целесообразным провести некоторую классификацию серийных убийц, которая впоследствии, поможет нам понять механизм отражения особенностей личности в определенных признаках серийных убийств и способе совершения преступления (табл. 2).

Таблица 2

**Классификация серийных убийц
по критерию психического здоровья**

Психически здоровые	Страдающие психическими расстройствами	
имеющие акцентуации характера, не выходящие за рамки сохранения психического здоровья	состоящие на учете в психоневрологическом диспансере	не состоящие на учете в психоневрологическом диспансере
дезорганизованный асоциальный тип организованный несоциальный тип		

Особенности поведения каждой из выделенных групп преступников, обусловленные свойствами личности, так или иначе имеют свое отражение при выборе способа убийства, типа жертвы, орудия убийства, попытках сокрытия или демонстрации трупа или частей трупа, постмортальный манипуляций, а также обстановке на месте преступления или месте обнаружения трупа. Так, если речь идет о психических расстройствах, это может быть выражено в крайней жестокости при совершении убийства, извращенной форме действий с трупом или частями тела трупа, большом количестве ранений на теле жертвы, каннибализме, некрофилии, вампиризме и так далее. Об акцентуациях характера может рассказать место преступления: нехарактерный порядок для места совершения насильственного убийства может говорить о крайней педантичности преступника, об этом же говорит и навязчивая повторяемость отдельных элементов обстановки на месте убийств. Здесь речь может идти также и о ритуализации окружающей обстановки.

Дезорганизованный, асоциальный тип убийцы имеет свои особенности поведения, чаще всего убийство выражается как импульсивный порыв к преступному действию, отсутствие определенного плана и алгоритма. Возможно чувство вины и сожаления после совершенного убийства, что подталкивает убийцу к «заботе» о трупе

жертвы: аккуратно застегнутая или сменная одежда, причесанные волосы, демонстрация трупа для наиболее быстрого обнаружения.

Неорганизованный социальный тип убийцы наиболее трудно разоблачаем, и такой ситуации криминалистическая версия о серийном убийстве выдвигается, когда на это указывает типичность криминального почерка, большое количество жертв, одно орудие убийства либо иные факты, которые резким скачком повышают вероятность серийности совершаемых убийств.

Серийные убийства могут совершаться самыми разнообразными способами: удушение, нанесение колото-резаных ран, нанесение огнестрельных ранений, забивание, отравление – и каждый из них может многое поведать о личности самого преступника, о его физических и психологических характеристиках, состоянии здоровья, целях и мотивах преступления, отношении к жертвам и многое другое. Такие способы убийства как удушение и нанесение колото-резаных ран говорят о сексуальном мотиве совершенных преступлений. Кулик В.С., Чикатило А.Р., Михасевич Г.М., Ткач С.Ф., Цюман Ю.Л., Д. Дамер, Дж. Гейси. Т. Банди (перечень не полный) душили своих жертв, убийства, совершенные указанными лицами носили сексуальный мотив. Некоторые из них не придерживались единого способа убийства, например, Т. Банди, Д. Дамер кроме удушения также убивали своих жертв сильным ударом по голове. Такой способ убийства как удушение говорит о физической форме убийцы, достаточной для того, чтобы подчинить себе жертву. Забивание своих жертв также говорит о хорошей физической форме и о садистических наклонностях преступника, о вероятном получении удовольствия от мучений жертвы.

На отравлении как способе убийства обычно останавливают свой выбор серийные убийцы – женщины, так как не всегда возможно физическое подчинение жертвы. Но данные исключения лишь подтверждают правило: неоднозначен ответ на вопрос о половой самоидентификации этих женщин, совпадении биологического пола с психологическим, а также адекватности их социальной роли в обществе.

Как правило, серийный убийца придерживается выбранного способа убийства (либо схожих способов) во всех эпизодах. Но это правило работает не всегда. Стоит отметить, что способ расчленения трупа несет в себе информацию о типе преступника (организованный, дезорганизованный), о его навыках, возможной профессии и физической форме.

Немало информации о преступнике могут поведать сами жертвы. Обычно жертвами серийных убийц становятся наиболее незащищенные слои населения (лица без определенного места жительства, злоупотребляющие алкоголем, пожилые люди, одинокие женщины, дети). Жертвы могут явно относиться к одному типу (типология происходит по различным основаниям, например: возраст, сексуальная ориентация, род занятий, социальное положение и тому подобное), а могут быть абсолютно разными людьми, не имеющими ничего общего. Жертва в той или иной степени связана с убийцей, здесь не имеется в виду факт знакомства, предшествующего убийству, под связью понимается сформировавшееся отношение убийцы к своей потенциальной жертве, ее обезличенность и символичность. Например, Джоуэль Дэвид Рифкин в период с 1989 по 1993 годы убил девять женщин, по большей части проституток и наркоманок, он рассказал, что убийства были для него формой мести своей биологической матери, которая по его словам была проституткой [1, с. 27]. Ранее обозначенная связь жертвы с убийцей может много рассказать о самом преступнике, например, убийцы детей, скорее всего сами в раннем детстве получали какую-то психологическую травму либо подвергались насилию, занимают неустойчивое положение в своем социальном окружении, имеют проблемы в сексуальной жизни; убийцы женщин являются «жертвами» властных женщин на протяжении всей своей жизни, будь то воспитание деспотичной матерью, подавляющей отца либо и вовсе отсутствие мужского воспитания; убийцы людей без определенного места жительства чаще всего и сами являются представителями неблагополучного слоя населения. Руководствуясь мотивом очищения мира от неугодных элементов, они отрицают свое неудовлетворительное социальное положение. Не стоит забывать о такой категории как серийные убийцы – женщины, которые, по большей части, совершают убийства людей, состоящих с ними в родственной связи или хорошо знакомых людей (друзья, любовники, сотрудники).

Очень часто серийные убийства носят сексуальный характер и совершаются по сексуальному мотиву, но не всегда убийства сопряжены с изнасилованием жертвы, о сексуальном характере могут говорить следы на теле жертвы: укусы, ссадины, синяки в области грудной клетки, молочных желез, гениталий, вырезанные или иным образом изъятые половые органы, отчленение головы. Если причиной смерти жертвы стало ее удушение, то высока вероятность того, что

убийство совершено по сексуальным мотивам (при наличии иных подтверждающих фактов, вероятность возрастает), это может говорить о том, что убийца испытывал удовольствие и сексуальное возбуждение от подавления жертвы, либо от предсмертной агонии. Сливко А. Е. проводил «секретные эксперименты» над детьми, которые, по их мнению, участвовали в съемке приключенческого фильма, воспроизводя отдельные фрагменты аварии, которые послужили причиной его сексуального возбуждения. Убийства мальчиков сопровождались расчленением трупов. Головкин С.А. насиловал своих жертв, наносил смертельные ножевые ранения или совершал удушение, после чего совершал постмортальные манипуляции с трупом (отрезал половые органы, голову, вынимал внутренние органы). Чикатило А. Р. был некросадистом, которому необходимо было наблюдать смерть и мучения людей, чтобы получить сексуальное удовлетворение [4, с. 216], согласно его психологическому портрету, составленному А.О. Бухановским.

В данной связи крайне интересна личность А.Р. Чикатило, мотив совершенных им убийств был явно сексуальный, с некоторыми из своих жертв он вступал в половые связи непосредственно перед убийством, совершая изнасилование, с некоторыми – нет, предположительно из-за проблем с потенцией, но отсутствие полового акта компенсировалось неоднозначными манипуляциями, заключавшимися в выгрызании и поедании половых органов жертв, также А.Р. Чикатило наносил своим жертвам ножевые ранения (не все из них носили смертельный характер), но тем не менее, большинство из его жертв (в том числе и те, кому были нанесены ножевые ранения) скончались от удушения. Применение колюще-режущих орудий убийства приводит к мысли о соответствии данного вида оружия сексуальному мотиву по следующему основанию: выражается превосходство и доминирование над жертвами с применением предметов, символизирующих с точки зрения психоанализа мужской половой орган, иначе говоря, в конкретном примере нож выступает как фаллический символ. И подобный символ ни раз встречается при манипуляциях с жертвой серийного убийства, в качестве одного могут выступать ветки или стволы деревьев, бутылки, палки, трубы и тому подобное. Под описание способа убийств и постмортальных манипуляций подходят и действия Головкина С.А. Излюбленным способом убийства, применяемого Ряховским С.В., было также нанесение колото-резаных ран или удушение. Пичушкин А.Ю., получавший наслаждение от

убийств, сформировал свой характерный почерк в совершении убийства и манипуляциях с телами жертв: разбивал голову жертвы массивным предметом и вставлял в открытую рану ветки, бутылки.

Таким образом, делая вывод из приведенного анализа отдельных свойств личности серийного убийцы, способов совершения преступления и выбора жертвы убийства, можно утверждать о наличии просматриваемой связи между данными элементами, как в направлении от убийцы к жертве через способ убийства, так и от самой жертвы к серийному убийце. Определенные свойства личности преступника имеют свое четкое отражение при выборе способа совершения преступления. Установив способ убийства, мы с определенной степенью вероятности можем делать выводы об особенностях личности самого убийцы, его социальной роли в обществе, половой самоидентификации, физической форме, психологическом здоровье и других значимых характеристиках преступника, при расследовании подобного рода преступлений.

Список использованной литературы

1. Wiest J. B. Creating cultural monsters: serial Murder in America / CRC Press Taylor & Francis Group, 2011. 167 p.
2. Академик [Электронный ресурс] : Словари и энциклопедии : Психологический словарь, 2014. Режим доступа : <http://dic.academic.ru/dic.nsf/psihologic/1480> (дата обращения: 11.10.2015).
3. Дугин А.Г. Социология пола (Структурная социология): лекция. М., 2010.
4. Маслов А.А. Нелюди. Самые знаменитые маньяки. Ростов н/Д : Феникс, 2007. 256 с.
5. Психологас [Электронный ресурс] : Энциклопедия практической психологии, 2015. Режим доступа: http://www.psychologos.ru/articles/view/pol_biologiya (дата обращения: 11.10.2015).

Информация об авторе

Телешова Любовь Вячеславовна – аспирант, кафедра криминалистики, судебных экспертиз и юридической психологии, Байкальский государственный университет экономики и права, инспектор по кадрам деканата заочного обучения судебно-следственного факультета, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11. E-mail: tolkacheva-91@mail.ru.

Научный руководитель: *Протасевич Александр Алексеевич* – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, декан судебно-следственного факультета, Байкальский государственный университет экономики и права 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11. E-mail: dekssf@isea.ru.

Information about the author

Teleshova Lyubov Vyacheslavovna – Post-graduate student, Department of Criminal Procedure, Forensic Science and Juridical Psychology, Baikal National University of Economics and Law, inspector of the correspondence course of the Judicial-Investigation Faculty, 11, Lenin St., Irkutsk, 664003; e-mail: tolkacheva-91@mail.ru.

Academic advisor: *Protasevich Alexandr Alekseevich* – Doctor of Law, Professor, Head of Judicial-Investigation Faculty, Baikal National University of Economics and Law, 11, Lenin St., Irkutsk, 664003. e-mail: dekssf@isea.ru.

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

*Член Верховного Суда
Карельской АССР
В.И. Шиканов¹*

«ПРОСТОЕ» ДЕЛО²

Прокурор, с которым я начал работать в качестве следователя, любил повторять, что самое простое уголовное дело, если следователь допустил небрежность, может стать трудным и даже неразрешимым и, наоборот, обстоятельства на первый взгляд сложные и запутанные, если за их выяснение взяться умело, могут оказаться простыми и ясными; каждое дело требует от следователя огромного напряжения сил.

Я же все дела, находившиеся в моем портфеле, мысленно делил на «сложные», по которым тщательно и с увлечением работал, и «простые». К последним, поскольку они, по моему мнению, требовали лишь технического оформления, я относился несколько пренебрежительно.

Позднее я не раз имел возможность убедиться, как глубоко заблуждался. О расследовании дела, которое помогло моему прозрению, я и хочу рассказать. Это дело передали мне для окончания следствия. Оно представлялось простым и абсолютно ясным.

¹ До избрания членом Верховного Суда Карельской АССР автор работал старшим следователем Петрозаводской транспортной прокуратуры.

² Основой мыслительного процесса следователя, без которой он не может установить истину, являются критичность и непредвзятость мышления. Именно эти качества помогают следователю, особенно начинающему, избежать ошибок в профессиональной деятельности не только в сложных, но кажущихся, на первый взгляд, простых ситуациях. Примером проявления критичности и непредвзятости мышления молодого следователя В.И. Шиканова послужило уголовное дело, успешный ход расследования которого был описан в сборнике «Следственная практика». 1963. Вып. 62. С. 3–13. Редколлегия полагает, что данный пример из следственной практики одного из маститых российских криминалистов имеет непреходящее значение.

Вечером 10 сентября 1957 г. на перроне станции Лодейное Поле, после отправления пассажирского поезда Мурманск – Ленинград составитель поездов Семенов заметил лежащего на земле мертвого мужчину. Рядом с телом была лужа крови. Личность потерпевшего сотрудники транспортной милиции легко установили по документам, находившимся в карманах его одежды; им оказался Филиппов Александр Михайлович, 1910 года рождения, житель деревни Доможировка, расположенной в 30 км от станции.

Смерть Филиппова, согласно заключению судебно-медицинского эксперта, наступила в результате ножевого ранения в область шеи слева с повреждением крупного кровеносного сосуда. С таким повреждением потерпевший мог жить всего несколько минут. В крови трупа обнаружили наличие алкоголя.

Продавец расположенного на перроне ларька Мошкова опознала в трупе мужчину, который покупал у нее пиво. Она рассказала, что после отправления пассажирского поезда к ларьку подошли двое пьяных мужчин. Один из них и был Филипповым. Внешность и одежду второго свидетельница описала достаточно подробно. Помимо Филиппова и его спутника, у ларька стояли еще трое молодых людей, среди которых был ее знакомый – Матюков. Фамилии остальных она не знала, но обратила внимание на то, что кто-то из них заикался.

Как показала дальше Мошкова, Филиппов потребовал от Матюкова «поставить 100 граммов», но тот отказался. Из-за этого между Филипповым и его товарищем, с одной стороны, и Матюковым – с другой, начались взаимные оскорбления, перешедшие в драку, в которой к Матюкову присоединились его приятели.

Мошкова видела из окна ларька, как знакомый Филиппова размахивал ножом, а затем, видимо, по ошибке ударил по голове Филиппова. Тот упал на землю и, вероятно, умер, так как больше не шевелился. Убийца же побежал в сторону вокзала. Остальные участники драки тоже вскоре скрылись. Напуганная случившимся, Мошкова закрыла ларек и ушла домой.

Рассказ Мошковой соответствовал показаниям другого свидетеля – Пешеева. После отправления пассажирского поезда Пешеев переходил железнодорожные пути вблизи багажной кладовой и увидел, что на перроне у пивного ларька дерутся пьяные. Он заметил, как один из дерущихся, получив удар, упал, после чего мужчина, нанесший удар, побежал в сторону вокзала.

При осмотре места происшествия 11 сентября 1957 г. следователь прокуратуры города никаких следов и вещественных доказательств, которые могли бы иметь значение для дела, не обнаружил. Труп к этому времени отправили в морг, и следователь его не осматривал. Место обнаружения трупа и прилегающую к нему местность следователь сфотографировал. На приложенном к протоколу осмотра фотоснимке было хорошо видно расположение пивного ларька и двух вбитых в грунт колышков, которыми работники милиции зафиксировали положение трупа.

Односельчане убитого показали, что Филиппов утром 10 сентября вместе со своим соседом и ровесником Николаем Арбидоном ушел в город. Днем их видели пьяными на станции в зале ожидания. Описание внешности и одежды Арбидона полностью совпадали с приметами убийцы, о которых рассказывала Мошкова.

В тот же вечер Арбидон был задержан. При личном обыске у него изъяли большой складной нож с металлической ручкой. У основания лезвия и на ручке ножа имелись пятна бурого цвета, похожие на засохшую кровь. Судебно-медицинская экспертиза установила, что это пятна крови человека. Однако из-за малого количества крови определить ее групповую принадлежность не удалось. В момент задержания и изъятия ножа Арбидон очень волновался, плакал и все время повторял: «Что я наделал». На вопрос, известна ли ему причина его задержания, он ответил: «Наверное, убил человека».

Арбидона в числе других лиц предъявили Мошковой. Она опознала в нем гражданина, который нанес удар ножом Филиппову.

Свидетели, знавшие Арбидона и Филиппова, показали, что они между собой никогда не ссорились. Указанное обстоятельство давало основание полагать, что Арбидон ошибочно нанес Филиппову удар ножом, приняв его в драке за одного из своих противников. И так как в деле имелась выписка из истории болезни, свидетельствующая о пониженном зрении Арбидона, и заключение медицинской комиссии о снятии его с воинского учета на том же основании, то такой вывод тем более представлялся правильным.

Работники милиции выяснили местожительство Матюкова. Установили и двух других участников драки. Ими оказались Неелов и Максимов. Последний действительно заикался. Показания этих лиц в основном совпадали с показаниями Мошковой, хотя, по словам допрашиваемых, никто из них не видел, когда и кем был нанесен Филиппову удар ножом.

Таковы были установленные по делу обстоятельства преступления. Исходя из них, вина Арбидона в убийстве Филиппова казалась мне очевидной. Поэтому, выезжая в Лодейное Поле, я представлял свою задачу очень простой: предъявить обвинение Арбидону, избрать в отношении его меру пресечения в виде содержания под стражей (ранее этот вопрос не решался, поскольку Арбидон к тому времени находился в тюрьме, где отбывал наказание за мелкое хулиганство, совершенное им днем 10 сентября 1957 г.) и объявить обвиняемому об окончании следствия.

Нельзя сказать, что я не заметил ошибок, допущенных в ходе расследования дела. Например, ни труп, ни одежда на нем не осматривались. Между тем подробное описание следов крови на одежде могло иметь значение для определения позы потерпевшего в момент его ранения. Ни следователь, ни работники милиции при вскрытии трупа не присутствовали. Заключение судебно-медицинского эксперта, производившего вскрытие, было датировано 11 сентября 1957 г. Постановление же о назначении экспертизы оказалось вынесенным на два дня позже. Из этого вытекало, что вскрытие трупа эксперт произвел без постановления следователя и не знал еще вопросов, на которые ему нужно было дать ответ. Естественно, ожидать исчерпывающего судебно-медицинского заключения в таких условиях было трудно. И действительно, эксперт не отметил в заключении важные данные о глубине и направлении раневого канала.

Эти и другие упущения вызывали у меня лишь недовольство, но восполнить пробелы следствия я не стремился, считая и так все ясным. И только ради «чистоты» расследования я все же решил осмотреть одежду Филиппова, допросить судебно-медицинского эксперта и устранить некоторые противоречия в показаниях участников драки.

Допрос Арбидона не дал ничего нового. Ссылаясь на свое опьянение, он утверждал, что события, происшедшие вечером 10 сентября, помнит плохо. Свое участие в драке он не отрицал и допускал, что нанес удар ножом кому-либо из нападавших. Не исключал Арбидон и возможности нанесения такого удара Филиппову, если он «в темноте подвернулся под руку». И лишь как слабая попытка смягчить свою вину прозвучали слова Арбидона о том, что он «не хотел раскрывать нож» и, «помнится», так и не раскрыл его.

Допросив судебно-медицинского эксперта, я выяснил глубину раневого канала на трупе Филиппова (не менее 6 см) и направление этого канала (сверху вниз, слева направо).

На мой вопрос, могло ли ранение быть нанесено ножом, изъятым у Арбидона, эксперт ответил положительно. Несоответствие между шириной раневого канала (1,6 см) и лезвия ножа (1,8 см) он объяснил эластичностью кожи, в связи с чем, при нанесении колото-резаных ножевых ранений линейные размеры раны на теле человека, как правило, несколько меньше размеров оружия, которым ранение нанесено. Здесь же эксперт уточнил, что определял размер ранения на шее трупа «на глаз» и при этом возможно допустил ошибку в 1–2 мм. Предположение о нанесении Филиппову ранения при закрытом положении лезвия эксперт категорически исключил. Выяснилось также, что одежду трупа эксперт не осматривал, и ее уже отдали родственникам покойного.

Вечером в первый же день своего пребывания в Лодейном Поле я организовал проведение следственного эксперимента. Его целью было проверить, могла ли Мошкова с ее рабочего места видеть подробности происходившей на перроне драки.

Эксперимент проводился в 23 ч. 30 м., что примерно соответствовало времени убийства Филиппова (пассажирский поезд Мурманск – Ленинград отправляется со станции в 23 ч. 20 м.). Допросив дежурного по станции, я выяснил, что освещенность перрона со дня убийства не изменилась.

В ходе эксперимента я, понятые и другие лица, принимавшие участие в его проведении, убедились, что из ларька при свете находившегося поблизости от него электрического фонаря все происходящее на перроне (напротив ларька) видно хорошо.

Не вызывало сомнений и то, что Пешеев, переходивший железнодорожный путь вблизи багажной кладовой, расположенной недалеко от пивного ларька, мог видеть обстоятельства драки.

Хотя я и раньше не сомневался в добросовестности показаний Мошковой и Пешеева, проведение следственного эксперимента не было лишним. Его результаты объективно подтверждали показания свидетелей, на которых базировалось обвинение. Итак, все шло хорошо.

Однако все изменилось неожиданно. Работники милиции, выезжавшие по моему заданию в деревню Доможировка, доставили мне одежду Филиппова вместе с протоколом об ее изъятии и протоколом допроса жены покойного. Вдова показала, что Филиппов, уходя последний раз из дома, надел новую рубашку коричневого цвета, суконные черные брюки и сандалеты. Все эти предметы и нижнее белье мужа сохранились у нее в том виде, как их выдали в морге.

Осматривая рубашку покойного, я, на обильно пропитанном за-сохшейся кровью воротнике, обнаружил небольшой линейный разрез ткани. И то, о чем он свидетельствовал, совсем не вязалось с, казалось, бесспорно установленными по делу фактами.

Я отложил осмотр одежды и вызвал судебно-медицинского эксперта. О своем «открытии» я ему пока ничего не сказал.

Осматривая по моему предложению одежду, эксперт отметил обильные потеки крови на передней части рубашки покойного. Эти идущие вниз потеки и значительное скопление крови в том месте, где одежда прижималась к телу брючным ремнем, свидетельствовали, как заключил эксперт, о том, что после ранения потерпевший упал не сразу, а некоторое время продолжал находиться в вертикальном положении.

Далее эксперт констатировал, что расположение, размеры и характер дефекта ткани на воротнике рубашки соответствуют ране на шее трупа Филиппова. Это в свою очередь означало, что дефект ткани на воротнике рубашки образован орудием убийства в момент нанесения Филиппову смертельного ранения. Это было понятно. Но очевидно было и другое. Плотная ткань рубашки не имеет эластичности, свойственной коже человека, и линейный разрез на воротнике точно сохранил размеры орудия убийства. Длина же разреза была равна 1,2 см.

Нож Арбидона, ширина лезвия которого равнялась 1,8 см, мог быть орудием убийства лишь в том случае, если он проник в тело потерпевшего только своим острием, т. е. не более чем на 1 см. В противном случае разрез ткани на воротнике рубашки Филиппова неминуемо увеличился бы до максимальной ширины лезвия, т. е. до 1,8 см.

Но эксперт еще раз подтвердил, что у покойного оказались поврежденными не только подключичная артерия, но и купол плевры — рана проникла в грудную полость. При таком характере ранения глубина раневого канала должна быть не менее 3–3,5 см.

Теперь не только мне, но и эксперту, и присутствовавшим при этом работникам милиции, принимавшим участие в расследовании дела, стало ясно, что Филиппов убит не ножом Арбидона. Следовательно, смертельное ранение Филиппову нанес другой человек, вооруженный ножом с лезвием шириной 1,2 см. Этого человека необходимо было найти и изобличить. Иными словами, все предстояло начинать заново.

Составляя план расследования, я снова анализировал все материалы дела, пытаясь, наконец, уяснить, какое же звено доказательств, принимаемое мною ранее за бесспорное, таило в себе ошибку.

Нанесение Арбидоном одному из участников драки удара в голову, в результате которого потерпевший упал на землю, сомнений не вызывало. Об этом свидетельствовали Мошкова и Пешеев. Это же косвенно подтверждало поведение Арбидона, в частности, его слова о том, что он, «наверное, убил человека», и наличие крови на ручке и основании лезвия его ножа. Последнему обстоятельству ранее я не придавал особого значения, полагая, что кровь с самого лезвия преступник вытер. Расположение крови только у основания лезвия и на ручке ножа нельзя было игнорировать. Это соответствовало и заявлению Арбидона о том, что он «помнится» не раскрывал нож и, следовательно, мог нанести им удар в драке только при закрытом положении лезвия.

Таким образом, о нанесении Арбидоном одному из участников драки сильного удара, после которого потерпевший упал, можно было говорить утвердительно. Сведения об этом факте исходили из разных источников, взаимно дополняя и подтверждая друг друга, и были достаточно убедительны.

На трупе, кроме ножевого ранения в области шеи, никаких других телесных повреждений не имелось. Нанесение же Филиппову смертельного удара Арбидоном ножом с закрытым лезвием, с учетом данных осмотра одежды убитого, исключалось. Отсюда следовало, что Арбидон ударил не Филиппова, а кого-то другого. В данном случае потерпевшим мог быть Матюков, Неелов или Максимов. Нанося удар, Арбидон действовал с большой силой, так как потерпевший даже упал на землю. Несомненно, на его теле должны были остаться какие-либо следы удара. Хотелось надеяться, что, несмотря на восемь дней, которые прошли с момента драки, эти следы еще сохранились и их удастся обнаружить. Непонятно было одно: почему человек, получивший такой сильный удар, скрыл это на допросе?

Решив как можно быстрее провести судебно-медицинское освидетельствование участников драки, я вызвал эксперта, понятых и лиц, подлежащих осмотру, а сам тем временем приступил к повторному допросу Мошковой.

Разъяснив свидетельнице, насколько важны ее показания, я попросил Мошкову рассказать все снова, не пропуская даже тех подробностей, которые ей кажутся второстепенными. Результат не замедлил сказаться.

Я почувствовал, что Мошкова искренне желает мне помочь. Немного подумав, она сообщила много важных для меня деталей.

Так, в ходе допроса выяснилось следующее. В момент нанесения удара Арбидон стоял лицом к ларьку. Мошкова видела, как в его руке что-то блеснуло. Какой предмет держал в руке Арбидон, свидетельница разглядеть не могла, но, поскольку Филиппов оказался зарезанным, она не сомневалась, что нападавший был вооружен ножом.

Рядом с этими двумя дерущимися никого больше не было. Остальные участники драки находились где-то в стороне. Мужчина, которого Арбидон ударил, стоял к Мошковой спиной. Зная причину драки, Мошкова в тот момент считала, что упал один из местных парней, но позже она узнала, что убит Филиппов. Это ее удивило, так как она не могла понять, почему Арбидон и Филиппов, вместе покупавшие у нее пиво перед дракой, оказались противниками.

Мошкова рассказала также, что сразу же после нанесения Арбидоном удара своему противнику она, сильно испугавшись, захлопнула ставень. Что было дальше, свидетельница не видела. Когда минут через пять она вышла из ларька, чтобы запереть снаружи ставень и дверь, то у ларька и на перроне никого, кроме лежавшего на земле человека, не было видно. Потерпевший продолжал лежать на спине, на том же месте, где упал, получив удар. Поскольку этот человек не двигался, свидетельница и решила, что он после удара Арбидона сразу умер.

Мошкова показала, что человек, которому Арбидон нанес удар, был одет в рубашку темного, вероятнее всего, коричневого цвета. Свидетельница объяснила, почему на эту часть туалета потерпевшего обратила внимание. Вначале, когда она наблюдала за происходившим из окна ларька, ей показалось, что противник Арбидона одет в «москвичку». Когда же Мошкова вышла на улицу и подошла к окну ларька, чтобы закрыть на замок ставень, то смогла лучше рассмотреть одежду лежавшего на земле (лица его она не видела) и убедилась в своей ошибке – потерпевший оказался в коричневой рубашке.

Я спросил Мошкову, почему она, напуганная происходившим, решила так быстро выйти на улицу, тогда как в закрытом ларьке ей было бы безопаснее. В ответ свидетельница рассказала интересную подробность.

Закрыв изнутри ставень, она вначале действительно почувствовала себя в безопасности и выходить на улицу не собиралась. Но через минуту Мошковой показалось, что кто-то пытается опрокинуть ларек, так как один или два человека, тяжелое дыхание которых через стенку было слышно, несколько раз сильно толкнули ларек с левой стороны. Мошкова снова испугалась. Однако вскоре все стихло. Она

вышла на улицу и хотела бежать, но, увидев, что никого нет, и ей ничто не угрожает, Мошкова быстро закрыла на замок дверь и ставень ларька и только тогда ушла.

В значительной степени, дополненные и уточненные показания свидетеля-очевидца позволяли по-новому оценить установленные факты. Мошкова не ошиблась, увидев, что от удара Арбидона упал парень в «москвичке», но, закрыв тотчас ставень, она не могла видеть, как этот человек почти сразу же встал и ушел, а вслед за этим примерно в том же месте упал смертельно раненный Филиппов. Случайно его поза и место падения совпали с положением тела человека, сбитого с ног ударом Арбидона. Эта-то «подмена» и ввела в заблуждение Мошкову, а она в свою очередь – следствие.

Дальнейшее расследование дела уже не представляло особых трудностей. Из рассказа Мошковой я знал, что из всех участников драки в «москвичку» был одет один Матюков. При его освидетельствовании судебно-медицинский эксперт обнаружил на голове скрытые волосами две поверхностные, параллельно идущие глубокие ссадины, покрытые корочкой засохшей крови. Давность повреждения соответствовала времени, прошедшему со дня убийства. По заключению эксперта такое повреждение вполне могло быть нанесено ручкой ножа, изъятого у Арбидона, – размеры и взаимное расположение ранок совпадали с выступающими гранями торцевой части ручки ножа при закрытом положении лезвия. На теле Неелова и Максимова телесных повреждений не имелось.

Сразу же после освидетельствования Матюков был допрошен. Он рассказал, что во время драки, получив сильный удар по голове, упал и на короткое время потерял сознание, когда же открыл глаза, то «цыгана», который его ударил (Арбидон похож на цыгана), на перроне не было, а Максимов и Неелов боролись со вторым неизвестным у левой стенки пивного ларька. Чувствуя себя плохо, Матюков пошел домой. Вскоре его догнали Неелов и Максимов. Последний рассказал, что «ударил мужика ножом», и они договорились об этом молчать. Нож Максимов выбросил на пустыре около рекламного щита кино.

На первом допросе Матюков умолчал о полученном им в драке телесном повреждении, боясь, что следователь заподозрит его в убийстве.

Показания Матюкова подтвердил и Неелов. Их показания совпадали во всех деталях. Неелов рассказал, как у пивного ларька он вместе с Максимовым дрался с «приезжим мужиком». Последний

оказался физически сильнее их. Он несколько раз ударил Максимова о стенку ларька, а потом пригнул его к земле, но вскоре почему-то отпустил и, пошатываясь, пошел к линии железной дороги. В это время Максимов подал знак, и они побежали в противоположную сторону, где и догнали Матюкова. Что потом случилось с их противником, они тогда не видели.

Максимов признал свою вину в убийстве Филиппова. Его показания соответствовали уже установленным данным. Как объяснил Максимов, смертельный удар он нанес в тот момент, когда Филиппов пытался повалить его на землю около ларька. Обвиняемый сообщил, что перочинный нож, которым он убил Филиппова, имел длинное и узкое лезвие. На одной стороне ручки отсутствовала костяная накладка.

Хотя место, где Максимов выбросил нож, и было известно, но, как далеко он отлетел и куда упал, обвиняемый не мог сказать. Тогда в присутствии понятых я предложил Максиму на ходу бросить металлическую пластинку, по весу и размеру похожую на перочинный нож, в том же месте, с той же силой и в том же направлении, как поступил он со своим перочинным ножом. Результаты превзошли ожидания. В двух метрах от упавшей пластинки мы нашли перочинный нож. Его заржавевшее лезвие, имевшее в длину 8 см и в ширину 1 см, было открыто, костяная оправа на одной стороне ручки отсутствовала. Максимов подтвердил, что нож принадлежит ему и этим ножом он ударил Филиппова.

В целях проверки показаний Максимова была назначена судебно-медицинская экспертиза. Эксперты сопоставили размеры ножей Максимова и Арбидона с размерами раны на шее Филиппова. На основании полученного заключения следовало прийти к выводу, что ранение Филиппову могло быть нанесено ножом, принадлежавшим Максиму, а не ножом, изъятым у Арбидона.

Преступление Максимова я квалифицировал как убийство без отягчающих вину обстоятельств по ст. 137 УК РСФСР 1926 года.

РЕЦЕНЗИЯ

УДК 343.98

В.С. Ишигеев

**РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ Р.Г. АРДАШЕВА «ВОПРОСЫ ТЕОРИИ
И ПРАКТИКИ РАССЛЕДОВАНИЯ УБИЙСТВ,
СОПРЯЖЕННЫХ С ПОСТКРИМИНАЛЬНЫМ СУИЦИДОМ
ПРАВОНАРУШИТЕЛЯ» (ИРГТУ, 2015)**

В отечественной литературе по криминалистике встречаются «белые пятна» даже там, где тема исследований, казалось бы, хорошо известна. Так произошло с той частью источников по расследованию убийств, когда речь идет о посткриминальном суициде правонарушителя.

Классически считается, что раскрытие преступления происходит тогда, когда преступник установлен, задержан и ему предъявлено обвинение в содеянном. Но существует категория дел, по которым убийца не занимает место на скамье подсудимых: он прибегает к самоубийству раньше. Сказанное не означает, что данные дела должны быть некачественно расследованы, тем более, что в ряде таких случаев имеют место инсценировки.

Настоящая монография Р.Г. Ардашева издается в переработанном и дополненном виде, поскольку ее первое издание (2013 г.) очень быстро разошлось по России и СНГ, став библиографической редкостью. Востребованность данной книги очевидна – в России ежегодно совершаются сотни убийств в ситуациях, когда правонарушитель затем прибегает к самоубийству. Нередко суицид происходит не на месте совершения преступления, а убийство совершается без свидетелей. Между тем, причастность многих суицидентов к таким преступлениям не является очевидной. О проблемах правильной организации розыска такого правонарушителя достаточно убедительно свидетельствует дело А. Георгадзе, который в октябре 2015 г. за короткий промежуток времени совершил убийства четырех человек в Московской об-

ласти и скрылся. На его розыск были направлены сотни сотрудников полиции, хотя версия о посткриминальном суициде подозреваемого близ своего местожительства не проверялась в должной мере (а именно она нашла впоследствии материальное подтверждение).

Показательно и приятно то, что автор посвятил свою книгу памяти основателя школы сибирских криминалистов профессора В.И. Шиканова, которому в текущем году исполнилось бы 90 лет.

В книге Р.Г. Ардашева познавательны разделы, посвященные выявлению диагностических признаков самоубийц, судебным экспертизам, взаимодействию следователей с сотрудниками органов, осуществляющих ОРД. Интересен параграф, где показаны проблемы проведения опроса умирающих лиц. Оригинальна часть монографии, где говорится о применении специальных знаний при розыске трупов людей в водоемах. В полной мере, обусловленной целью и задачами исследования, в книге использована информация, полученная при опросе работников МВД, следственного комитета РФ и руководителей бюро судебно-медицинских экспертиз в 30 субъектах РФ.

Последний параграф книги, выполненный в соавторстве с Н.Н. Китаевым, представляет собой критический анализ большого количества источников, посвященных тематике привлечения помощи экстрасенсов в деятельности спецслужб и правоохранительных органов. Эта часть работы, характеризующаяся скрупулезной проверкой сообщений СМИ, имеет самостоятельное научно-практическое и познавательное значение. В первом издании книги данный параграф отсутствует.

В целом монография представляет значительный интерес для научных и практических работников, судебных экспертов, что уверенно позволяет включить настоящее издание в список трудов, рекомендуемых студентам юридических вузов и сотрудникам правоохранительных органов.

Информация об авторе

Ишигеев Владимир Степанович – профессор кафедры уголовного права и криминологии, доктор юридических наук, профессор, Байкальский государственный университет экономики и права; e-mail: avis@mail.ru.

Information about the author

Ishigeev Vladimir Stepanovich – Professor of Department of criminal law and criminology, Doctor of Law, Professor, Baikal State University of Economics and Law; e-mail: avis@mail.ru.

Научное издание

**СИБИРСКИЕ
УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ
И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ
ЧТЕНИЯ**

Сборник научных трудов

Выпуск 2 (8)

Издается в авторской редакции

Технический редактор
А.С. Ларионова

ИД № 06318 от 26.11.01.

Подписано в печать 19.11.15. Формат 60х90 1/16. Бумага офсетная.

Печать трафаретная. Усл. печ. л. 17,6. Тираж 100 экз. Заказ .

Издательство Байкальского государственного
университета экономики и права.
664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11.

Отпечатано в типографии «Репроцентр А1».
664023, г. Иркутск, ул. А. Невского, 99/2.
Тел. (395-2) 540-940.